

И 134
87

К

ПОЕЗД СМЕРТИ

МОСКВА 1934 САМАРА

Истпарт Средневолжского крайкома ВКП(б)

~~И 124
87~~

И 124
87

Поезд смерти

(Белый террор при чехо-учредивловщине)

Организация материала,
редакция, предисловие
и вступительная статья

Ф. Г. Попова

Издание 2-е
исправленное и дополненное

42
420 2/3

Средневолжское краевое
государственное издательство
Москва 1934 Самара

«Белое казачество, чехо-словаки и другие интервенты, учредилка, знаменитые подвалы самарской и уфимской контрразведок, карательные отряды и т. д. Обо всем этом в книге «Поезд смерти» дан богатейший, интересно подобранный материал.

Книга воспоминаний участников событий тех незабываемых годов читается с неослабеваемым интересом от первой до последней страницы.

Мемуарные записи сопровождаются вводными статьями составителя тов. Попова. Статьи эти, написанные со знанием дела и публицистическим огоньком, в основном правильно ориентируют читателя в нужном направлении.

(АРТЕМ ВЕСЕЛЫИ, «Волжская коммуна», 21 февраля 1934 г.)

«Годы прошли, много лет пройдет еще, но сотни и тысячи горящих глаз жертв «демократии» будут долго смотреть на нас, призывая продолжать то дело, за которое самоотверженно боролись и умирали наши товарищи,—за дело уничтожения классов во всем мире. Перед живыми участниками борьбы встает снова отвратительная фигура отживающего класса, с перекошенным от злобы лицом, хватаящая за горло трудящегося, посмеявшегося проявить свою волю. Поблекшие от времени краски оживают при чтении сборника. Перед глазами молодежи, не видевшей и не помнящей всех прелестей буржуазно-помещичьей «демократии», сборник раскрывает жуткие картины белого террора, страданий и гибели тысяч борцов, уставших своими трупами путь к новой жизни».

(Из рецензии Критико-библиографического института ОГИЗа.)

Истпарт средневолжского крайкома ВКП(б)

ПОЕЗД СМЕРТИ

Организация материала, редакция, предисловие и

вступительная статья Ф. Г. Попова

Издание 2-е, исправленное и дополненное.

Средневолжское краевое государственное издательство, Самара, 1934 г.

Техред К. В. Арсланов

Сдана в набор 27/1. Подписана к печати 29/III-34 г.

Формат 72 × 110/32. Тираж 10000 экз.

Изд. л. 6¹/₂ Бум. л. 3¹/₄. В бум. листе 107000 зн.

Инд. VI-П-5 в. СЕГИЗ №2192

Уполномоченный крайлита 361.

Типография ОГИЗ им. Мяги треста Полиграфкнига

Заказ № 221.

Самара, Галактионовская, 20

34-25376

Предисловие

После Октябрьской революции эсеры и меньшевики, вкупе со всяким другим контрреволюционным сбродом, истерически кричали о «большевистском терроре», «насилиях» над личностью, о нарушении большевиками принципов «демократизма и народовластия» и пр. и пр.

Эти вопли особенно усилились после роспуска в январе 1918 года Учредительного собрания. На помощь российской контрреволюции пришла заграничная буржуазная и социал-фашистская печать. Она повела против большевиков яростную кампанию, обливая их грязью лжи и клеветы.

Ленин, разоблачая гнусную клевету Каутского на диктатуру пролетариата, писал тогда, что «если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о «чистой демократии», пока существуют различные классы, а можно говорить только о классово-ой демократии» (Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 345).

Четырехмесячная деятельность «чистой демократии», организованной в Самаре в 1918 году с помощью Антанты, является весьма ярким подтверждением положения, приведенного В. И. Лениным.

Рождение в Самаре эсеровской «чистой демократии» ознаменовалось грандиозными кровавыми расправами. Эти расправы неизменно повторялись впоследствии при взятии учредилкой каждого города, каждой деревушки.

Расправы не прекращались и с удалением линии фронта от того или иного города, с наступлением «нормальной» обстановки. Необорот, террор значительно усиливался. При этом органы учредилки применяли самые разнообразные формы террора, насилий и издевательств над революционной частью населения.

Настоящий сборник посвящен белому террору при господстве самарской учредилковщины (Комитета членов Учредительного собрания—Комууча) и призван показать в истинном свете героев «чистой демократии», показать не по их демагогическим заявлениям, а по практическим делам.

Сборник составлен из разнообразных материалов и документов. Помимо воспоминаний активных участников событий 1918 года в сборнике имеются материалы и документы, взятые из учредилковской, а также из советской печати 1918 года и последующих лет.

Весь материал сборника разбит на четыре основных отдела.

В отделе, озаглавленном «Кровавые дни», даются материалы и документы о расправах учредилки с трудящимися в моменты занятия городов и сел, а также с попавшими в плен красноармейцами.

Отдел «Демократия на практике» знакомит читателя с общим режимом Комуча, его отношением к пролетарским организациям и вообще с его делами в «мирной» обстановке «возрождения России», как любили определять свою миссию деятели Комуча. В этом же отделе читатель найдет материалы об учредилковских тюрьмах, контрразведках и других подобных учреждениях, на насаждение которых Комуч не жалел ни сил, ни средств.

Положению в деревне, которая была отдана во власть карательных отрядов, посвящен отдел под названием «Во власти карательных отрядов».

И наконец, последний отдел—«Поезд смерти»—расскажет читателю об ужасах, которые довелось пережить нескольким тысячам заключенных, отправленных учредилкой в Сибирь. Далеко не все заключенные смогли пережить этот кошмарный путь: добрая половина их погибла от голода, холода, эпидемий и пуль конвойных офицеров.

Распределение материала по означенным отделам встретило значительные трудности, ибо во многих воспоминаниях последовательно затронуты самые различные вопросы. Поэтому, пусть читатель не сетует на нас, если он установит тождественность некоторых материалов, помещенных в разных отделах.

Более подробная характеристика материалов дана в небольших вводных заметках перед каждым отделом.

Для того чтобы читатель имел возможность составить более цельное представление о самарской учредилке, мы даем в начале сборника общую вводную статью—«Учредилковщина».

Учредилловщина

(вступительная статья)

Организаторы интервенции

В плане борьбы международной и внутренней контрреволюции против Советской республики Поволжью, как и другим «хлебородным окраинам», отводилась серьезная роль.

План интервентов заключался в том, чтобы нанести первые удары Советской России путем вооруженного выступления внутренней контрреволюции в ряде городов: Рыбинске, Ярославле, Костроме, Муроме, Шуе, Иваново-Вознесенске. В задачу чехо-словацких войск входило: занять Сибирскую железнодорожную магистраль, укрепиться на среднем течении Волги и соединиться с фронтом, который должен был быть создан в верховьях Волги. Этот соединенный фронт контрреволюции предполагалось поддержать союзническими десантами через Владивосток, Мурманск и Архангельск.

Партия эсеров, целиком купленная международным империализмом, предоставила интервентам все имевшиеся в ее распоряжении силы и свой опыт конспиративной и террористической деятельности. Еще в начале 1918 года, после разгона Учредительного собрания, часть ответственных работников и членов ЦК партии эсеров была перебросена в Самару для непосредственного руководства будущим выступлением. Переброска эсеров и белогвардейцев в районы будущего выступления особенно усилилась с апреля. Эсеры специально посылали в Красную армию

своих людей, чтобы в свое время использовать их для предательского удара в спину советской власти. Многие из эсеров-белогвардейцев, посланных в Красную армию, были военными специалистами и естественно в скором времени выдвинулись на командные должности.

В значительной степени следствием этих мероприятий контрреволюции и явились те успехи, которые сопутствовали чехо-учредилловщине в первое время.

То, что одним из очагов контрреволюции оказалось Поволжье, явление не случайное. Поволжье—по преимуществу сельскохозяйственный район. Здесь не было крупных пролетарских центров, и тот пролетариат, который имелся, являлся часто полукрестьянином, будучи прочно связан с деревней. Появление в поволжских губерниях продовольственных отрядов вызвало бешеную антисоветскую агитацию кулачества, весьма сильного здесь экономически, и именно в этот период наблюдаются колебания среднего крестьянства.

Все это учитывали интервенты. В. И. Ленин говорил в июле 1918 года, что план интервентов «состоит в том, чтобы отрезать от России хлебные местности», и как раз «в хлебородных окраинах они нашли себе социально-классовую опору, нашли себе местности с преобладанием кулаков, богатых крестьян» (Ленин, т. XXIII, стр. 158).

Колебания среднего крестьянства объективно явились опорой для контрреволюции. Эти колебания крестьянства нашли яркое отражение и в соотношении политических сил в органах советской власти зимой и весной 1918 года.

Так например, на состоявшемся незадолго до чехо-учредилловщины самарском губернском съезде советов большинство оказалось за левыми эсерами, максималистами и другими представителями мелкой буржуазии. Следствием дальнейшего обострения борьбы соглашательских мелко-

буржуазных партий против советов явился анархо-максималистский бунт в Самаре 17—18 мая.

Сходное с самарским положение было и в других городах Поволжья.

О настроениях деревни зимой 1918 г. яркое представление дает сводка наказов о власти волостных съездов по Симбирской губернии.

Вот эта сводка.

У Е З Д Ы	За сове- ты	За Учр. собр.	Колебл.	Без на- казов
Симбирский	8	5	1	—
Сенгилеевский	8	4	2	3
Сызранский	10	3	1	4
Ксереунский	17	4	2	2
Курмышский	5	1	2	9
Буинский	5	9	3	5
Алатырский	4	6	2	—
Ардатовский	8	4	3	1
<hr/>				
Итого по губернии	65	36	16	24

Безоговорочно за советы имеется 65 наказов, за Учредительное собрание 36, колеблющихся 16 и без наказов 24 волости. Таким образом хотя большинство наказов за советы, тем не менее указы за Учредительное собрание и колеблющихся составляют довольно солидную часть.

Эта сводка составлена на основании материалов волостных съездов. А губернский съезд оказался в значительной степени явно кулацким. Только в результате блока с левыми эсерами и максималистами большевикам удалось все же выйти с некоторой победой, но зато им пришлось уступить ряд важнейших постов (военный комиссариат, продовольственный, земельный) левым эсерам.

Все это, так же как и авантюра левых эсеров, являлось отражением тех колебаний, которые происходили в среднем крестьянстве. Это объективно способствовало успехам контр-

революции на первых порах, до тех пор, пока классовое деление внутри крестьянства окончательно не назрело и когда «беднейшее крестьянство не из книг, не из газет, а из жизни училось непримиримости своих интересов с интересами кулаков, богатеев, деревенской буржуазии» (Ленин, т. XXIII, стр. 392).

Чехо-словацкий мятеж

Империалисты весьма тщательно и упорно готовились к интервенции против Советской России. Эта подготовка проходила по двум основным направлениям. С одной стороны, союзники развили бешеную деятельность в самой России, сколачивая контрреволюционные силы, организуя базы будущего восстания, снабжая подпольные антисоветские организации оружием, деньгами и пр.

Но империалисты трезво смотрели на весь этот контрреволюционный сброд, не особенно полагаясь на его способность бороться с большевиками. Поэтому наряду с деятельной подготовкой выступления подпольных контрреволюционных организаций союзники с первых же дней после Октябрьской революции были озабочены созданием такой боевой силы, которую можно было бы в любой момент двинуть против Советской республики.

Разумеется, союзники могли бы двинуть против Советов свои войска. Но этот путь был опасен для самих же союзников. Дело в том, что в связи с выходом Советской России из коалиции и прекращением войны с Германией положение союзных войск на фронте было весьма тяжелым. Снять с фронта сколько-нибудь значительные силы союзники не имели возможности.

К тому же для посылки войск с запада союзники просто-напросто не имели возможности, ибо здесь их отделял от России ряд государств, с которыми у них шла война. В

свете этих фактов становится понятной и позиция Англии, которая, по свидетельству ген. Гревса, еще в марте 1918 года просила Японию оккупировать Сибирь вплоть до Урала и установить свой контроль над Сибирской железной дорогой.

Наряду с этим пролетариат воюющих стран все более резко выступал против войны вообще и в особенности против посылки войск для борьбы с Советской Россией.

При таких условиях чехо-словацкие войска, находившиеся в России, являлись наиболее подходящей силой, которую Антанты и решила бросить для удушения Советской республики.

Но прежде чем переходить к рассмотрению событий, связанных с чехо-словацким выступлением, необходимо ознакомиться с историей возникновения чехо-словацких войск в России.

До конца 1918 года территория нынешней Чехо-Словакии входила в состав австро-венгерской монархии. Трудящиеся чехи, словаки и другие народности, находившиеся под властью Австро-Венгрии, переносили двойной гнет: гнет и эксплуатацию собственной национальной буржуазии и гнет австро-венгерского империализма.

Тот национальный гнет, который испытывали на себе трудящиеся чехи и словаки, естественно способствовал распространению среди трудящихся националистических идей и ненависти к австро-венгерскому правительству. Эти идеи в свою очередь поддерживались и чешской буржуазией, которая стремилась нераздельно господствовать над народными массами Чехии, а потому боролась за отделение от Австро-Венгрии и за создание собственного государства. Националистические идеи буржуазией поддерживались также и потому, что эти идеи отвлекали трудящихся от классовой борьбы против буржуазии.

Будучи под двойным гнетом, широкие массы чехо-словацких рабочих и мелкой буржуазии связывали борьбу за национальное освобождение с надеждами на осуществление социальных и экономических реформ, которые бы коренным образом улучшили их экономическое положение.

Мировая война вызвала обострение ненависти чехо-словацких масс к Австро-Венгрии. Этому сильно способствовали и чешские националисты из среды буржуазии и интеллигенции, которые надеялись, что в результате военного разгрома австро-германской коалиции им удастся провозгласить независимость чехо-словацкого государства. В 1915 году в Париже под руководством чешского националиста профессора Массарика был учрежден чехо-словацкий Национальный совет, имевший отделения во всех государствах Антанты. В России отделение Национального совета было организовано сначала в Петрограде, а затем в Москве и Киеве.

Мобилизованные в австрийскую армию чехо-словаки, пропитанные националистическими идеями и ненавистью к Австро-Венгрии, были настроены пораженчески и массами переходили в русский плен. Чехо-словацкие солдаты сдавались в плен целыми взводами, ротами и даже полками. По подсчетам одного журналиста, в русском плену было около 200 тысяч чехо-словацких солдат.

Во время войны чехо-словацкая буржуазия, проживавшая в России, обратилась к царскому правительству с ходатайством о разрешении формировать из числа пленных чехо-словаков специальные чехо-словацкие легионы.

Царский генерал Романовский в докладной записке военному министру так определял цели формирования чехо-словацких легионов:

«Идея подобных формирований—это создать в пределах России ядро будущей национальной армии в свободной Чехии и дать возможность этому ядру боевой работой на

фронте заслужить на предстоящей мирной конференции всеобщее признание их самоотверженной работы в деле низвержения немецко-мадьярского деспотизма».

Как видим, формирование легионов было прежде всего одним из средств купить у Антанты признание независимости Чехо-Словакии. Оно кроме того избавляло чехо-словацкую буржуазию, жившую в России, но формально являвшуюся австрийскими подданными, от репрессий и конфискаций имущества в связи с войной.

В начале 1916 года начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев получил у царя согласие на формирование чехо-словацких легионов. И уже летом этого года чехо-словацкую дружину стали развертывать в бригаду.

После Февральской революции формирование чехо-словацких войск продолжалось. Принятое Временным правительством положение о формировании чехо-словацких войск передало «Союзу чехо-словацких обществ» право набора добровольцев. Однако и Временное правительство, по примеру царского, оставило в чехо-словацких частях язык делопроизводства русский. Временное правительство явно боялось дать «дурной пример» угнетенным народам России, и поэтому старший командный состав в чехо-словацких войсках должен был быть русского происхождения, точно так же, как все хозяйственные должности (казначей, начальники хозяйственной части и т. д.) непременно замещались русскими офицерами.

Несмотря на противодействие русских промышленников и помещиков, лишившихся в лице пленных чехо-словаков дешевой рабочей силы, чехо-словацкие легионы быстро увеличивались, и к концу мая 1917 года в ряды чехо-словацких частей было набрано 26 тысяч солдат и около 300 офицеров.

В начале июня 1917 года бывший в то время главком генерал Духонин распорядился «довести существующую чехо-словацкую бригаду, уже зарекомендовавшую себя блестящей боевой работой, до штата 4-полковой стрелковой дивизии, с соответствующей артиллерией и инженерными средствами и с развертыванием ее 4-ротного запасного батальона в 8-ротный и на этом ограничить в будущем развертывание чехо-словацких частей».

Во время известного июньского наступления чехо-словацкие войска одержали значительную победу у Зборова, за что Керенский разрешил формирование второй чехо-словацкой дивизии.

К моменту Октябрьской революции из чехо-словаков был сформирован целый корпус, численностью более 40 тысяч человек, который находился на Украине. Когда немецкая армия начала оккупацию Украины, чехо-словацкий корпус перешел на территорию РСФСР.

То, что чехо-словацкие части формировались буржуазией и руководство этими частями было в руках реакционного офицерства—русского и чешского,—все это не могло не отразиться и на настроениях рядовых легионеров. Чешское офицерство вело среди солдат усиленную контрреволюционную агитацию. Эта антисоветская работа особо настойчиво велась русскими офицерами и другими элементами, кто имел основание ненавидеть советскую власть. К слову сказать, таких элементов в чехо-словацком корпусе уже к маю 1918 года, т. е. к моменту выступления, насчитывалось очень большое количество—до 20 процентов его состава. Чехо-словацкое командование очень радушно принимало в свои ряды русское реакционное офицерство, после Октябрьской революции искавшее возможности посчитаться с советской властью.

В результате этой усиленной вербовки реакционного офицерства на каждые 16 солдат в рядах чехо-словацкого

корпуса приходился один офицер. Вместе с тем в этих войсках господствовала прежняя царская дисциплина.

Контрреволюционная обработка рядовых солдат чехословацкого корпуса особенно усилилась с марта 1918 года, после заключения Советской Россией Брестского мира. Антанта и чехо-словацкие лидеры окончательно сторговались относительно выступления в России, уже был выработан конкретный план захвата Сибирской железнодорожной магистрали.

Среди легионеров усиленно раздували сплетню о том, что якобы советское правительство собирается выдать Австрии всех легионеров. Если мы вспомним, что чехо-словацкие части состояли в большинстве из чехо-словацких патриотов, ненавидевших Австрию и добровольно перешедших из австрийской армии в русский плен, то станет понятно, что контрреволюционные агитаторы избрали весьма уязвимое место: ведь в Австрии чехо-словацким легионерам грозил военно-полевой суд и смертная казнь.

Позже, в связи с высадкой японского десанта во Владивостоке, советское правительство предложило чехо-словацким эшелонам изменить маршрут и ехать не через Владивосток, а через Архангельск. Этот факт был также использован для контрреволюционной агитации. Легионерам говорили, что изменение маршрута вызвано тайным соглашением советского правительства с Германией с целью потопления чехо-словацких войск германскими подводными лодками в Северном полярном море.

Антанта поставила чехо-словацкое выступление против Советской России условием признания независимости чехословацкого государства после разгрома австро-германской коалиции. Это положение подтверждает следующая прокламация Национального совета, опубликованная в Самаре 9 сентября 1918 года.

«Сибирская секция чехо-словацкого Национального совета уведомляет всех соотечественников на фронте, что она только что получила телеграмму, дающую текст переговоров, происшедших между командиром владивостокских сил генералом Дитерихсом и командиром чехо-словаков полковником Гайдой. Профессор Массарик санкционировал нашу деятельность в Сибири и России, и союзники ныне согласились признать чехо-словацкий Национальный совет законным правительством Чехо-словацкой республики».

Помимо «признания» Антанта не забыла своих наймитов и материальной помощью. 29 июля 1918 года В. И. Ленин на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета, фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы привел данные о размерах финансирования Антантой чехо-словаков. Вот эти данные:

«7 марта отделение Национального совета получило первый взнос от французского консула в сумме 3 миллионов рублей.

Эти деньги выданы были некоему г-ну Шип, сотруднику отделения Национального совета.

9 марта тому же Шип уплачены были еще 2 миллиона, 25 марта Шип получил 1 миллион, 26 марта товарищ председателя Национального совета г. Богумил-Чермак получил 1 миллион и 3 марта опять г. Шип получил 1 миллион.

Итого французским консулом уплачено было отделению Национального совета с 7 марта по 4 апреля 8 миллионов.

Без обозначения числа было уплачено: г. Шип—1 миллион, г. Богумил-Чермак—1 миллион, г. Шип вторично—1 миллион.

Кроме того неизвестному лицу уплачено было 188 тысяч рублей. Итого 3 188 тысяч. С указанными выше 8 миллионами получается сумма 11 миллионов 188 тысяч, которые французское правительство уплатило отделению Национального совета.

От английского консула отделение приняло 80 тысяч фунтов стерлингов. От 7 марта до дня выступления вожди Национального чешского совета получили от французского и английского правительств около 15 миллионов и за эти деньги была продана чехо-словацкая армия французским и английскими империалистам» (Ленин, т. XXIII, стр. 152).

До начала военных действий чехо-словацкие солдаты получали обычное солдатское жалование—5 рублей в месяц. С момента же выступления солдатам платят 200 рублей в месяц, помимо довольствия и обмундирования, а офицерам, разумеется, еще более значительные суммы.

Эти щедрые подачки свидетельствуют о том, что империалисты рассчитывали после свержения советской власти на огромные барыши, которые достались бы им в результате раздела России и с лихвой возместили произведенные затраты.

Итак, чехо-словацкое выступление, продиктованное и организованное Антантой, не было отдельным эпизодом, а являлось составной частью широкого, детально разработанного плана международного империализма, плана, рассчитанного на ликвидацию очага международной пролетарской революции.

«Чехо-словацкое движение,—говорил В. И. Ленин,—было одним из звеньев, давно рассчитанных на удушение Советской России систематической политикой англо-французских империалистов, с целью втягивания России снова в кольцо империалистических войн. Теперь этот кризис должен быть разрешен широкими массами Советской России, так как он встал перед нами теперь как борьба за сохранение Советской социалистической республики не только от чехо-словаков, как от контрреволюционного покушения, не только от контрреволюционных покушений вообще, но как борьба против натиска всего империалистического мира» (Ленин, т. XXIII, стр. 151).

Таким образом чехо-словацкий корпус являлся прямым исполнителем воли международного империализма и вооруженной силой международной контрреволюции.

Началом вооруженной борьбы чехо-словаков против Советской республики можно считать 17 мая. В этот день чехо-словаки, находившиеся в эшелонах на станции Челябинск, захватили вокзал, ворвались в город и заняли его центр. Это свое выступление чехо-словацкое командование мотивировало необходимостью освобождения арестованных челябинским советом нескольких чехо-словацких солдат за убийство красноармейца-мадьяра.

Причины поспешного и изолированного выступления челябинской группы чехо-словацких войск до сих пор остаются не вполне ясными. Остается предположить, что произошла какая-то путаница с директивой штаба чехо-словацких войск, и вместо назначенного общего выступления на 25 мая это выступление в Челябинске последовало несколько раньше—17 мая.

Вслед за челябинским выступлением начинаются выступления в других городах. В пределах Поволжья вооруженные действия начались в Пензе 28 мая.

На неоднократные предложения пензенского губисполкома о сдаче оружия командование пензенской группы чехо-словацких войск отвечало категорическим отказом. Больше того, чехо-словацкое командование настолько вызывающе вело себя, что губисполком вынужден был утром 28 мая объявить Пензу на осадном положении.

В полдень этого же дня советский патруль задержал несколько вооруженных чехо-словацких солдат, пытавшихся пробраться в город. Задержанные стали отбиваться, и со стороны вокзала по советскому патрулю был дан залп из винтовок. Это были первые выстрелы. Началась вооруженная борьба.

Советских войск в Пензе было совершенно недостаточно для борьбы с хорошо вооруженными чехо-словацкими войсками. Поэтому на другое утро советские отряды, теснимые со всех сторон, вынуждены были оставить город.

Заняв Пензу, чехо-словаки разгромили продовольственные и оружейные склады и награбленным имуществом нагрузили свои эшелоны.

В Пензе однако чехо-словаки не стали задерживаться. В ночь с 30 на 31 мая они покинули ее, захватив с собой в качестве заложников комиссара губЧК тов. Козлова и секретаря совета губернских комиссаров тов. Либерсона, впоследствии расстрелянного в дороге.

Одновременно с событиями в Пензе подобные же события развернулись в Сызрани. 29 мая на требование представителей советской власти о сдаче оружия чехо-словацкое командование ответило резким и грубым отказом. Больше того, чехо-словаки быстро оцепили вокзал и железнодорожные пути и захватили помещение винного склада и кавалерийские казармы, цейхгаузы которых они разгромили. Все эти пункты, захваченные чехо-словаками, являются господствующими высотами над городом.

С их занятием город по сути дела оказался в руках чехо-словаков. Ночью по улицам города разгуливали чехо-словацкие патрули.

Сызранский исполком оказался совершенно неподготовленным к борьбе с чехо-словацкими войсками. Вместо безусловного выполнения приказов Москвы о разоружении чехо-словаков сызранский исполком вступил на путь компромиссов, заключив с чехо-словацким отрядом формальный договор.

По этому договору чехо-словацкое командование обязывалось не вмешиваться во внутренние дела Советской республики, сдать «все лишнее, отобранное в Пензе, в Кузнец-

ке и Сызрани оружие своим представителям, остающимся в Сызрани до прохождения последнего эшелона», после чего эти представители должны были сдать оружие сызранскому исполкому. Взамен этого сызранский исполком должен реабилитировать чехо-словаков «перед центральными властями и всеми совдепами».

Даже формально этот договор не возлагал на чехо-словаков никаких обязательств, но зато давал им возможность выиграть время. Договор является наиболее ярким свидетельством капитуляции сызранского исполкома перед чехо-словаками. Это видно хотя бы из пункта, по которому «лишнее» оружие чехо-словаки должны сдать не представителям сызранского исполкома, а своим же представителям, которые «по отправлении последнего эшелона из Сызрани» сдают его исполкому. Чехо-словакам таким образом предоставлена полная возможность увезти с собой столько награбленного оружия, сколько им заблагорассудится, ибо никакого контроля за сдачей оружия со стороны второй договаривающейся стороны—сызранского исполкома—установлено не было.

Но даже и этот капитулянтский договор, который давал чехо-словакам возможность бесконтрольного хозяйничания не только на железной дороге, но и в самом городе, был отброшен чехо-словаками на другой же день. Как только из Пензы подошли арьергардные эшелоны чехо-словаков, их командование начало предъявлять сызранскому исполкому различные ультиматумы и требования. В этот же день, чтобы обезопасить свои эшелоны со стороны Пензы, чехо-словаки взорвали железнодорожное полотно позади эшелонов, а вечером захватили мост через Волгу, одновременно очистив Сызрань и увозя в своих эшелонах все «лишнее» оружие, прихватив заодно и оружие разгромленных ими сызранских складов.

Борьба за Самару

Из Сызрани чехо-словацкие эшелоны двинулись на Самару.

Положение в Самаре в тот период было чрезвычайно напряженное. Возникший осенью 1917 года. Урало-Оренбургский фронт (против контрреволюционных отрядов уральского и оренбургского казачества) требовал от Самары большого напряжения сил.

В губисполкоме большинство имели левые эсеры и максималисты. Борьба между большевистским горсоветом, опиравшимся на наиболее революционную часть рабочих, и эсеровским губисполкомом к середине мая достигла наивысшего предела. 17 мая произошло вооруженное контрреволюционное выступление анархо-максималистов, которое удалось ликвидировать силами коммунистической дружины. Формально губисполком отмежевался от мятежников, но фактически мятеж был вызван демагогией губисполкома и левых эсеров.

В городе имелась подпольная белогвардейская офицерская организация, связанная с эсерами. Эта офицерская банда всячески старалась дезорганизовать тыл красных.

В таких невероятно тяжелых условиях самарским большевикам приходилось организовывать защиту Самары.

К непосредственной организации обороны Самары большевики приступили 29 мая, когда было получено сообщение о выступлении чехо-словаков в Пензе. В этот же день Самара была объявлена на осадном положении, а на следующий день для руководства обороной был создан боевой революционный штаб в составе В. В. Куйбышева, Гузакова и М. С. Кадомцева.

На призыв штаба о записи добровольцев в боевую дружину революционно настроенные рабочие откликнулись очень дружно. За 3—4 дня дружина с 400 человек увеличилась примерно до 2 тысяч. Профсоюзы металлистов, кожев-

ников организовали специальные отряды, которые и были переданы в распоряжение штаба.

Но если рабочие отряды организовать было сравнительно не трудно, то гораздо труднее было подыскать соответствующих специалистов, оборудование, боеприпасы и пр. У всех, кто вступил в боевые дружины, было горячее желание биться с врагом до последней капли крови. К сожалению, боевая подготовка отрядов была очень низка. Еще хуже обстояло дело с военными специалистами. Среди большевиков таких специалистов почти не было, за исключением одиночек.

Когда тов. Подвойский, бывший в то время в Самаре, потребовал от штаба ПРИВО дать людей для организации обороны Самары, собрание офицеров штаба отказало, мотивируя тем, что они поступили на службу в штаб с условием не участвовать в гражданской войне. Только после долгих переговоров и угроз штабисты выделили из своей среды трех военспецов.

Можно себе представить, что за помощь получили большевики от этих военспецов, с нетерпением ожидавших прихода чехо-словаков!

Первое вооруженное столкновение самарских отрядов с чехо-словаками произошло у Сызранского моста через Волгу. Туда был послан латышский отряд в 100 человек. Но эта горсточка товарищей не в силах была оказать серьезное сопротивление нескольким тысячам хорошо вооруженных чехо-словацких войск и была отброшена. После боев у Майтуги и Безенчука советские отряды отступили к Русским Липягам, где стали готовиться к решительному сражению.

Советских войск под Липягами было около 2500 человек. Их слабость заключалась в том, что по своему составу они не представляли единого целого: тут были дружины коммунистов и левых эсеров, отряды рабочих, уфимские отряды,

составленные из недавно мобилизованных и плохо обученных татаро-башкирских рот, и т. п. Все отряды в целом были плохо обучены военному делу, не имели знающего военного дело командного состава.

Имея подробные сведения о расположении и численности советских войск, чехо-словаки с утра 4 июня повели наступление на Липяги. Взяв красных в кольцо с трех сторон, чехо-словаки открыли перекрестный огонь. Советские отряды не выдержали натиска во много раз сильнее и лучше вооруженного противника и с огромными потерями отступили к Самаре.

Одержав победу под Липягами, чехо-словаки однако не продвигались дальше в течение трех дней. С тыла их настигли красные отряды, подошедшие из Пензы и Ульяновска. Хотя сражение с этими отрядами также кончилось победой чехо-словаков, все же они были вынуждены задержать продвижение на Самару.

Трехдневная передышка, полученная большевиками Самары, была использована для укрепления сил. Усилиями партийного штаба и ревкома красные отряды вновь были пополнены. Они укрепились по берегу реки Самарки и готовились к решительному отпору. Но в ночь на 8 июня предатели, пролезшие в отряд тов. Грачева, охранявший мост через Самарку, связались с чехо-словаками и вместе с последними спокойно перешли мост. Отряд тов. Грачева, а также отряд латышей были почти целиком уничтожены. Подпольная белогвардейская организация в Самаре, разумеется, была осведомлена о предателях в рядах советских отрядов. Ночью белогвардейская организация произвела несколько выступлений в городе, в тылу у красных, стремясь внести панику в их ряды. А на рассвете, когда первый чехо-словацкий отряд только еще перешел мост, часть белогвардейцев сразу же присоединилась к нему и вместе дви-

нулась к клубу коммунистов, чтобы отрезать путь к отступлению засевающим в клубе. Одновременно с этим другие группы белогвардейцев, атаковали милицейские части и занимали правительственные здания. Отступающие красные отряды подвергались обстрелу из пулеметов и винтовок с крыш, из окон и т. д.

Товарищи, находившиеся в партийном клубе, были застигнуты врасплох. Только небольшой группе удалось выбраться из клуба и добраться до пристани. Остальные товарищи, в количестве около 50 человек, во главе с председателем горисполкома тов. Масленниковым, оборонявшие клуб до последней минуты, не успели выбраться и были окружены чехо-словаками и белогвардейцами. Когда эти товарищи увидели, что сопротивляться больше все равно бесполезно, они с белым флагом вышли на улицу и сдались чехо-словакам, предварительно получив гарантию защиты от самосуда белогвардейской толпы.

Но чехо-словаки не выполнили обещания о защите. По дороге в штаб сдавшихся зверски избивали.

...Большевистская Самара пала. Началась дикая расправа белогвардейщины над коммунистами, советскими работниками и красноармейцами. Одним из первых пал жертвой зверской расправы черносотенной толпы при активной помощи чехо-словаков председатель революционного трибунала, старый большевик Франц Венцек.

По очень неполным данным в первые дни чехо-учрежденческой власти в Самаре было замучено более 300 человек. В действительности жертв чехо-учрежденки было гораздо больше, но подсчитать их сейчас совершенно невозможно.

Так ознаменовался приход к власти эсеровской «демократии».

Еще за несколько дней до падения Самары будущее эсеровское «правительство» выехало в Иващенко и там

дождалось прихода чехо-словаков. А утром 8 июня, как только Самара была взята чехо-словаками, эсеровские главари: И. М. Брушвит, П. Д. Климушкин, Б. К. Фортунатов, В. К. Вольский, И. П. Нестеров—были доставлены в здание городской думы в чешском автомобиле под охраной чешских штыков. Здесь состоялось провозглашение нового «правительства», наименовавшего себя Комитетом членов Учредительного собрания (Комуч).

В царстве „демократии“

Эсеры, как известно, считали себя представителями «трудового крестьянства». Поэтому не безынтересно познакомиться с политикой Комуча в крестьянском вопросе.

Помещик своим классовым нутром определил настоящую цену программных заявлений Комуча и густо полез в свои бывшие имения, с помощью карательных отрядов того же Комуча восстанавливая свои «священные права».

Своим приказом № 124 от 22 июля Комуч фактически полностью восстановил права помещиков и кулаков на земельную собственность. В этом приказе говорилось: «Право снятия озимых посевов, произведенных в 1917 году на 1918 год как в трудовых, так и в нетрудовых хозяйствах, принадлежит тому, кто их произвел». Таким образом, несмотря на то, что земля являлась согласно программе эсеров «народным достоянием», помещики присвоили урожай с посевов, произведенных в 1917 году.

Получив формальную «зацепку», помещики еще энергичнее приступили к восстановлению своих прав. Корреспондент меньшевистской «Вечерней зари» в конце июля сообщал, что в селах Бузулукского уезда, особенно в тех, близ которых имеются большие помещичьи имения, настроение крестьян подавленное и запуганное, происходят жестокие расправы с лицами, взятыми под подозрение, и возвраще-

ние помещиков «внушает населению дурное предчувствие». Вернувшись в свои владения помещики разъезжают по деревням, снимают какие-то допросы, расставляют караулы по своим владениям, грозят казаками, «бараньим рогом» и т. д.

В селе Натальино, Бугурусланского уезда, офицер приказал крестьянину, убравшему хлеб с бывшей помещичьей земли, свезти его на гумно «законного владельца», т. е. помещика. За отказ подчиниться крестьянин был высечен.

Несмотря на то, что Комуч официально запретил куплю-продажу земли, помещики с этим совершенно не считались. Не веря в прочность учредилки, помещики спешно распродавали имения. В частности в Самарском уезде одно из крупнейших имений было продано французским капиталистам.

Вполне понятно, что политика Комуча заставила бедняцко-средняцкую часть деревни сделать соответствующие выводы. В деревне началась жестокая борьба против эсеровской «демократии», выступавшей против бедняцко-средняцкой части крестьянства с нагайкой, пулеметом и даже артиллерией.

Поворот основной массы крестьянства в сторону советской власти отразился даже на настроениях самарского губернского крестьянского съезда, созванного эсерами в половине сентября. Съезд, несмотря на соответствующий подбор делегатов, занял враждебную линию к Комучу. Уже на первом своем заседании съезд провалил выставленную эсерами кандидатуру в председатели съезда. А когда стали голосовать внесенную Климушкиным резолюцию о поддержке Комуча, получился политический скандал: резолюция едва собрала половину голосов.

Чтобы переломить настроение съезда, туда был привезен только что приехавший в Самару Виктор Чернов, а в качестве его помощников—представитель чехо-словаков др

Влассак и французский консул Жапо. После речей этих лиц резолюцию Климушкина поставили на вторичное голосование. Но и это второе голосование дало эсерам жалкие результаты: из 229 делегатов за резолюцию голосовало только 129, против 33 и воздержалось 67.

Таковы итоги деятельности Комуча в крестьянском вопросе. Что же касается так называемого рабочего законодательства, то там деятельность Комуча началась в первую очередь с отмены всех декретов и распоряжений, изданных советской властью. Однако уже через месяц после прихода к власти Комуч вынужден был заявить, что декреты о приеме и увольнении рабочих и служащих, а также об охране и регулировании труда продолжают сохранять свою силу и «впредь до отмены или изменения их».

Понятно, что заявление Комуча было рассчитано на затемнение сознания пролетариата. Практически же оно не имело ни малейшего значения. С самого первого дня после переворота предприниматели повели яростную кампанию за удлинение рабочего дня и добились этого, особенно в мелких предприятиях. А когда ведомство труда разработало закон о 8-часовом рабочем дне, то этот закон встретил сильнейшее противодействие внутри самого Комуча. По признанию бывшего управляющего ведомством труда Майского, закон был проведен с большим трудом и то только потому, что он имел агитационное значение. Ясно, что предприниматели всячески игнорировали этот закон, а Комуч не слишком уже настаивал на выполнении его.

Помимо закона о 8-часовом рабочем дне Комуч утвердил положение о кассе безработных и устав этой кассы. Положение и устав являются огромным шагом назад по сравнению с тем, что было при советской власти. В управлении кассой представители рабочих не имели большинства, причем рабочие вносили в кассу $\frac{1}{9}$ всех поступлений. Насколько

предупредительно Комуч относился к торгово-промышленникам, показывает тот факт, что они должны были вносить в кассу безработных всего лишь $\frac{2}{9}$ всех поступлений, остальные средства должны были вносить правительство, земство и город.

Во всем своем законодательстве Комуч совершенно определенно и недвусмысленно проводил политику, рассчитанную на привлечение к Комучу симпатий буржуазии. В одной из своих деклараций Комуч заявил, что «предпринимателям предоставляется право требовать от рабочих интенсивного и доброкачественного труда... и увольнять неподчиняющихся этим требованиям...» и дальше: «предпринимателям предоставляется право увольнять лишних рабочих...»

Нетрудно понять, что эти два пункта сводили на-нет все завоевания пролетариата и предоставляли предпринимателям неограниченную свободу действий. Они получили полную возможность «законным путем» расправиться с негодными им рабочими и делать со всеми работающими все, что угодно хозяйскому нраву.

Предприниматели, разумеется, не замедлили воспользоваться предоставленными правами. Начались массовые увольнения рабочих, сокращение зарплаты и т. д.

Заявляя в своих декларациях о восстановлении многочисленных гражданских свобод, якобы попраных большевиками, учредилка на практике проводила самую махровую реакционную политику. Профсоюзы и другие рабочие организации были поставлены почти вне закона. И характерно, что те «демократические» учреждения, которые были вызваны к жизни Комучем, одними из первых открыли поход против профсоюзов.

Начало деятельности самарской городской управы ознаменовалась тем, что она при расчете со строительными рабо-

чими исходила из 12-часового рабочего дня, в результате чего 8-часовой рабочий день оплачивался лишь в размере $\frac{2}{3}$ положенной платы. Любопытно, что, когда возник конфликт, городская управа, не желая иметь дело с союзом, начала сдавать работу частным подрядчикам по ценам выше тех, которые требовал профессиональный союз.

В других государственных учреждениях и предприятиях также воскресли старые порядки, и профсоюзы оказались почти на нелегальном положении. Само правительство чинило союзам всяческие препятствия, отбирая у них помещения и т. п.

Совсем по-другому Комуч относился к буржуазии. Отвечая на декларацию торгово-промышленников в первые дни после переворота, Комуч весьма недвусмысленно дал понять буржуазии, что она может быть совершенно спокойна за свои капиталы и за свое будущее. Этот ответ Комуча был очень благосклонно встречен буржуазией. Кадетский «Волжский день», выразитель интересов крупной буржуазии, с удовлетворением отмечал, что «отказ от всяких социалистических экспериментов обязателен для всякой власти, если она действует ради государственного возрождения».

Обещания, данные Комучем буржуазии, весьма быстро были проведены в жизнь. Уже через четыре дня после переворота Комуч издал приказ о денационализации банков. Была восстановлена в полном объеме деятельность частных банков.

Далее Комуч восстановил частную собственность на процентные бумаги, объявил все вклады в банках неприкосновенными, а конфискованные советской властью суммы с текущих счетов буржуазии были вновь восстановлены и возвращены бывшим владельцам. Одновременно с этим Комуч отменил советский декрет об аннулировании займов.

Но Комуч выполнял «социальный заказ» буржуазии не только в области финансов. Все национализированные при советской власти предприятия Комуч решил возвратить их бывшим владельцам. При этом Комуч был столь предупредителен к собственникам, что возмещал им стоимость фабрикатов и полуфабрикатов, имевшихся на фабриках к моменту национализации, а также убытки, «происшедшие от порчи машин и прочего имущества предприятия».

Не забыл Комуч и хлеботорговцев. Своим приказом за № 53 он создал продовольственную управу, а при ней особый «хлебный совет», руководящая роль в котором была предоставлена крупным хлеботорговцам. Этим приказом Комуч фактически упразднил хлебную монополию и отменил твердые цены на хлеб.

Комуч старался всячески завоевать сердца капиталистов. В речах его ответственных представителей мы часто находим клятвы и обещания сохранить капиталистический строй. В частности председатель Комуча Вольский в речи на чрезвычайном съезде городов и земств заявил:

«Отвергая всякого рода социалистические эксперименты, Комитет считает, что капиталистический строй в настоящее время отменен быть не может. Капиталистическая промышленность должна существовать и класс капиталистов должен иметь возможность вести промышленность».

Отдельные представители в своих выступлениях шли еще дальше и без обиняков излагали перед буржуазией свои намерения. Так один из деятелей Комуча на собрании уфимского союза торгово-промышленников в порыве откровенности заявил собравшимся толстосумам:

«Быть может мы сами во имя общих интересов должны будем принять меры против наших избирателей».

Однако весьма скоро буржуазия забыла все заслуги Комуча. Аппетит приходит во время еды. Не довольствуясь

эсеровским правительством, капиталисты взяли курс на «твердую власть», лишив Комуч своей финансовой помощи.

„Народная армия“

Вначале Комуч пытался создать армию на добровольческих началах. Срок службы в этой армии был установлен трехмесячный. В эти три месяца Комуч надеялся покорить большевиков и торжественно въехать в Москву. Однако многочисленные обращения Комуча к «народу» с призывом вступать в «Народную армию» совершенно не получали откликов.

«Реальная поддержка,—говорил впоследствии Климушкин о периоде после переворота,—была ничтожна. К нам приходили не сотни, а десятки граждан. Рабочие нас совершенно не поддерживали».

Эти «десятки», которые приходили к Комучу, состояли исключительно из офицеров, кулацких сынков, буржуазных студентов и пр.

Вполне понятно, что этими добровольческими «силами» Комуч не мог ограничиться, а поэтому 30 июня издан был приказ о призыве в Народную армию двух очередных годов—1897—1898.

Однако Комучу не удалось провести этот призыв. Трудящаяся молодежь города и деревни не шла в армию учредилки, и вместо 50—60 тысяч, как надеялся Комуч, ему удалось собрать всего 12—15 тысяч человек. Но и эти люди не желали воевать против Красной армии и при первой возможности разбежались по домам.

Дезертирство из Народной армии приняло грандиозные размеры. Комуч был засыпан протестами крестьянских сходов против призыва. В своих резолюциях крестьяне так и писали, что не дадут своих детей для войны против советов.

Для борьбы с дезертирством и восстановления «авторитета власти» управляющий военным ведомством Комуча распорядился организовать карательные отряды и полевые суды для расправы на месте над уклоняющимися от призыва и их семьями.

Деревня была отдана во власть учредилковских карательных отрядов. Однако, несмотря на зверства этих отрядов, они все же не достигли своей цели. Больше того, от метода пассивного сопротивления призыву в армию и другим мероприятиям Комуча крестьянство перешло к активным действиям против учредилки, не останавливаясь даже перед применением оружия.

По сути дела крестьянство переходило к партизанской борьбе. Карательные отряды оказывались уже бессильными. Тогда военное начальство Комуча придумало новый способ усмирения непокорных сел и укрепления дисциплины в армии. Этот новый способ изобретен ген.-майором Ключковым и изложен в докладной записке на имя начальника полевого штаба армии.

«Из поступающих от подведомственных мне частей донесений видно,—пишет генерал,—что дезертирство солдат не прекращается. Считая, что к участию в борьбе с этим злом можно и должно привлечь и само население, с своей стороны предложил бы на ваше усмотрение такой способ: население сел, деревень и прочих местностей, из коих берутся по набору солдаты в ряды Народной армии, должно быть заинтересовано, чтобы их односельчане не дезертировали. Для этого надо, чтобы бежавшие и не разысканные были бы пополняемы вновь теми же местностями, но из более старых годов (так как 1897 и 1898 гг. уже будут взяты), в данном случае 1895 и 1896 гг.

Если это требование выполнено не будет, посылать на места небольшие отряды с одним орудием, которые в ульти-

мативной форме представляли бы свои требования сельским властям. В случае нежелания со стороны населения выполнять таковые следует выпустить по деревне один снаряд и опять предъявить свое требование, не исполнили—2 снаряда и вновь требовать, не исполнили—4 снаряда. И в случае упорства расстрелять артиллерийским огнем означенную деревню. После одной такой карательной экспедиции об этом узнают и дезертиров не будет».

Этот вновь изобретенный способ незамедлительно был применен на практике. 5 сентября в официальном органе Комуца было напечатано следующее донесение бузулукского уездного уполномоченного Комуца:

«При объявлении набора в Бузулукском уезде некоторые из волостей не пожелали дать новобранцев, вследствие чего по отношению к последним были применены репрессивные меры. При стрельбе карательного отряда произошли пожары и причинены убытки некоторым крестьянам, быть может невинным. Последние обратились к уполномоченному с просьбой о покрытии расходов.

Признавая всецело виновными в этом сельские общества, оказавшие сопротивление существующей власти Учредительного собрания, Бузулукский уполномоченный полагает возмещение расходов пострадавшим отнести за счет тех сельских обществ, которые вынесли постановление о невысылке новобранцев».

О характере этих «репрессивных мер» дает некоторое представление следующая заметка, напечатанная в «Вестнике Комуца»:

«В виду того что Лобазинская волость не дала и не дает на военную службу требуемых солдат, высшими властями ей предъявлен следующий ультиматум: «В трехдневный срок, начиная с 9 сентября, представить в войсковое присутствие требуемых солдат, а в случае неисполнения против

Лобазинской волости будут открыты военные действия, причем за артиллерийские снаряды и причиненные убытки деньги будут взысканы со всего населения волости, а ослушники будут преданы военно-полевому суду».

Таким образом в деревне началась самая настоящая война с применением артиллерии.

Вполне понятно, что армия, набранная подобными методами, служила плохой опорой учредилки. На фронте дрались лишь офицерские добровольческие части и чехословаки. Мобилизованные же части в большинстве совершенно не годились для войны и при первом удобном случае разбегались или переходили на сторону советских войск.

Перелом на фронте

После падения Самары и организации здесь эсеровского правительства территория учредилки начала быстро расширяться. В июне, вскоре после переворота в Самаре, чехословацкие войска занимают на восточном направлении Сергиевск, Бугуруслан, Абдулино, на юго-восточном—Бузулук, на западном—Сызрань и т. д.

Военным успехам контрреволюции способствовали многие причины. Прежде всего колебания среднего крестьянства, о которых говорилось выше, сыграли весьма значительную роль в этих успехах. Наряду с этим имели значение малочисленность и слабость пролетариата в районах деятельности контрреволюции, а отсюда и слабость партийных организаций. Не малое значение имели и то обстоятельство, что экономическая мощь буржуазии к моменту контрреволюционного мятежа не была еще окончательно подорвана. Всю силу этой мощи буржуазия до контрреволюционного переворота мобилизовала против Советов, против пролетариата, а после переворота—контрреволюция получила значительную материальную поддержку. Наконец, огромное значение имела

та контрреволюционная работа, которая велась белогвардейцами в тылу у красных.

Это особенно заметно при ознакомлении с обстоятельствами, при которых чехо-учредилкой были захвачены крупнейшие города Поволжья. Так Самара пала в результате провокации эсеров и выступления подпольной белогвардейской организации в тылу Красной армии.

Сызрань была оставлена с 17 на 18 июня советскими отрядами потому, что белогвардейские агенты распространили ложные сведения о заходе чехо-словацких войск в тыл.

Симбирск был оставлен советскими отрядами после предательства главкома Восточным фронтом Муравьева.

Казань пала вследствие предательского выступления подпольной белогвардейской организации в тылу у красных и перехода на сторону противника сербского батальона.

Уфа была сдана также в результате предательства Махина и Харченко. Подобная же картина наблюдалась в других более мелких городах.

В связи с развитием военных действий на значительной территории, взамен разрозненных, мало связанных друг с другом групп и «фронтов» в половине июня советским правительством было создано единое управление Восточным фронтом.

К этому же времени начали организационно оформляться армии. Первая армия действовала в районе Симбирск—Сызрань—Пенза, Вторая армия—на оренбургско-уфимском направлении, Третья—на челябинско-екатеринбургско-пермском направлении. Четвертая (Особая) на саратовско-уральском направлении и, наконец, Пятая армия была создана позже и сосредоточена в районе Казань—Свияжск по обоим берегам Волги.

Наряду с сухопутными частями был создан речной военный флот, известный под именем Волжской военной флотилии

В июле, после измены командующего Восточным фронтом Муравьева главкомом был назначен тов. Вацетис. К этому времени общая численность советских войск на Восточном фронте достигла уже 40—45 тысяч бойцов. Период собирания сил красных был закончен примерно к началу августа. Одновременно красное командование вело большую работу по упорядочению организационной структуры войск.

Уже к 28 июля тов. Вацетис, стремясь перенять инициативу в свои руки, разработал план наступления красных войск. План тов. Вацетиса заключался в том, чтобы взять в клещи противника, действовавшего на фронте Симбирск—Сызрань, с двух сторон: с севера—со стороны Чистополя на Симбирск и с юга—со стороны Урбаха на Самару. Эту операцию должны были выполнить Первая, Четвертая и Пятая армии. В то же время на Вторую и Третью армии возлагалась задача нанести удары противнику в районе Уфы и Екатеринбурга.

Однако к выполнению столь обширного плана неокрепшие еще наши армии оказались не готовыми. Наступление предприняли лишь Вторая и Третья армии. Части Второй армии повели наступление на Бугульму, однако к 5 августа это наступление было прекращено. Третья армия вначале успешно повела наступление, почти достигнув Екатеринбурга. Однако в результате неустойчивости некоторых ее частей и она начала отход.

Таким образом эта попытка красного командования кончилась неудачно, но она выявила наши слабые стороны и недостатки и это дало возможность нам быстрее исправить эти недостатки.

В связи с нависшей над Советской страной угрозой партия принимает ряд решительных мер для организации отпора контрреволюции. На призыв партии пролетариат Москвы, Петрограда и других промышленных центров ответил по-

сылкой на фронт своих лучших и закаленных кадров. Наряду с этим партия послала на фронт значительное число коммунистов.

Прибывавшие в полки рабочие пополнения внесли в ряды бойцов бодрость и уверенность в победе. Брошенные партией на фронт большевистские силы закрепили эту бодрость и уверенность систематической воспитательной работой среди бойцов и личным примером храбрости и самоотверженности.

Подкрепления и проведенные партией организационные мероприятия преобразовали Красную армию и это сразу же сказалось на ее боеспособности. Дальнейшее отступление было приостановлено. Переломным моментом явился бой под Свияжском, где чехо-учредилловцы потерпели полное поражение:

В последних числах августа полковник Каппель во главе отряда в 1200 человек при нескольких орудиях предпринял отчаянный рейс на советский Свияжск. Этот город и мост через Волгу имели огромное значение: в случае, если бы Каппелю удалось захватить Свияжск, по Волге был бы открыт путь на Нижний, а по железной дороге—на Москву. Вот почему белогвардейцы сняли из-под Симбирска и послали на штурм Свияжска отборные офицерские части Каппеля, считавшиеся непобедимыми.

Несмотря на то, что белогвардейцы незаметно подошли к Свияжску, наш отряд в 400 бойцов отразил нападение во много раз сильнеего противника, который после жестокого сражения отступил. Инициатива перешла в наши руки, и части Красной армии начали наступление, шаг за шагом продвигаясь вперед.

Огромную роль в дальнейших успехах Красной армии сыграла наша флотилия. Утром 9 сентября отряд кораблей Волжской флотилии под командованием одного из первых организаторов флота тов. Маркина, начал артиллерийску

подготовку для высадки десанта на казанский берег. Под ураганным огнем противника корабли тов. Маркина подошли к Казани.

Около пристаней находилась батарея чехо-учредилковцев, состоящая из 8 шестидюймовых орудий. Пулеметным огнем прислуга неприятельской батареи была отогнана. Высадившийся отряд красных моряков в 60 человек снял замки у неприятельской батареи, захватил пулеметы и с этими трофеями благополучно вернулся на суда.

Ночью с 9 на 10 сентября наши суда перебросили с правого берега части Красной армии на левый, казанский берег. Сжатый с двух сторон по линии железной дороги от реки Казанки и с Волги противник стремительно оставил город.

Перелом на фронте произошел не только в районе Казани. На юге под Николаевском (теперь Пугачев) отряды Чепаяева 8 сентября наголову разбили большой отряд чехо-учредилковцев, которые вынуждены были очистить ряд сел.

Эти первые серьезные победы Красной армии еще более подняли революционный энтузиазм красных бойцов. В рядах Красной армии чувствовалась крепкая дисциплина, сознание своего долга, твердая уверенность в окончательной победе над контрреволюцией.

С другой стороны, трудящиеся тех районов, которые были заняты учредилкой, с огромной активностью оказывали помощь Красной армии. Всюду с приходом Красной армии в ее ряды вливалась масса добровольцев, а на мобилизацию призываемые отвечали полной и своевременной явкой на сборные пункты.

После взятия Казани красные упорно теснят белых. На Симбирск начинают наступление части Первой армии. Задача овладения Симбирском была возложена на Железную дивизию под командованием тов. Гая. Части Железной

дивизии окружили Симбирск с трех сторон. Для белых оставался свободным только один путь—переправа на левый берег Волги. Утром 12 сентября красные начали наступление на Симбирск и к 12 часам уже вошли в город.

Белые в панике отступили, оставив почти весь свой обоз и артиллерию.

В тот же день на южном участке фронта красные вели наступление на Вольск. Несмотря на то, что позиции белых были сильно укреплены, красные энергичной атакой опрокинули противника. Ночью Вольск перешел в руки Красной армии, которая захватила там богатую военную добычу.

Потеряв Вольск, белые быстро откатывались вверх по Волге и уже 16 сентября сдали Хвалынский.

Кольцо красных войск сжималось вокруг «столицы» учредилки—Самары.

Большевистское подполье мобилизует массы

Парторганизации городов, занятых учредилкой, были весьма малочисленны. В момент вооруженной борьбы с чехо-учредилкой коммунисты были призваны под ружье, и при оставлении красными городов почти все они уходили с красными. В городах же оставались очень немногие, в большинстве товарищи, которые не имели никакого опыта вообще партийной и особенно подпольной работы.

Так было в частности и в Самаре. Все сколько-нибудь видные коммунисты ушли вместе с отрядами Красной армии, многие из тех, что остались в городе, были убиты белогвардейцами в первые же дни после переворота или посажены в тюрьмы.

Трудность для небольшой группы оставшихся в Самаре коммунистов усугублялась тем, что не было сделано никаких предварительных приготовлений для подпольной работы.

Все же оставшиеся в подпольи коммунисты уже через несколько дней принялись налаживать подпольную работу. Во второй половине июня в Самаре уже был избран временный комитет, а в первых числах июля партийная конференция выбрала постоянный комитет. Эта же конференция обсудила очередные задачи парторганизации и наметила практические мероприятия по развертыванию работы в массах.

Через два дня после переворота меньшевики и эсеры создали рабочую конференцию. Из-за террора большевики не могли принять сколько-нибудь организованного участия в выборах на конференцию и в основном ее состав оказался меньшевистским. Тем не менее выбранные в состав конференции несколько коммунистов сколотили там довольно значительную группу, которая составила оппозицию официальному большинству и развернула большую работу по разоблачению учредилки, пользуясь трибуной конференции.

Уже на второй день работы конференции на ней было оглашено 14 наказов, высказавшихся за советы. Эти наказания—результат самоотверженной работы рядовых коммунистов-рабочих. После прений по вопросу о текущем моменте конференция приступила к заслушиванию резолюций. Лепский от имени меньшевиков предложил резолюцию о поддержке учредилки.

Внесшие первоначально свои резолюции эсеры, с.-д. интернационалисты, еврейские социалисты—с.-д. «Единство» и Бунд, после принятия меньшевиками некоторых поправок к их резолюции, сняли свои и присоединились к резолюции меньшевиков.

Это был блок, к которому соглашательские партии вынуждены были прибегнуть, чтобы объединенными силами провалить внесенную большевиками резолюцию. Эта резолюция требовала:

1) создания единого фронта для защиты народной свободы, рабочей жизни и их интересов, 2) полной свободы слова, печати и неприкосновенности личности, 3) прекращения гражданской войны, 4) признания единой властью, как выразителя воли рабочих и защитника их интересов, власти советов, 5) созыва губернской конференции для обсуждения текущего момента и Всероссийского съезда советов.

За резолюцию Лепского голосовали 341 делегат из 518 присутствовавших, против—156 и воздержалось—21. Резолюция большевиков собрала 156 голосов. Таким образом почти третья часть конференции голосовала за большевистскую резолюцию. Это было на четвертый день работы конференции.

Чем дальше, тем больше соглашатели теряли власть над массой, в то время как влияние большевиков непрерывно росло. Конференция, несмотря на бешеное сопротивление меньшевистского руководства, неоднократно протестовала против террора, требовала прекращения преследований большевиков. Наконец был поставлен вопрос о прекращении гражданской войны и о посылке к большевикам мирной делегации.

Но если эсеро-меньшевистское руководство с трудом и не без махинаций, но все же вело за собой незначительное большинство конференции, состав которой был подтасован, то вне ее, в самой гуще пролетариата, на производстве, влияние было почти исключительно за большевиками. Недовольство эсеро-учредительской властью проявлялось очень резко и активно. Так еще 15 июня, т. е. через неделю после падения советской власти, собрание членов союза «Игла» приняло резолюцию, в которой обещает и впредь «неуклонно продолжать классовую борьбу и всеми силами отстаивать советскую власть, власть трудящихся».

Несколько позже собрание союза строительных рабочих заявило, что «рабочий класс не может защищать буржуазию» и армия, которую создавал Комуч, «принуждена действовать против красноармейцев, которые набраны из тех же рабочих и крестьян».

Настроение рабочих не могла не уловить и буржуазия. Газета «Волжский день» вынуждена была заявить (29.VI), что «если присмотреться к тому, что происходило на конференции, если ознакомиться с духом большинства наказов, рабочие проникнуты все тем же классовым сепаратизмом, все еще продолжают жить большевистскими идеалами».

Резкая враждебность пролетариата к учредилке проявлялась не только в Самаре, но и во всех других местах, захваченных учредилкой, особенно в больших городах, как Уфа, Казань и др.

«Классовый сепаратизм», которым так недовольны были кадеты и соглашатели, еще более ярко проявился в самарском совете рабочих депутатов, который был избран в начале августа. Несмотря на то, что руководство советом захватили меньшевики, настроение депутатов было далеко не в пользу Комуча, и меньшевистское руководство оказалось бессильным навязать им свои лозунги.

Уже первое заседание вновь избранного совета 10 августа показало, что коммунисты могут рассчитывать на довольно значительную часть депутатов.

Второе заседание совета состоялось 14 августа и было посвящено вопросу о задачах совета. Докладчик, меньшевик Лепский, указал, что по вопросу о задачах совета существуют три точки зрения: первая, считающая, что советы изжили себя и вовсе не нужны; вторая, считающая, что советы должны бороться за власть, и наконец, третья, считающая, что советы должны быть независимыми от власти органами политического сплочения рабочего класса.

Докладчик, разумеется, всецело поддерживал последнюю точку зрения, указав, что одной из главнейших задач совета должна явиться культурно - просветительная работа среди пролетариата.

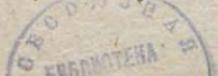
В качестве содокладчика от левого крыла выступил коммунист К. Левитин. Тов. Левитин указал, что российская буржуазия готова заключить союз с империалистами любой страны для разгрома русской революции, поэтому единственным классом, способным организовать борьбу против империалистов и вывести Россию из тупика, является пролетариат и его союзник—беднейшее крестьянство. «Рабочий класс поэтому,—закончил тов. Левитин под аплодисменты левой части совета,—ни в коем случае не может отказаться от гегемонии в революционном движении. Его задача—сплачивать свои силы вокруг основного лозунга—вся власть советам».

После ожесточенных прений незначительным большинством совета была принята краткая резолюция о задачах совета, предложенная меньшевиками.

Принятие подробной резолюции было отложено до следующего заседания. Это третье и последнее заседание совета состоялось 30 августа. В противовес меньшевикам большевики внесли свою резолюцию о задачах совета. Эта резолюция гласила:

«Самарский совет рабочих депутатов, обсудив вопрос о целях и задачах совета, постановил: принимая во внимание поход реакции, расчищающей дорогу военной диктатуре, совет считает своим долгом для предотвращения ее провозгласить:

1. Всеобщее вооружение рабочих.
2. Снятие военного положения.
3. Немедленное прекращение политических арестов, обысков, расстрелов, самосудов и пр.

4. Немедленное освобождение из тюрьмы всех политических заключенных.

5. Отстаивание всех декретов, изданных Совнаркомом, как-то: 8-часовой рабочий день, контроль рабочих над производством, страхование от болезни, безработицы, инвалидности за счет предпринимателей и т. д.

6. Отстаивание постановления III Всероссийского съезда советов о земле.

7. Неприкосновенность личности и жилища, свободу слова, печати, собраний, стачек, профессиональных союзов и партийных организаций.

Провозглашенные выше лозунги совет рабочих депутатов Самары будут отстаивать всеми имеющимися у него средствами».

Голосование резолюций происходило два раза. В первый раз меньшевистские счетчики преуменьшили голоса, поданные за большевистскую резолюцию. По требованию левой части было произведено переголосование. Большинство оказалось за большевистскую резолюцию.

Принятие большевистской резолюции определило и дальнейшую судьбу совета. Большевикам и эсерам такой совет не был нужен и он больше не созывался.

Но главная борьба пролетариата под руководством партии шла, разумеется, не на заседаниях. Эта борьба разворачивалась на улицах, у стен заводов. Испытав все прелести эсеровской «демократии», рабочие неоднократно делали попытки с оружием в руках выступить против учредилки.

Не прошло и месяца после захвата белыми Казани, как недовольство рабочего класса вылилось там в форму вооруженного восстания.

Восстание кончилось неудачно. В море крови белым удалось подавить его. После этого учредиловцы издали такой приказ:

«В случае малейшей попытки какой-либо группы населения и в частности рабочих вызвать в городе беспорядки, вроде имевших место 3 сентября, по кварталу, где таковые произойдут, будет открыт беглый артиллерийский огонь».

Еще более решительное выступление рабочих произошло в Иващенкове (теперь Чапаевск) 1 октября. Восставшие рабочие, наскоро вооружившись, опрокинули чехо-словацкий отряд, который в панике отступил к Самаре. Утром 2 октября из Самары были присланы крупные воинские силы на подавление иващенковского восстания.

Взбешенная белогвардейщина зверски подавила восстание. Белогвардейцы устроили настоящую охоту за рабочими. Всех, кого удавалось схватить, беспощадно расстреливали без всяких допросов и дознаний. Расправа продолжалась несколько дней. Всего в Иващенкове от рук учредилки погибло около 1000 человек.

Меньшевики в своей газете выступили с осуждением иващенковских рабочих. «Иващенково,—писала меньшевистская «Вечерняя заря»,—это грозное предостережение рабочему классу, это его будущее, которое ждет его неминуемо, если он не найдет в себе достаточно сил и сознательности, чтобы окончательно порвать с советской властью».

Самара—Омск

Почти одновременно с возникновением Комуча возникло такое же контрреволюционное правительство в Сибири, а несколько позже, когда чехо-словаками был взят Екатеринбург, там в свою очередь образовалось уральское областное правительство, не имевшее реальной военной силы, а потому путавшееся между Омском и Самарой.

Наряду с этими правительствами башкирские и киргизские националисты создали свои собственные правительства. Если к этому прибавить еще, что Оренбургская губерния

управлялась казачьим атаманом Дутовым, который формально признал Комуч, а в действительности вел совершенно независимую от Комуча линию, то станет понятно, что в правительствах и в автономных «государствах» в то время недостатка не ощущалось.

Как только территория Комуча настолько расширилась, что он от непосредственной организации фронта смог перейти к «государственной работе», он должен был заняться вопросом о создании единой всероссийской власти.

Подняв знамя Всероссийского учредительного собрания, Комуч естественно полагал, что власть на территории, отвоеванной у большевиков, должна принадлежать ему. Однако после ухода красных из района Уфа—Челябинск, как только было установлено непосредственное соприкосновение территории Комуча с территорией сибирского правительства, Комуч почувствовал, что его мечты о единой всероссийской власти под эгидой Учредительного собрания не так легко осуществить.

В лице сибирского правительства Комуч получил очень серьезного противника, сразу же занявшего враждебную позицию по отношению к самарскому Комучу.

Комуч всячески стремился договориться с сибирским правительством, но последнее в первое время даже не удостоивало Комуч разговором. Когда Брушвит лично поехал в Омск с целью заключить договор с сибирским правительством, то председатель последнего отказался принять Брушвита, а когда он пытался переговорить с Комучем по прямому проводу, сибирское правительство отказалось предоставить ему и эту возможность. Таким образом сибирское правительство всячески старалось подчеркнуть, что оно не признает Комуч законным правительством и не желает иметь с ним никакого дела.

Далее, чтобы еще более ярко подчеркнуть свое нежелание сколько-нибудь считаться с Комучем, совет министров сибир-

ского правительства 13 июля «определил» границы Сибири, причем в территорию Сибири включен был весь Урал и города Челябинск и Златоуст.

Но сибирское правительство не ограничилось только формальным определением границ своего «государства». Оно распорядилось прекратить выдачу денег по переводам из Самары и со всей территории Комуча, а на «границах» (ст. Полетаево, Сам.-Злат. ж. д.) установило взимание таможенных пошлин со всех вывозимых из Сибири продуктов.

Комуч, разумеется, послал протест против этих действий сибирского правительства, указав, что он «не признает власти временного сибирского правительства за пределами административных границ Сибири» и что сибирское правительство «никем не уполномочено брать на себя право образовывать новые областные деления и способствовать появлению органов новой областной власти вне территории Сибири, как это имело место в Зауралье».

Протест этот нисколько не изменил положения, и дальнейшая линия сибирского правительства ни на йоту не отклонилась от ранее взятого направления.

Все же задачи борьбы с большевиками требовали объединения всех контрреволюционных сил, и поэтому под нажимом союзных послов сибирское правительство наконец согласилось созвать совместное совещание с Комучем.

Первое узкое совещание состоялось 15—16 июля в Челябинске. Это совещание обнаружило резкое расхождение между делегатами Сибири и Самары.

Первая же встреча делегатов показала, что достигнуть соглашения будет невозможно. Делегация Сибири заявила, что вести переговоры о чем-либо серьезном она не уполномочена, поэтому решено было вести совещание с целью взаимной информации.

Делегация Комуча все же огласила проект организации центральной власти. Этот проект содержал следующие положения:

1. Верховной государственной властью в стране признается Учредительное собрание.
2. Временно, впредь до созыва Учредительного собрания, высшим органом государственной власти является Комитет членов Учредительного собрания.
3. Издание основных законов (конституция и пр.) откладывается до созыва Учредительного собрания.
4. Для практического осуществления задач, поставленных перед Комитетом, последний образует на началах коалиции центральный орган всероссийского правительства, на который возлагаются все функции исполнительной власти.
5. Вся законодательная власть и общее направление деятельности правительства принадлежит Комитету.
6. Дела военного управления, финансов и внешней политики находятся исключительно в ведении органов центрального правительства.
7. В остальных отраслях государственного управления взаимоотношения сторон определяются центральным правительством и санкционируются Комитетом членов Учредительного собрания.

Вполне понятно, что подобные предложения вызвали лишь едкие и иронические замечания делегатов сибирского правительства. Так Головачев без обиняков заявил, что «Сибирь не потерпит на своей территории никакой иной власти, кроме власти Сибирского правительства», а Михайлов добавил, что «комбинация из 30 человек, берущих на себя законодательные и контролирующие функции, кажется не государственно-правовой, а юмористической...»

Общую мысль сибирского правительства выразил Михайлов. На вопрос Веденяпина он ответил, что организацию

всероссийской власти сибирское правительство считает преждевременной, так как для этого еще «не создалась обстановка».

Все же под давлением французского и чехо-словацкого представителей делегаты после основательной перепалки согласились созвать на 6 августа новое совещание в том же Челябинске.

Второе совещание мыслилось созвать в более широком составе. На него решили привлечь всех членов Учредительного собрания, находящихся на территории всех антисоветских правительств, представителей от центральных комитетов политических партий и «Союза возрождения», представителей правительств, возникших на территориях, захваченных чехо-словаками.

Вместо 6 августа это второе совещание собралось 23. Отношение сибирского правительства к Комучу очень рельефно выявилося с самого момента приезда делегации последнего. Специальный поезд с самарскими делегатами даже не был встречен никем в Челябинске. Это была враждебная демонстрация сибирского правительства против самарского Комуча.

Но и второе совещание, продолжавшееся три дня, не смогло ни до чего конкретного договориться и назначило новое совещание. Три дня, в течение которых происходили заседания делегатов, были убиты на споры о составе будущего, третьего по счету, совещания и о месте и сроке его созыва.

Вопрос о месте и сроке созыва третьего совещания вызвал жесточайшие споры. Сибирское правительство ни за что не соглашалось назначить место совещания на территории Комуча, а последний как раз настаивал на созыве совещания в Самаре.

После долгих споров приняли компромиссное решение о созыве совещания в Уфе.

Вопрос о составе совещания вызвал еще более серьезные разногласия.

Сибирское правительство особо настойчиво возражало против допущения на совещание представителей иных национальностей, «инородцев», которых представители сибирского правительства рекомендовали «держат в ежевых рукавицах».

Дело чуть не кончилось полным разрывом, однако под давлением чехо-словацких представителей и представителей союзных миссий соглашение было наконец кое-как достигнуто.

Уфимское «государственное совещание» решено было созвать 1 сентября.

Вместо первого оно открылось 8 сентября. На нем присутствовало около 170 делегатов. Здесь были: представители самарского, сибирского, екатеринбургского правительств; делегаты казачьих войск: оренбургского, уральского, астраханского, сибирского, енисейского, иркутского и семиреченского; члены Учредительного собрания, представители местных самоуправлений, представители национальных групп, представители партий эсеров, меньшевиков, кадетов, эсеров, «Единства» и кроме того представители «Союза возрождения России».

Происходивший в Уфе съезд торгово-промышленников, который, как мы уже указывали выше, требовал передачи власти военному диктатору и изгнания из будущего правительства эсеров, также желал принять участие в совещании, и мандатная комиссия совещания всего лишь большинством одного голоса (9 против 8 при одном воздержавшемся) отклонила представительство этого съезда.

Первое заседание уфимского совещания было посвящено приветствиям. Второе же состоялось только 13 сентября, ибо ждали запоздавших делегатов сибирского правительства.

На втором заседании были оглашены декларации представителей правительств, партий и групп.

Комуч в своей декларации заявлял:

«Бесспорной и несомненной является полновластность Всероссийского учредительного собрания для образования всероссийской власти. Перед этим Всероссийским учредительным собранием должно быть ответственно всякое правительство и этому Учредительному собранию оно должно передать все свои полномочия. Впредь до открытия Учредительного собрания власть, которая должна быть основана путем соглашения на государственном совещании,—эта власть должна быть ответственна перед съездом членов Учредительного собрания на тех основаниях, которые будут выработаны по соглашению на этом самом съезде.

Как видим, Комуч особенно подчеркивал «полновластность» Учредительного собрания и требовал, чтобы правительство было ответственно перед съездом членов Учредительного собрания, т. е. перед тем же Комучем в более расширенном составе.

В декларации сибирского правительства заметна, во-первых, сильная тенденция областничества, желание отгородиться «автономией» Сибири. Имея конечной целью единую, великую, нераздельную Россию,—торжественно возвещает оно,—сибирское правительство мыслит ее создать через устройство ее отдельных областей».

Далее сибирское правительство выдвинуло следующие положения:

«Во-первых, всероссийская власть должна быть организована по типу директории, в составе не больше пяти лиц, избранных по соглашению на настоящем государственном совещании по персональным признакам.

Во-вторых, директория организует ответственный деловой кабинет министров.

В-третьих, директория ответственна только перед будущим полномочным органом правильного волеизъявления народа».

Третий пункт этой декларации своим острием направлен против Комуча, ибо поскольку директория должна быть «ответственна» только «перед будущим полномочным органом правильного волеизъявления народа», это значит, что сибирское правительство данный состав Учредительного собрания, из лона которого Комуч черпал свои полномочия, не считает правомочным, следовательно, директория до неопределенного срока не будет ответственна ни перед кем.

После оглашения деклараций, которые наметили основную линию разногласий, начался настоящий торг, в котором наиболее реакционные и черносотенные элементы поддерживали сибирское правительство.

Участников совещания разделил на два враждебных лагеря вопрос об ответственности директории. Сибирское правительство и элементы, сгруппировавшиеся вокруг него, не считали правомочным наличный состав Учредительного собрания и ставили вопрос так, что директория должна быть ответственна только перед будущим Учредительным собранием, созыв которого откладывался на неопределенное время. Комуч и его сторонники, наоборот, требовали, чтобы директория сразу же с момента ее создания контролировалась съездом членов Учредительного собрания, который впоследствии должен был превратиться в Учредительное собрание.

Более двух недель продолжалась уфимская говорильня. Наступившие в это время военные неудачи Комуча на фронте, взятие Красной армией Казани и дальнейшее продвижение вперед советских войск, значительно подорвали позиции Комуча на «государственном совещании».

Под натиском сибирского правительства и его сторонников учредиловцы сдали все свои позиции и совещание

в конце концов постановило образовать директорию в составе пяти лиц, фактически ни перед кем не ответственных.

Комуч едва-едва добился внесения в положение о директории указания на то, что директория должна дать отчет о своей деятельности имевшемуся составу Учредительного собрания, которое должно возобновить свои заседания 1 января 1919 года, если к этому сроку будут налицо не менее 250 депутатов. Если же к 1 января это число не будет собрано, то Учредительное собрание открывается 1 февраля 1919 г. при наличии 150 депутатов.

Но все эти указания ничего не стоили, ибо учредилловцы не имели никакой реальной силы, чтобы противостоять директории, если последняя решит не подчиняться Учредительному собранию.

Комуч таким образом потерпел решительное поражение и сам подписал себе смертный приговор. Согласно заключенному соглашению имеющиеся в наличии члены Учредительного собрания после создания директории должны образовать «Съезд членов Всероссийского учредительного собрания», который «имеет своей задачей обеспечить возобновление деятельности Всероссийского учредительного собрания к 1 января 1919 года при кворуме в 250 членов и в крайнем случае к 1 февраля того же года при кворуме в 150 членов».

Не меньшее поражение Комуч потерпел и при выборе персонального состава директории, целиком приняв список, предложенный сибирским правительством. Членами директории избраны были: Авксентьев (эсер), Астров (кадет), генерал Болдырев («Союз возрождения России»), Вологодский (председатель сибирского правительства, беспартийный), Чайковский (н.-с.) и кандидатами к ним: Аргунов (эсер), Виноградов (кадет), генерал Алексеев, Сапожников (член сибирского «Административного совета») и Зензинов (эсер).

С образованием директории самарский Комуч самоликвидировался, превратившись в «Съезд членов Учредительного собрания». А в качестве областной власти в Самаре продолжал существовать совет управляющих ведомствами.

Компромисс в Уфе был достигнут под большим давлением союзников, желавших объединить силы контрреволюции для борьбы с Советами. Но как только самарский Комуч потерпел серьезное поражение на фронте, он потерял всякое значение как для союзников, так и для их ставленника—сибирского правительства.

Слабость директории обнаружилась с первых же ее шагов. Будучи создана в результате компромисса, она не имела опоры ни на стороне сибирского правительства, ни на стороне Комуча, который в связи с поражениями на фронте сам все более терял опору.

Разгром учредилки

Поражение учредилки на фронте ускорил процесс разложения Народной армии. Только за одну неделю, с 10 по 17 сентября, из самарской стрелковой дивизии бежало около 1000 человек, а всего с начала мобилизации из этой дивизии бежало 2000 человек.

Помимо дезертирства некоторые воинские части оказывали активное сопротивление военному начальству. Так 8 сентября два полка Народной армии, расположенных в Самаре, отказались выступить на фронт. На усмирение этих частей были вызваны броневики, пулеметная команда и кавалерия.

Несмотря на жесточайший белый террор, разложение белой армии усиливалось, что в свою очередь вызывало одно поражение за другим. После бегства Народной армии из районов Хвалынска, Симбирска, а затем Ставрополя нависла прямая угроза и над столицей учредилки—Самарой.

Однако подступы к Самаре со стороны Сызрани были закрыты, поскольку Сызрань еще находилась в руках противника. Для окружения и взятия Сызрани к Батракам и Александровскому мосту были двинуты главные силы Железной дивизии. Одновременно с этим с юга была двинута Вольская дивизия.

Район Сызрани был сильно укреплен, причем наиболее густая сеть укреплений, вынесенных вперед километров на десять и обнесенных проволочными заграждениями, тянулась от линии Заборовка на Батраки. Для отвлечения внимания противника от северного и южного участка фронта наши части на пензенском и инзенском направлениях предприняли демонстративное наступление. Когда белые сосредоточили на этих направлениях свои главные силы, наши части, совершив глубокий обход противника с юга, повели энергичное наступление. Противник оказался в мешке, будучи окруженным с севера, запада и юга. Оставался лишь один путь—через Волгу по направлению к Самаре.

Обнаружив обход, белые 2 октября в панике отступили из района Сызрань—Батраки, оставив на правом берегу много снаряжения, боеприпасов и другого военного имущества, девять орудий, сорок пулеметов, много снарядов и патронов. А в ночь с 3 на 4 октября белые взорвали два восточных пролета Волжского моста.

Быстрому и решительному успеху Первой армии, занявшей Сызрань, в значительной степени способствовало вспыхнувшее в Иващенкове вооруженное восстание рабочих и одновременно с этим прорыв в глубокий тыл, к самому Чепаяевску, Интернационального полка Четвертой армии, наступавшей из Николаевска (Пугачева). Эти два обстоятельства облегчили задачу овладения районом Сызрань—Батраки и не дали возможности белым воспользоваться теми укреплениями, которые они возвели на правом берегу Волги.

С переходом Сызрани в руки красных была решена и участь Самары. Операцию по занятию Самары вели Первая и Четвертая армии. В состав последней входила и Чапаевская дивизия. Полки Первой армии вели наступление частью по линии железной дороги, частью по правому берегу Волги. Четвертая же армия наступала по левому берегу Волги из Пугачева.

Разложение белой армии и активная поддержка красных со стороны рабочих и крестьян заставили учредилковцев очень стремительно отступать на восток, сдавая красным позицию за позицией. Несмотря на то, что к Самаре учредилкой были стянуты значительные силы, они не в состоянии были противостоять энергичному напору красных и в панике отступили.

Вечером 7 октября передовые части Железной дивизии, на лодках переправившись через Самарку, вступили в город.

Дальнейшая борьба против белых велась по трем направлениям: на Бузулук—Оренбург, на Бугуруслан—Уфу и на Бугульму.

После сдачи своей «столицы» войска учредилки потеряли всякую устойчивость и стремительно откатывались на восток.

В районе Бугуруслана белые пытались остановить отступление и оказать сопротивление. Однако наши части обошли их с флангов и отбросили дальше на восток.

С потерей главной части своей территории учредилка уже не могла оказать сколько-нибудь значительного сопротивления. Впрочем вскоре и сам Комуч был ликвидирован адмиралом Колчаком.

Чтобы убрать с дороги теперь уже лишнюю директорию, в ночь на 18 ноября эсеровские члены директории были арестованы, и власть перешла в руки адмирала Колчака.

Вопли эсеров о помощи, обращенные к их империалистическим «союзникам», остались без всякого ответа. Вскоре

Колчак ликвидировал и остатки Комуча—«Съезд членов Учредительного собрания» и совет управляющих ведомствами.

Так бесславно погибло самарское правительство.

Ленин писал, что «...мелкобуржуазная демократия не способна удержать власти, служа всегда лишь прикрытием диктатуры буржуазии, лишь ступенькой к всевластию буржуазии» (Ленин, т. XXVI, стр. 435).

Роль такой ступеньки и сыграл самарский Комуч. Подготовив всей своей деятельностью колчаковский переворот, Комуч погиб от руки им же взлелеянного военного диктатора.

Ф. Попов

Кровавые дни

„Спасители“ цивилизации и культуры

Одним из лозунгов мирового империализма и его наемников—эсеров и меньшевиков—в борьбе против пролетарской революции в России был призыв к «спасению» цивилизации и культуры, которые якобы разрушаются большевиками. С первого дня Октябрьской революции буржуазная печать капиталистических стран систематически вела яростную кампанию против большевиков, преподнося своим читателям всяческие небылицы и выдумки о «зверствах» и «варварстве» большевиков.

«Во имя спасения цивилизации и культуры» буржуазная печать призывала свои правительства начать интервенцию против Советской России. «Во имя спасения цивилизации и культуры» интервенты купили эсеровскую партию, которая по указанию своих иностранных хозяев и приступила к «спасению» гибнущей цивилизации.

О том, как эсеры «спасали» цивилизацию, читатель узнает из печатаемых в нашем сборнике материалов. В частности первый отдел сборника, который (отдел) мы назвали «Кровавые дни», достаточно полно и ярко характеризует ту «цивилизаторскую» роль, какую выполняла самарская учредилка.

В отделе «Кровавые дни» даются материалы, рисующие кровавые расправы «демократических» победителей над побежденными при занятии городов, местечек и деревень. Кроме того здесь же приводятся материалы, характеризующие зверское отношение белогвардейщины к захваченным на фронте пленникам.

Из материалов видно, что убийства коммунистов, захваченных в плен красноармейцев, революционно настроенных рабочих и крестьян не были случайными. Эти убийства носили систематический характер. При занятии каждого города повторялась одна и та же картина: белогвардейцы вылавливали всех подозреваемых в большевизме и немедленно чинили над ними расправу.

Таким образом все эти убийства выражали общую линию учредилки, линию, направленную на поголовное истребление всех большевиков и их сторонников. В подтверждение сказанного мы можем привести документы самой учредилки и заявления официальных лиц Комуча. Так в день занятия Самары Комуч в своем приказе № 3 писал: «Всех лиц, подозреваемых в участии в большевистском восстании, предлагаем немедленно арестовывать и доставлять в штаб охраны».

В этом документе Комуч объявляет вне закона уже не только большевиков и активных советских деятелей, но и «всех лиц, подозреваемых в участии в большевистском восстании», т. е. в Октябрьской революции. Вполне понятно, что этот приказ вызвал новую волну расправ над революционными рабочими, причем эти расправы теперь проводились уже на «законном основании», на основании приказа Комуча.

Кроме этого приказа мы имеем чрезвычайно яркое заявление Вл. Лебедева, одного из активных деятелей Комуча, бывшего сначала уполномоченным Комуча по Сызранскому уезду, а затем чрезвычайным уполномоченным на фронте. На одном из митингов в Самаре этот учредилковский вешатель так и заявил:

— Я заявляю, что в Сызрани у нас сторонников советской власти не будет: они... будут истреблены как крысы. И это—не слова.

Тот же Лебедев при взятии белыми Казани издал погромный приказ, в котором призывал к немедленным расправам над сторонниками советской власти. В приказе так и говорится: «Не бойтесь ничего, расправляйтесь сами с этими негодьями».

Как видим, Комуц планомерно и систематически проводил линию на поголовное истребление сторонников советской власти. Из этого следует, что те кровавые расправы и издевательства, о которых говорится в печатаемых ниже материалах, не были случайными, а вытекали из общей линии эсеро-учредилки.

Наш сборник начинается короткими заметками очевидцев о первых расправах белогвардейщины над большевиками, активными советскими деятелями и захваченными в плен красноармейцами. Эти заметки рисуют животную ненависть белогвардейцев к большевикам и «нейтральное» поведение носителей «цивилизации», посланцев Антанты, чехо-словацких офицеров.

Не менее яркое представление о «демократизме» учредилки дают и другие воспоминания, в частности тт. Трайна, Коновалова и др.

Все другие воспоминания, статьи и заметки, написанные либо очевидцами событий, либо потерпевшими от белогвардейского террора и случайно спасшимися от смерти, являются яркими документами, характеризующими «спасителей» цивилизации и культуры.

На улицах Самары

(Из рассказов очевидцев)

К 8 часам утра почти весь город был уже в руках чехов. Заглохли последние выстрелы. Началась расправа...

Густая толпа заполнила Заводскую и прилегавшие к ней улицы.

Стоило кому-нибудь ткнуть пальцем в прохожего и произнести роковое слово «большевику», как участь того была решена.

Озверевшая толпа лавочников набрасывалась, била и... убивала.

А чехи, перебив всех пленных, взятых у моста, с оружием в руках рассыпались по городу «ловить комиссаров».

Иногда толпа вырывала у них какую-нибудь жертву для самосуда. Были случаи, когда чехи сами отдавали арестованных толпе, заявляя: «Пусть русские сами судят своих».

Чехи умывали руки...

Товарищ Венцек без шапки, в зеленоватом плаще. Длинные черные волосы и борода его покрыты пятнами крови.

Товарищ Штыркин в темносинем костюме, без фуражки, гоже окровавленный.

Оба они, в двух-трех шагах друг от друга, идут окруженные толпой, под конвоем четырех чехов. На углу Заводской и Троицкой, около типографии, чехи, с усмешкой на

лицах, отдают пленников разъяренной толпе. Прибитый к трамвайному столбу, под градом ударов, с рассеченным лицом, тов. Штыркин пытается что-то сказать толпе.

Еще секунда и толпа уже топчет его. Громадный булыжник падает на его голову.

В нескольких шагах другая толпа топчет тов. Венцека. Он лежит, согнувшись, на боку, с закрытыми глазами. Тело передергивается от града пинков и ударов камней, но Венцек не подает ни звука. Вдруг из толпы выделяется молодой человек в форме железнодорожного или почтового чиновника, вынимает из кармана револьвер и делает два выстрела. Тело Венцека выпрямляется и в последней агонии поворачивается вверх лицом.

Чехи, наблюдавшие за расправой, подходят к убитым. Один вынимает из кармана тов. Штыркина серебряные часы, другой снимает с ног тов. Венцека желтые гетры.

«... Вижу, ведут человека высокого роста, хорошо сложенного, без шапки, в расстегнутой сорочке, с бледным лицом. Это был комиссар по формированию добровольческой Красной армии тов. Шульц.

Тов. Шульц нашел себе смерть в соборном садике. Ему разбойники всадили пять пуль.

... Около б. окружного суда у поворота трамвайной линии раздалось два револьверных выстрела. Бегу. Страшная картина. Перед чешским офицером, сидевшим на коне, стоял человек (по национальности татарин) с окровавленным лицом и показывал какую-то бумажку, запачканную кровью. Всадник махнул рукой. Несчастливого подвели к стенке. Выстрел—человек падает, обливаясь кровью. Подходит чех, обшаривает карманы убитого, находит документ, который гласит: «Предъявитель сего есть действительно рабочий Тимашевского сахарного завода т. Алеев...»

Вот толпа сопровождает чешского офицера, ведущего четверых связанных красногвардейцев. Дошли до плашкоутного моста, и офицер собственноручно расстрелял всех четверых.

Часов в 10 утра 8 июня я пришел на вокзал. Вдруг раздались крики собравшейся толпы: «Ведут, ведут».

Появляется группа арестованных в 15—20 человек, окруженная со всех сторон усиленным конвоем из чехословаков и буржуйских сынков (как видно по одежде). Впереди всех шел тов. Масленников.

Из толпы какой-то лавочник закричал:

— Бей их всех, мерзавцев, на месте, что с ними долго разговаривать! Хватит, навластывались.

Взбешенная толпа неистовствовала. Тут же один подскочил с палкой в руках и ударил тов. Масленникова по голове. У того слетела кепка с головы.

Беззащитных пленников повели на станцию Кряж.

Учредиловское

(Из воспоминаний работницы)

Чехи наступали на Самару. К утру 8 июня слышалась ружейная и пулеметная стрельба.

Когда стало совсем светло, в комнату вбежал муж, положил на стол револьвер и бомбу и сейчас же направился к двери, бросив на ходу:

— Сохрани, если сумеешь!

Без слов я поняла в чем дело.—Отступают. Подошла к столу, взяла бомбу и револьвер, положила их в банную сумку, а сверху закрыла бельем.

На улицах Мещанского поселка в это время становилось шумно, раздавались крики: «держи», «вот он», «бей башку к чорту».

Подбегаю к окну, смотрю, какие-то люди в касках ведут рабочего, за ним другого, третьего. Вижу ведут тов. Тершукова.

Вспомнила, что хозяйка нашей квартиры черносотенцы, наскоро надела платок на голову, взяла сумку и, ни слова не сказав живущим в соседней комнате, вышла.

Смотрю, в нескольких саженях от нашего дома поставлен к забору человек и трое чехов залпом в него выстрелили. Он упал. А у меня и руки и ноги задрожали, в висках застучало. Еле передвигая ногами, я дошла до противоположного угла. Впереди через улицу две незнакомых женщины вели вооруженного чеха, показывая на наш дом. «Вот,—говорят,—там наверху уж очень задорные больше-

вики». У меня дух замер, но они, повидимому, меня в лицо не знали и направились к нашему дому. Я прибавила шагу и, крепко держа в руках сумку, скрылась из своей улицы. После мне рассказывали соседи, живущие в одной квартире с нами, что чехи приходили два раза, обыскивали, расспрашивали хозяйку квартиры. Спрятав револьвер с бомбой у одного знакомого техника, я отправилась с ним в город по направлению к железнодорожному мосту через реку Самарку. Доходим до вокзала. Попадают трупы убитых рабочих.

Около большого камня, прислонясь спиной к нему, полужал убитый молодой мужчина. Рука его замерла в изогнутом положении, около него лежал мешочек защитного цвета. Мой спутник посмотрел в нем документы, оказалось, что лежащий—организатор красной гвардии города Оренбурга.

Рядом лежал труп, весь израненный, пальцы рук оторваны. Около него, со слезами безысходного горя на лице, сидела пожилая, лет 45 женщина. Я подошла к ней:

— Что, тетушка, или знакомый твой?

Она оторвала голову от колен, взглянула на меня и еле прошептала занекшимися губами:

— Сын...

Идем по Заводской. У клуба коммунистов несколько обезображенных трупов. Белые стены дома обрызганы кровью, как будто кто нарочно облил.

У одного из трупов была только половина туловища—от головы до пояса, а другой половины не было... Кто-то из толпы говорил, что другая половина в помещении. Дома через два труп женщины: обезображенное лицо, голова сплошь покрыта ранами.

По середине улицы вели партию рабочих, среди которых попадались знакомые лица. Всех их знала, как честных ребят.

Чехи бьют прикладами отстающего товарища. Прихрамывая, пошел—наверное, сильно ударили по ноге. Чех его ударил еще по спине прикладом, другой по голове, и он совсем упал. Стали его толкать. У него кровь потекла по виску.

— Разойдись!—кричат чехи, махая винтовками, толпе. Идущая за ними толпа хлынула и меня оттолкнули. Я не видела, что с ними было дальше.

Мы пошли на площадь к памятнику.

Толпа с криками: «Еще одного поймали»—бежала по направлению к бывшей городской управе.

Вижу—вывели из двери управы молодого человека, совсем еще юношу и посадили в автомобиль. Он встал во весь рост и посмотрел вокруг, повидимому, ища глазами кого-либо из своих. Нисколько не растерялся, не дрогнул ни один мускул, только лицо было бледное. Кто-то из толпы крикнул:

— Какой храбрый.—А один из вооруженных, сидевших в автомобиле—русский офицер, сказал:

— Вот посмотрим сейчас, как он свою храбрость покажет! Автомобиль скрылся за углом, и народ бросился за ним. Автомобиль остановился на Казанской улице и молодого человека поставили к стенке. Он что-то говорил, но я не могла расслышать всех его слов. Долетело только до моего уха: «Убийцы, предатели». Залп заглушил его слова.

Я не выдержала и потеряла сознание. Когда мой спутник поднял меня, я попросила, чтобы он вел меня домой, ибо больше таких ужасных картин видеть не могла. Пошли через Дворянскую улицу. Там развевались царские флаги, и вся улица была запружена буржуями, празднующими победу. Шелк, кружева, золото—все заблестело. Лица довольные, жирные, ухмыляются. Автомобили, разъезжая по улицам, разбрасывают листовки с призывом: «За Учредительное собрание».

У соборного садика опять натолкнулись на несколько трупов. Три трупа лежали вместе, верхняя одежда снята с них.

По Симбирской улице встретили партию рабочих, среди них знакомые товарищи, работали вместе на заводе. Голова у одного была окровавлена. Я не выдержала, крикнула его по фамилии. Мой спутник дернул меня за руку:

— Что вы делаете, вас заберут.—А тот товарищ повел в мою сторону глазами, улыбнулся и не произнес ни звука. Он боялся, чтобы меня не забрали, если он будет разговаривать со мной.

Дошли до Мещанского поселка. У артиллерийских казарм раздались выстрелы. Мальчики, бегущие по улице, кричали: «Еще троих расстреляли».

Гоня

Из пережитого

В плену

Стараюсь незаметно пробраться по улице... На одном из перекрестков меня нагоняет чех.

— Документы?—спрашивает он.

Я показываю ему случайно оказавшуюся паспортную книжку.

— Идем в штаб!

Меня ведут к железной дороге. У линии гудит толпа. Увидя меня, она бросается навстречу с дикими, злобными криками:

— Ага, комиссар... Попался. Бей его, бей!..

Десятки рук тянутся ко мне. Несколько ударов в голову, сильный удар прикладом в живот—и я падаю на землю.

Настроение толпы передается чехам, до сих пор не трогавшим меня.

— Вставай!—орет один из них, продолжая бить прикладом.

— Ростшеличь!.. Ростшеличь! (расстрелять—по-чешски),— требует подошедшая группа чехов. Уж дула нескольких винтовок угрожающе наводятся на меня, но они отводятся по приказу подошедшего офицера.

— Кто это?—спрашивает он.

— Комиссар,—отвечают провожатые.

Офицер отдает строгий приказ отвести меня в штаб дивизии.

— Нужно допросить, а расстрелять мы всегда успеем,— добавляет он.

Меня ведут по линии на мост. По обеим сторонам моста валяются трупы красногвардейцев...

Солдаты исполнили на этот раз приказание офицера и не трогали меня больше, но встречная группа чехов снова хочет вырвать меня из рук их и расстрелять. Завязывается спор.

Ограничиваются в конце концов тем, что снова бьют прикладами.

Некоторое время я пролежал на земле, не будучи в силах двигаться. Меня подняли и, подталкивая прикладами, повели по направлению к станции Кряж, где передали коменданту.

Недалеко от станции находилось много пленных красногвардейцев, но к ним меня не пустили, а посадили в небольшую станционную комнату, где уже сидело несколько человек по подозрению в «комиссарстве». Привели к нам также китайца-красногвардейца.

Бедняга совершенно не понимал русского языка и не мог отвечать на вопросы чехов. Продержав его с нами минут десять, они сняли с него шинель и сапоги и под предлогом, что нашли у него разрывную пулю, повели на расстрел.

Вскоре к нам привели тов. Масленникова.

Он был без шляпы и без очков, которые ему разбили при избиении. Из носа текла кровь, окрасившая всю его одежду.

Очутившись в комнате, он устало опустился на скамейку.

Тов. Масленников рассказал нам о последних минутах клуба.

Когда клуб был окружен и выяснилось безвыходное положение находившихся при нём защитников, тов. Маслен-

ников вышел на улицу с белым флагом и заявил, что клуб готов сдаться чехам при условии, если последние оградят пленников от насилия белогвардейской толпы. Один из начальствующих чехов обещал, после чего все они вышли на улицу.

Их повели к вокзалу. Несмотря на обещание, что никакие издевательства не будут допущены, тов. Масленникова на всем пути зверски избивали озверевшие палачи.

После тов. Масленникова к нам привели тов. Бакаева.

Трудно описать все издевательства, которые перенесены были нами во время пребывания на станции Кряж. Часто к нам врываются озверелые люди, издевались над нами, угощая нас побоями.

Во время нашего пленения нам пришлось встретиться с заложниками, взятыми в Пензе и Сызрани. Некоторые из них были впоследствии расстреляны.

Один из них тов. Либерсон. Ему было всего 20—22 года. Он был членом партии коммунистов и до захвата Пензы состоял секретарем губисполкома. Следом за ним все время ехал его отец, который в Самаре особенно усиленно хлопотал об освобождении сына.

Не желая его освободить, чешский исполком выдвинул вдруг против него обвинение, что он стрелял будто бы по ним из пулемета.

Когда тт. Масленникова, Бакаева и других самарских заложников увезли дальше, тов. Либерсон был оставлен в Самаре и расстрелян якобы при попытке к бегству.

То была наглая ложь... Его увели и расстреляли в двух—трех верстах от железнодорожной линии. Там же найдено было его тело.

Другой погибший заложник был тов. Берлинский. Он работал в Сызрани в качестве комиссара труда и арестован был при следующих обстоятельствах:

Он возвращался из Москвы со съезда комиссаров труда и пароходом прибыл из Нижнего в Сызрань в тот момент, когда там господствовали чехо-словаки.

Кто-то указал на него чехам. Его задержали.

Из Самары он был увезен вместе с другими заложниками. На одной из станций их нагнала группа сызранских бело-гвардейцев, потребовавших у чехов выдачи им «их комиссара» для «суда».

Чехи уступили... Тов. Берлинский был закован в кандалы и отвезен в Сызрань, где его расстреляли.

Контрразведка

После вступления чехов в Самару месть антисоветских элементов приняла неистово-дикий характер. Стоило ткнуть пальцем и назвать кого-либо «большевиком», как жертва немедленно отправлялась в «штаб охраны» или в «контрразведку» (смотря по физиономии арестованного), а оттуда в тюрьму. Арестами руководили главным образом штаб охраны и контрразведка.

Во главе последней стоял чешский капитан Глинка, плохо объяснявшийся по-русски, но прекрасно выучивший фразу: «в тюрьму». Его помощником были Журавский (чех), Босацкий и Данилов (бывший полицейский пристав 3-го участка города Самары). Среди служащих был также бывший «комиссар» русского для внешней торговли банка при советской власти—Филиппов (левый с.-р.). Кроме штаба охраны и контрразведки налеты на квартиры и обыски самостоятельно производили казаки, которые часто избивали арестованных советских работников.

Особенно усердно работала контрразведка, которая никогда не считалась ни с Комитетом членов Учредительного собрания, ни со штабом Народной армии, в ведении которого она числилась.

Имея у себя на службе лиц со старым полицейским опытом, контрразведка не брезгала и провокацией.

Автору этих строк пришлось сидеть в контрразведке с председателем фабрично-заводского комитета рабочих «Всеобщей компании электричества», который рассказал следующий случай:

«Наши мастерские, эвакуированные в Самару из Харькова, известны своим левым настроением. Недавно ко мне в мастерскую явился молодой человек и завел со мной следующий разговор:

— «Товарищ, буржуи снова подняли голову. Нужно что-нибудь предпринять. Нужно воссоздать организацию.

— Я,—рассказывал этот рабочий далее,—почувствовал неискренность и от разговора уклонился, но тот продолжал:

— Нужно нам вооружиться и, если представится возможность, ударить в тыл, когда советские войска будут наступать... Вы, конечно, мне не доверяете, но вот мой мандат. Я специально послан в Самару организовать выступления против чехов.

Он показал мне два мандата. В них говорилось, что такой-то послан с целью организации борьбы с контрреволюцией и что просьба всем оказывать ему доверие.

Все это, конечно, было довольно подозрительно, и он от меня ничего не добился. На другой день тот же молодой человек снова явился, арестовал меня и препроводил в контрразведку».

Арестованных до предварительного допроса обыкновенно держали в погребе курлинского дома. Погреб сырой и темный. Какие-то сваленные шкафы служили нарами для 15—20 человек. Остальные спали на грязном, сыром каменном полу.

Больше всех над арестованными издевался Данилов. Не говоря уже о том, что при допросе он обыкновенно извергал

целый поток ругательств из старого полицейского лексикона, он не стеснялся давать пинки и часто любил допрашивать арестованных, наводя на них наган и угрожая при этом:

— Говори, сволочь, застрелю!

Нередко арестованных расстреливали без всякого следствия.

В тюрьме

Тюрьма, рассчитанная на 800 человек, вмещала в себя после чехо-словацкого переворота до 2300 человек. Сидели по 3—4 человека в одиночках. Лишь очень важные по мнению контрразведки «преступники», как например тов. Паршин (расстрелян), находились изолированными в одиночках и даже гуляли отдельно.

Пища в тюрьме была очень плохая. Хлеба давали мало, и голодные заключенные из окон кричали на улицу, чтобы им приносили съестного. Большинство арестованных были красногвардейцы, взятые в плен в боях у Липягов и Самары.

Вначале обыски производились довольно редко: раз в две недели или три недели. Делали его надзиратели; иногда специально для обыска в тюрьме появлялись: Данилов из контрразведки и служивший раньше в Красной армии провокатор Вордак, поступивший после переворота на службу в штаб охраны. Обыски участились, когда в совете рабочих депутатов особенно остро был поставлен вопрос о заключенных и когда в связи с этим по городу и в тюрьме разнеслись слухи о готовящемся будто бы нападении на тюрьму для освобождения арестованных.

Была усилена охрана и, когда одновременно с этим начались волнения в местном гарнизоне, несколько ночей подряд были мобилизованы надзиратели, и в бане, находящейся против тюрьмы на Ильинской улице, был на всякий случай размещен отряд солдат.

Новый начальник тюрьмы Георгиевский, сменивший Климова, оказался по мнению власти «слишком мягким». Чтобы «подтянуть» тюрьму, был вытребован из Бугуруслана Извеков, который, хотя и числился старшим помощником, фактически был полным хозяином.

За два дня до оглашения известия о взятии советскими войсками Казани в тюрьме был произведен особо тщательный обыск. На этот раз обыскивали чехи. Грубые и вызывающие, они обыскивали арестованных, вытряхивая матрацы и мешки, оглядывая коридоры, дворы и даже оранжереи, разыскивая, как выяснилось впоследствии, якобы спрятанные пулеметы. После этого в тюрьму был назначен новый военный комендант (временно эту должность выполнял Георгиевский). Его помощником был назначен чех. В тюрьму был таюже назначен специальный караул из чехов, который по малейшему поводу стрелял в окна заключенных.

Чем ближе продвигались к Самаре советские войска, тем строже становился режим в тюрьме. Часть видных работников, в количестве 40 человек, была отослана в Уфу, а против 13 человек было состряпано обвинение в «заговоре», и 5 товарищей были расстреляны. Остальные, среди которых были главным образом «старосты»,—осуждены на 4—12 лет каторги.

И. Трайнин

В те дни

(Из воспоминаний)

Ясное солнечное утро. Шум и суета на улицах Бузулука... Кое-где слышна еще трескотня пулеметов. Но обыватели вышолзли уже из своих подвалов, забыв все предосторожности. Красных не видно: они отступают к вокзалу. По всем направлениям бегут чехи, догоняя отставших, добывая раненых и грабя убитых. Кровавые расчеты происходят на каждом шагу. Там и здесь валяются убитые, стонут раненые, ожидая последнего конца, и он настает быстро—от одного приклада винтовки чеха или размаха шашки казака.

Особенно ярко вспоминаются две картинки. В подвал забежал отставший красногвардеец. Его мы спрятали в самый темный угол. Когда немного стихло, казаки, почувствовав себя хозяевами города, немедленно объявили о репрессиях за укрывательство красных. Наши старухи в подвале завопили. И жалко выдать человека и страшно за себя. Надели на товарища «вольную рубашку» и сказали: «Иди и спасайся». Но не судьба: пока шли приготовления, один из обитателей подвала незаметно вышел и позвал казака. Ну, а дальше... Дальше—известно, что мог сделать казак. Без суда, без вопросов, ругаясь (как будто о жизни рабочего не стоило говорить), обезоруженного защитника города увели и расстреляли.

А вот и еще случай:

Из подвала я пошла домой на окраину города, на Полевую улицу. Подходя к дому, я заметила толпу, а в середине накрытый рогожей лежит разрубленный красногвардеец. Живой еще, чуть стонет. Начала расспрашивать. Та же история... Выдали... А казак решил, что с красным нечего церемониться. Сверкнула сталь, и посредине улицы упал разрубленный человек. Казак, гарцуя, поехал искать новых жертв.

— Я еще буду жить,—слышался бред умирающего,— только дайте мне воды... жарко очень.

Я побежала за водой, принесла кружку. Подошедший чех подозрительно спросил:

— Что делаете?

— Даю пить умирающему.

— Пить?—Мы вот сейчас его напоим.

Одна секунда—не дал опомниться—послышался выстрел в упор, и по улице разлетелись кусочки мозга и черепа... И таких случаев не перечесть.

Страшно вспомнить, как убивали обезоруженных защитников города, оставших от товарищей.

Их трупами были полны ямы за рекой Домашкой и вокруг Бузулука.

Беспартийная

Террор чехо-учредилловцев в Мелекесе

В Мелекес чехо-словаки и так называемая «Народная армия» вступили 6 июля. И первым делом победители занялись кровавой охотой и облавами на коммунистов, на их родственников и знакомых, на советских служащих и на местных рабочих, в особенности на ключников. Последних арестовали в первый день до 30 человек. Что касается красноармейцев и милиционеров, то они, если попадались, расстреливались на месте, на глазах у жителей.

Затем началась систематическая «работа» белогвардейцев. В короткое время оба арестных помещения были переполнены. Малейшего подозрения, случайного доноса было достаточно для ареста.

Расстрелы не прекращались. Арестованные группами выводились ночью, а то и днем за город и там расстреливались. Сколько человек всего расстреляно—неизвестно.

Смертные приговоры выносились заключенным после одного-двух допросов, без какого-либо разбирательства дела. Распоряжалась судьбой арестованных кучка офицеров...

А местные «социалисты» всех оттенков, обмолвились ли они хотя одним словом против этого произвола? Нет, они считали этот произвол нормальным явлением. Орган социалистического блока—«Мелекесская газета»—ни одной строчкой не отозвалась на небывалый и ничем неоправдаваемый белый террор. Впрочем, эта газета считала твори-

мый учредилкой террор высшим выражением «демократизма» и всячески науськивала белогвардейскую свору против «большевиков». Крестьяне так прямо и призывались этой газетой к уничтожению большевиков!

Однако скоро все эти расстрелы вызвали резкое недовольство в среде трудящегося населения. Тогда из Самары распорядились не расстреливать на местах, а пересылать в Самару. Арестованных стали пересылать в Ставрополь и в Самару, но дорогой они якобы пытались бежать и их расстреливали.

Но вот Красная армия заняла Казань и Симбирск. Опасаясь, очевидно, что местные рабочие обрушатся на опричников, военные власти еще усилили террор, расстреливая одиночками и целыми группами. Так около вокзала, на глазах многочисленной публики была расстреляна группа солдат Народной армии в 30 человек за отказ воевать с Красной армией.

Живыми закапывали в землю

После отступления красных войск из-под Бузулука, 27 июня 1918 года, и из Сорочинского, 28 июня, была ликвидирована в селе советская власть. 28 июня купечество и торгаши праздновали день освобождения от ненавистного им большевизма. Всюду слышались музыка, пение и звон рюмок. 29 июня кадетская организация Игнатова и эсеровская ячейка Калашникова созвали общее собрание «народа» и, проклиная большевиков, предложили волостному земству снова вступить в свои прежние права.

Помимо власти гражданской (волостное земство) местным офицерством под руководством сына михайловского попа Цветаева была создана военная власть, и Цветаев был назначен начальником гарнизона села Сорочинского.

Волостное земство и офицерство, представляющее гарнизон, прежде всего принялись за уничтожение остатков большевистской «заразы». Для этого всех оставшихся на милость новой власти членов волостного совета и подозреваемых в большевизме тотчас же арестовали. Для суда над ними создали следственную комиссию под председательством офицера Коль и членов: торговца скобяными товарами Столбикова и гробовщика Прасолова. Эта следственная и в то же самое время судебная власть во главе с начальником гарнизона, вечно пьяным поповским сыном Цветаевым, производила расправу над теми бедняками крестьянами, которые волей всех граждан попали в волостной совет.

Более 20 человек сознательных, честных крестьян и рабочих были зверски казнены в лабазах по приговору казачьего полевого суда. Из убитых наиболее известны: демобилизованный солдат, первый организатор советов в Сорочинском—Черкассов, члены совета: Зверев Андрей и Зверев Григорий, комиссар дружины Ташков, Пантеровский Александр, Улеев, Байдин Григорий, Горшков, Колесов из с. Грачевки и много других.

Расправа была неслыханно жестока. Каждого заставляли рыть себе могилу, а затем втыкали штык в спину и зарубали шашками или расстреливали.

В с. Пьяновке, Баклановской волости, что в 12 километрах от Сорочинского, карательный отряд сорочинского прапорщика Левина и торговца М. И. Гридина, изловив 8 бывших красногвардейцев, казнил их еще ужаснее.

После того как арестованные вырыли себе могилы, их свалили в эту яму и отряд Левина верхом на лошадях топтал живых красногвардейцев в этой яме, еще полуживыми их зарыли в землю.

Так власть Учредительного собрания расправлялась с непокорными «мужиками».

И. О. Коновалов

„Демократия“ на практике

„Свобода и народовластие“

В первом своем воззвании к населению Самары Комуч между прочим сообщал, что переворот совершен им «во имя великого принципа народовластия», а в первом приказе Комуч декларировал всяческие «свободы»: свободу слова, печати, собраний, митингов и пр. и пр.

Но это были лишь громкие слова, демагогия, рассчитанная на обман масс. В практике же своей Комуч ввел самый жестокий режим, при котором не могло существовать никаких «свобод», кроме свободы для учредительских палат расстреливать трудящихся.

Целые губернии и уезды Комуч передал в бесконтрольное управление уполномоченных, которые являлись на местах фактическими диктаторами с неограниченной властью и в бараний рог гнули трудящихся «вверенных» им районов.

Сам Комуч следующим образом определял права и функции уполномоченных на местах:

«Ему присваивается вся полнота административной власти в губернии... Ближайшими задачами губернского уполномоченного являются... беззамедлительное пресечение всякого рода агитации, направленной к противодействию и свержению власти Комитета членов Учредительного собрания... Уполномоченному предоставляется право... постановлять о заключении под стражу лиц, деятельность которых представляется особо угрожающей национальной обороне и общественной безопасности, не допускать и закры-

вать всякие собрания и съезды, которые могут представлять опасность в военном отношении или в отношении общественного порядка и спокойствия», и т. д. и т. п.

Как видим, власть уполномоченного Комуча фактически ничем не была ограничена. Они в действительности вводили такой режим, которому могли бы позавидовать колонизаторы любой империалистической страны. Чего стоит, например, режим, введенный в Оренбурге особоуполномоченным Комуча атаманом Дутовым.

Этот представитель «чистой демократии» не постеснялся официальным приказом ввести порку плетьюми.

Недовольство Комучем в гущах трудящегося населения быстро нарастало, и учредилке было уже недостаточно тех органов подавления революционной активности трудящихся, которые она создала вначале. Исходя из этого, Комуч учредил военный суд, во главе которого в первое время стоял известный царский вешатель генерал Тыртов. Вскоре однако и этого аппарата оказалось недостаточно и Комуч создал военно-полевой суд, а затем чрезвычайный суд.

Чрезвычайный суд приговаривал к расстрелу даже без предварительного следствия. Основанием для предания чрезвычайному суду служили, помимо «призывов к неисполнению распоряжений гражданской и военной власти», и такие проступки, как «распространение заведомо ложных слухов», причем «виновные в совершении означенных преступлений приговариваются чрезвычайным судом к смертной казни» (приказ Комуча № 281).

Не трудно понять, что всеми этими мероприятиями Комуч ввел по сути дела самую настоящую военную диктатуру, осуществляемую кучкой черносотенного офицерства.

Но недовольство Комучем и революционная активность трудящихся принимали в «демократической» республике

настолько широкие размеры, что даже и эти драконовские мероприятия не обеспечивали для учредилки полного спокойствия. И вот в начале августа особым приказом Комуч учреждает особое министерство государственной охраны, т. е. попросту охранку.

Охранке Комуч предоставил самые широкие полномочия. Так четвертая статья положения о министерстве государственной охраны предоставляет праву министру «в обстоятельствах чрезвычайных действовать всеми способами, не ожидая разрешения совета министров».

Для того чтобы охранка могла не стесняться в способах охраны «государственного порядка и спокойствия», при ней был создан еще особый «департамент государственной охраны», а при нем в свою очередь отдельный корпус государственной охраны.

Тут все уже ставилось на солидную ногу, ничем не хуже царской охранки, не исключая и особого корпуса жандармов.

Так практически преломлялись многочисленные заявления Комуча о различных «свободах» и «народовластии». Эта «свобода», как мы уже указывали, существовала только для учредилковских вешателей, которые могли учинять кровавую расправу над трудящимися по самым различным поводам, а также и без всяких поводов.

В настоящем отделе нашего сборника мы печатаем материалы, характеризующие учредилковскую «демократию» на практике.

Первым мы печатаем заявление правления рабочей кооперативной столовой коменданту города об обыске в этой столовой. Обстоятельства дела достаточно полно изложены в заявлении. Необходимо лишь ознакомить читателя с продолжением этого дела. А это продолжение таково:

Копии заявление правление столовой отправило в исполком рабочей конференции и в редакции всех газет,

причем даже меньшевистская «Вечерняя заря» не могли замолчать этот вопиющий факт, поскольку он подвергался широкому обсуждению на рабочей конференции, и вынуждена была напечатать заявление.

Это обстоятельство взорвало чешского коменданта города, прапорщика Ребенду. Он потребовал к себе для объяснений редактора «Вечерней зари» и председателя рабочей конференции меньшевика Лепского и задал ему горячую головомойку. Опубликование документов Ребенда квалифицировал как провокационный шаг.

Разумеется, Лепский поспешил разубедить коменданта в подобном подозрении, дав ему понять, что меньшевики никогда не протестовали и не будут протестовать против обысков и арестов, а опубликование заявления правления столовой вызвано лишь «правонарушением» во время производства обыска.

Статья Ф. Дора достаточно убедительно показывает учредилковский режим в провинции и приемы борьбы с революционными рабочими и крестьянами.

Корреспонденция из вотчины атамана Дутова, из Оренбурга, ярко рисует режим, установленный в Оренбурге, и в особых комментариях не нуждается.

Мы приводим также приказ № 2 по Оренбургскому казачьему войску от 3 августа 1918 года. По этому приказу к смертной казни приговариваются за возбуждение «вражды» «между хозяевами и рабочими», за устройство стачки и пр. и пр. Приказ этот особо интересен тем, что подписан он уполномоченными Комуца, т. е. представителями «демократии». Не менее интересен пункт 4 приказа, где эти «демократы» прибегают к грубой и бессовестной лжи о большевиках, которые якобы приехали из Германии «для уничтожения Российского государства».

Далее мы приводим материалы, характеризующие кошмарные условия, существовавшие в казематах учредилки.

Комуч, как известно, ввел такой режим, при котором ни о каких «свободах» для трудящихся нельзя было и говорить. Малейшее проявление недовольства учредилкой в лучшем случае вызывало немедленный арест. Поэтому тюрьмы учредилки были буквально переполнены заключенными.

К началу августа только в самарской тюрьме было более двух тысяч заключенных, в Оренбурге их было около тысячи, в Хвалынске—около 800, в Сызрани—около 700, в Бузулуке—около 500, столько же в Бугуруслане и т. д.

Заключенные находились в кошмарных условиях. В одиночках помещалось по 5—6 человек, а в общих камерах заключенных было в 2—3 раза больше нормального. Отвратительные условия и недостаток питания вызывали среди заключенных массовые заболевания, от которых гибли сотни товарищей.

Помимо всего этого в тюрьмах учредилки был введен жесточайший режим. Однако этот режим учредилка считала недостаточным, и в первой половине сентября внешняя и внутренняя охрана самарской тюрьмы была передана военным властям.

После передачи тюрьмы под охрану военных властей положение заключенных еще более ухудшилось. По окнам, если к ним подходили заключенные, внешний конвой открывал стрельбу без предупреждения, за малейшие проявления недовольства на заключенных накладывали жестокие взыскания (карцер, побои и мучения).

Помимо тюрем много заключенных содержалось в подвалах штаба охраны и контрразведки. Обращение с заключенными в этих учреждениях не поддается никакому описанию. Сплошь и рядом, измучив своих пленников пытками, контрразведчики тут же и приканчивали их. Подвал б. дома Курлиной (угол ул. Фрунзе и Красноармейской) и

доныне хранит следы зверских расправ учредилловских палачей с заключенными.

Здесь мы приводим часть воспоминаний и сообщений большевиков, находившихся в заключении, которым удалось вырваться из лап учредилловской охранки. Любопытны воспоминания тов. Андропова, который разоблачает одну из многих провокаций учредилловской охранки.

Подобные провокации охранка практиковала не редко и таким путем расправлялась с наиболее видными большевиками.

Коменданту г. Самары

Заявление правления кооперативной столовой

8 сего июля около 1 часу дня в помещение столовой явился вооруженный отряд чехо-словацких войск для производства обыска. На просьбу заведующего столовой т. Рода Зибермана предъявить мандат офицер, руководивший отрядом, вынув револьвер, сказал: «Вот вам мандат». После этого, подчинившись вооруженной силе, т. Рода допустил производство обыска, не получив разъяснения о том, по чьему распоряжению и с какой целью таковой производится. Самый обыск сопровождался совершенно недопустимыми оскорблениями и заявлениями как по адресу администратора столовой, так и евреев вообще...

Не обнаружив ничего нелегального и обыскав всех застигнутых и явившихся во время обыска, отряд стал производить обыск в комнате, сдаваемой правлением и занимаемой Эдельманом, находящимся на даче. Запертая дверь была взломана, в комнате произведен обыск, в результате коего был вынесен небольшой ящик с вещами, с какими—не удалось установить, так как в комнату никто во время обыска не допускался. Заведующий, зашедший в комнату для присутствия во время обыска, был удален самым бесцеремонным образом.

В этом же помещении находится бюро организации Бунда, где также, несмотря на протесты и возражения, был произведен без предъявления мандата обыск: столы,

ящики вскрыты, бумаги перерыты и выброшены. Ничего не обнаружив, отряд удалился, арестовав одного из обедавших и кассира столовой, у которого была забрана вся выручка. Протокол обыска, несмотря на просьбы, составлен не был.

Выражая настоящий свой решительный и энергичный протест по поводу таких действий и поведения отряда, производившего обыск, правление о-ва рабочей кооперативной столовой имеет честь просить коменданта г. Самары сделать распоряжение о выдаче забранных в кассе денег и запросить, известно ли коменданту г. Самары об изложенном и какие меры будут приняты против таких незаконных действий.

Учредилловские расправы в Иващенково

Советские отряды оставили Иващенково (теперь Чепавск) 2 июня. В этот же день туда вошли чехо-словацкие войска, и эсеры организовали свою власть.

Сразу же, как только власть оказалась в руках эсеров, начались аресты большевиков и революционных рабочих. Расправы чинили офицеры-эсеры, которым была вручена военная власть в районе: Петров, Взоров, Осетинский и др.

Поручик Петров приказал расстрелять двух рабочих только за то, что в обращении к нему они по привычке называли его товарищем. Расстрел был произведен на глазах многих свидетелей в бараке Сергиевского завода.

Тех арестованных, которых белогвардейцы сразу же не расстреляли, они подвергали жестоким истязаниям. У арестованных старались выпытать сведения о других членах партии и обо всех, кто выражал недовольство новой властью. Нередки были случаи, когда белогвардейцы выкалывали у арестованных глаза, вывертывали руки, ноги, обрезали уши, носы и т. п.

«Я видел,—рассказывает рабочий Ильин,—на линии от Иващенкова до Томылова зверски изувеченные трупы рабочих и красноармейцев. Были трупы с вывернутыми руками и ногами, с отрезанными ушами. Очевидно арестованных после истязаний убивали при перевозке в Самару, а трупы выбрасывали из вагонов».

Однако массовые аресты и зверские расправы не сломили сопротивления иващенковских рабочих. Наоборот, зверства и расправы вызывали в рядах рабочих еще большее недовольство учредилкой и еще большее сопротивление ей. Больше того, рабочие старались всячески вредить белогвардейцам. 17 июня на станции был взорван целый состав с порохом. По подозрению в организации взрыва власти арестовали председателя фабзавкома коммуниста Кузьмина, Гаршина и ряд других рабочих. Власти не могли состряпать никаких данных, чтобы обвинить арестованных рабочих, тем не менее все они после пыток и истязаний были отправлены сначала в бугурусланскую тюрьму, а затем в Сибирь. Из Сибири вырвались всего 2—3 человека, остальные же, в том числе и Кузьмин, пропали. Повидимому, их убили дорогой...

Характерно, как учредилка старалась вырывать «большевистскую заразу» с корнем. Когда Кузьмин и его товарищи находились в бугурусланской тюрьме, Комуч послал своему бугурусланскому уполномоченному такое предписание:

«В бугурусланской тюрьме содержатся бывшие рабочие Сергиевского завода Николай Алексеевич Кузьмин и Александр Васильевич Гаршин, семейства которых могут прибыть в Бугуруслан.

Поставляя об этом в известность, Комитет предлагает вам по прибытии в Бугуруслан семейств Кузьмина и Гаршина направить их в Сибирь без права возвращения в Россию».

Не довольствуясь высылкой в Сибирь отдельных рабочих и отдельных семейств, учредилка решила вообще очистить Иващенко от всех неблагонадежных элементов. Но, так как таких элементов было столько же, сколько рабочих на заводах, то учредилковцы решили ликвидировать Сергиевский завод, его оборудование и станки перебросить в

Сибирь, т. е. в глубокий тыл, а рабочих выселить из Иващенкова в принудительном порядке.

В проекте ликвидации завода, составленном поручиком Взоровым и утвержденном Комучем, так и сказано: «необходимо совершенно разрядить район от неблагонадежных элементов, для чего обязать к выезду в назначенный срок всех рассчитанных».

Однако при осуществлении этих планов учредилка встретила с серьезными препятствиями. Прежде всего сами рабочие начали ожесточенную борьбу против ликвидации завода, причем эта борьба в конце концов вылилась в вооруженное восстание.

Вооруженное восстание иващенковских рабочих произошло 1—2 октября. До этого некоторые группы рабочих, еще не расставшиеся с иллюзиями относительно учредилки, пытались «легальным» путем добиться от учредилки уступок. Так 19 июня в меньшевистской газете «Вечерняя заря» напечатано письмо группы иващенковских рабочих. В этом письме рабочие, во-первых, констатируют, что с начала революции в районе «не было совершенно ни одного ареста за политические убеждения», а при власти Комуча не только производятся массовые аресты рабочих, но последних еще выселяют в принудительном порядке. Далее рабочие требуют от учредилки свободного пропуска их как в пределах территории Комуча, так и за ее пределы, т. е. в Советскую Россию.

Печатая это письмо, меньшевистская газета снабдила его гнуснейшим примечанием от редакции. В этом примечании газета пишет: «Помещая письмо группы иващенковских рабочих, редакция считает необходимым обратить особое внимание товарищей из Иващенкова на сделанные в Самаре официальными представителями власти и частными лицами заявления о недопустимом поведении иващенковских ра-

бочих во время боев на Сызранском фронте и оставления Сызрани частями Народной армии. Эти заявления указывают на то, что в Иващенкове—в тылу Народной армии—подготавливалось выступление против последней.

Редакция... полагает, что раньше всего иващенковским рабочим необходимо было бы выступить с определенными и категорическими заявлениями именно по вопросу об их отношении к Народной армии в период боев. Только доказав ложность возводимых на них обвинений, они могли бы рассчитывать на общественное сочувствие и на благоприятное отношение Комитета членов Учредительного собрания к выдвинутым ими требованиям».

Эта гнусность меньшевиков, по существу донос, вызвала бурю возмущения среди иващенковских рабочих. Надежды меньшевиков на «лояльность» иващенковских рабочих к учредилке не оправдались. Наоборот, с каждым днем среди рабочих росли революционные настроения, с каждым днем они все более и более убеждались в том, что единственный путь их—это беспощадная борьба против учредилки.

На этот путь иващенковский пролетариат и встал. 1 октября вспыхнуло вооруженное восстание в Иващенкове. Вооружившиеся чем попало рабочие, как один, поднялись против учредилки. После жестокого сражения рабочие прогнали из Иващенкова белогвардейский отряд. Однако учредилка бросила в Иващенково огромные силы. Восстание было подавлено. Началась дикая расправа с рабочими...

Зверства учредилковских усмирителей в Иващенкове не поддаются описанию. Группами и поодиночке рабочих ловили по улицам, по дворам и квартирам и здесь же расстреливали. Расстреливали без разбора всех, кто попадет в руки, всех, кто похож был на рабочего. Пойманных рабочих, прежде чем расстрелять, заставляли рыть для себя могилу, а затем на краю вырытой ямы расстреливали.

У одного рабочего на квартире стоял офицер. Когда белогвардейцы пришли к этому рабочему, постояльца-офицера не было дома, но на стене висела офицерская фуражка. Увидев ее и думая, что рабочий снял ее с убитого офицера, белогвардейцы вывели во двор всю семью рабочего и поставили к стенке для расстрела.

Жена рабочего держала на руках грудного ребенка. Она умоляла белогвардейцев пощадить их ради ребенка, но озверевшие белобандиты штыками прикончили ребенка на руках матери и расстреляли всю семью.

Расправа продолжалась до 6 октября, когда Иващенко было занято Красной армией.

Перед своим уходом из Иващенко белогвардейцы отравили 60 человек, лежавших в больнице, раненых пленных красноармейцев и рабочих.

...Всего от рук учредилловских палачей в Иващенко погибло около тысячи человек. Таков итог кратковременного хозяйничанья учредилки в районе Иващенко.

Ф. Дор

Учреждение чрезвычайного суда

**Из приказа № 281 Комитета членов Всероссийского
учредительного собрания**

Сентября 18-го дня 1918 года, г. Самара.

1. Серьезность положения вынуждает Комитет членов Всероссийского учредительного собрания принять чрезвычайные меры к охранению общественной безопасности и поддержанию порядка, дабы беспрепятственно продолжать работу по воссозданию России и вконец подавить выступление врагов родины, жертвующих интересами последней в силу своих личных корыстных выгод.

2. В целях наиболее успешной борьбы с преступным элементом в городе Самаре и в Самарском уезде учреждается в городе Самаре чрезвычайный суд в составе четырех лиц: одного от чехо-словацких войск по назначению командующего Поволжским фронтом, одного от Народной армии по назначению управляющего военным ведомством, одного от военно-судной части народной армии по назначению начальника военносудной части и одного от ведомства юстиции по назначению управляющего ведомством. Председательствующий избирается составом суда из своей среды.

3. Чрезвычайный суд собирается для рассмотрения дела по приказу главнокомандующего Поволжским фронтом. По его письменному предложению управляющие военным ведомством и ведомством юстиции и начальник военно-судной

части присылают назначенных ими лиц в указанное время и в указанное место.

4. Право передачи дел на рассмотрение чрезвычайного суда принадлежит командующему Поволжским фронтом. На рассмотрение этого суда им могут быть передаваемы дела по обвинению в следующих преступлениях:

Восстании против существующей власти, подстрекательстве к бунту и мятежу.

Нападении на воинские части Народной армии или союзнических войск, истреблении и расхищении военного имущества, повреждении и разрушении предприятий, работающих на оборону.

Призыве к неисполнению распоряжений гражданской и военной власти.

Призыве к уклонению от военной службы, или от участия в военных действиях.

Злонамеренном распространении заведомо ложных слухов, могущих создать панику среди населения или вызвать беспорядки и народные волнения.

5. Виновные в совершении означенных преступлений приговариваются чрезвычайным судом к смертной казни.

6. Приговор должен быть вынесен в течение 24 часов с момента передачи дел на разрешение чрезвычайного суда.

Обвинительный приговор вступает в законную силу и приводится немедленно в исполнение по утверждению его командующим Приволжским фронтом.

Члены Комитета: И. Нестеров, А. Былинкин, П. Климушкин, вр. секретарь Комитета Преображенский.

Зверства дутовских палачей

Два дня спустя после того, как советские войска заняли Оренбург, на окраинах города появились какие-то странные тени.

За винным складом, у собачьих ям, за Уралом, за дамбой, за пороховыми погребями блуждали скорбные фигуры седобородых стариков, женщин и подростков. Полные горя и ожидания глаза чего-то ищут.

В руках у всех лопаты.

Это отцы, жены и дети разыскивают тела своих родных, казненных дутовскими опричниками.

Мягкий, пушистый снег покрыл белой пеленой поля и дороги и все сравнял.

Скорбные фигуры поминутно останавливаются, что-то припоминают, нагибаются к земле, замерзшими руками ощупывают снег, ищут, ищут...

И находят...

Откапывать приходится недолго. На поларшина от поверхности земли заступ ударяется о что-то твердое... И через некоторое время из ямы извлекается окаменевшее, обезображенное тело.

Оно не одно. Под ним и рядом с ним в яме находят четыре-пять таких же изуродованных тел. А в одной яме их нашли шестнадцать.

Почти все тела нагие, и только на некоторых—окровавленное, иссеченное шашками нижнее белье. И только на

одном старике остался рваненький, ветхий зипунишко. До того рваный, что даже дутовские прохвосты на него, видимо, не польстились.

Почти у всех казненных разрублены и отсечены черепа, у некоторых выколоты глаза, отсечены нижние челюсти, изрублены руки, у женщин отрезаны груди.

Их, несомненно, зарывали еще живыми.

И вот в таком виде они коченели с инстинктивно поднятыми для защиты лица руками. У многих отрублены кисти рук. У некоторых руки связаны и такие тела без головы. Голова валяется тут же рядом.

Никакими словами, никакими красками нельзя описать ужасающего вида этих тел. Это надо увидеть самому, чтобы запомнить на всю жизнь.

Трудно, почти невозможно по этим изуродованным лицам опознать близкого, родного человека.

Но многих родные опознают по остаткам волос, по половине лица, по уцелевшим рукам, по белью.

Никаким душу раздирающим сценам тут нет места. Слезы уже выплаканы при Дутове. В глазах—один немой ужас, одно тупое безысходное горе. Молча узнают своих близких, молча увозят на кладбище хоронить то, что еще недавно составляло радость и опору жизни.

Спрашиваю одного из родственников:

— Вы знали о месте казни своих родных?

— Знали. Приблизительно, не точно, но знали.

— И вы не могли просить, чтобы вам выдали тело родного?

Он смотрит на меня недоумевающе, с едва заметной горькой усмешкой:

— При Дутове-то? Нет, не могли и не смели. Дутов официально скрывал эти убийства, но о них все знали, не знали только, как это делается. А если и знали, то должны были молчать.

Об убийствах Дутова в Оренбурге все знали и все молчали.

Меньшевики и правые эсеры жалко лепетали про Учредительное собрание, кадеты из «Оренбургского края» и казаки из «Казачьего вестника» рассуждали о том, какого им палача посадить на всероссийский трон, дутовские опричники задавали пиры по гостиницам и ресторанам. Сам Дутов, охраняемый своими холопами, беспорядочно пьянствовал.

Дутовские генералы и есаулы творили «правый и скорый» военно-полевой суд.

Красноармейцев и активных советских работников Дутов не удостаивал даже и этого суда—просто убивали, истязав предварительно.

Стоило только протянуть палец: «вот этот—отец красноармейца, вот этот—брат советского служащего, вот этот—просто одобрительно отзывался о большевиках»,—и несчастных бросали в тюрьму, а потом над ними разыгрывали комедию получасового военно-полевого суда. Приговор—неизменно один: приговаривается к смертной казни через...

Вот неизвестно через что? А может быть так и производили—через зарубание шашками.

Тюрьма была переполнена смертниками.

В ожидании своей участи обреченные томилась в своих камерах, чутко прислушиваясь по ночам ко всякому шороху за дверьми.

Глубокой ночью в коридоре раздавались тяжелые шаги и замедлялись у самой двери камеры. Приговоренный вскакивал в смертельном ужасе. Дверь отворяли намеренно медленно. В камеру входили озверевшие дутовские опричники. Несколько томительных минут постоят и... потом смеясь уходили. Так повторялось несколько ночей кряду.

Наконец приходили, накидывали на шею аркан и, соединив в партию несколько человек, уводили за винный склад, к собачьим ямам.

По ночам приходили пьяные казачьи офицеры. Будили надзирателей и требовали, чтобы их проводили в женское отделение.

Заплетающимся языком говорили:

— Дайте нам эту сволочь политическую.

Иногда тюремной администрации удавалось выпроваживать пьяных негодяев, а иногда приходилось выдавать 5—6 заключенных.

Храбрые казачьи офицеры уводили своих жертв за пороховые склады, за Урал.

В часовне при городском кладбище в настоящее время находится около двадцати трупов, вырытых из ям за Уралом и пока не опознанных родными.

Это окаменевшие в разных положениях фигуры с поднятыми руками, с согнутыми ногами, с вывороченными черепами.

Бат

Из приказа № 2 по Оренбургскому казачьему войску и Оренбургской губ.

4 июля (21 июня) 1918 года ¹

1. Объявляю город Оренбург, Оренбургское казачье войско, Оренбургскую губернию, Ташкентскую и Орскую железные дороги на военном положении.

2. За умышленное убийство, изнасилование, разбой, грабеж и умышленное зажигательство или потопление чужого имущества—виновные приговариваются к лишению всех прав состояния и к смертной казни.

3. За нападение на чинов войска, милиции и других должностных лиц и за сопротивление им при исполнении обязанностей службы—виновные приговариваются к лишению всех прав состояния и к смертной казни.

4. За активное участие в шайке, именующей себя большевиками и составленной преимущественно лицами русского происхождения, приехавшими из Германии для уничтожения Российского государства, а также для совершения тяжких преступлений: разбоя, убийства, грабежа, кощунства, похищения святынь, святотатства, захвата чужого имущества,—виновные приговариваются к лишению всех прав состояния и к смертной казни.

5. За умышленное укрывательство комиссаров и лиц служивших в Красной армии, а также лиц, выступавших

¹ В первом издании была ошибочно указана дата—3 августа.

оружием в руках против войск, боровшихся за созыв Учредительного собрания,—виновные приговариваются к лишению всех прав состояния и к смертной казни.

6. Виновные в произнесении или чтении публично речи или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих вражду между отдельными классами населения, между сословиями или между хозяевами и рабочими, в устройстве или продолжении стачки на заводе, фабрике, горном промысле, в железнодорожных и тому подобных мастерских или вообще в таком предприятии, прекращение деятельности коего может неблагоприятно отразиться на интересах местного населения,—приговариваются к лишению всех прав состояния и к смертной казни.

7. За хранение огнестрельного и холодного оружия, а также боевых припасов без разрешения коменданта города или подлежащего начальника милиции—виновные приговариваются к лишению всех прав состояния и к смертной казни.

8. За все перечисленные преступления виновные предаются военно-полевому суду, который открыт с сего числа и приступает к рассмотрению дел, производимых в особо учрежденной для сего следственной комиссии.

Подлинный подписали:

Временно исполняющий должность войскового атамана и уполномоченный от Комитета членов Всероссийского учредительного собрания **К а р г и н**.

Уполномоченный от Комитета членов Всероссийского учредительного собрания по Оренбургской губернии

П. Богданович.

Из недавнего прошлого

(7 июня—6 октября 1918 года).

7 июня 1918 года, под вечер, остававшаяся бесценно трое суток в окопах у р. Самарки самарская коммунистическая боевая дружина, имевшая в своем составе в тот момент 400 человек коммунистов и беспартийных рабочих, была сменена только что прибывшим на подмогу уфимским отрядом Красной армии, состоявшим из 600 человек. А утром 8 июня чехи вступили в Самару, пройдя железнодорожный мост через Самарку без единого выстрела. Пулеметы, в значительном количестве расставленные таким образом, чтобы держать мост и подступы к нему под перекрестным огнем, оказались совершенно безмолвными в момент, когда чехи проходили мост.

Защитники Самары в ночь на 8 июня были более спокойны и уверены в прочности положения, чем в предшествовавшие 3—4 дня. Пришедшие 7 июня значительные по тому времени подкрепления (кроме уфимского пришел еще красноармейский отряд в 500 человек из Ульяновска) давали некоторое основание для такого оптимизма. Многие из товарищей, не спавшие 3—4 ночи подряд, устраиваясь соснуть где-нибудь на столах или на полу, меньше всего ожидали, что через 3—4 часа они будут разбужены стрельбой вступившего в город врага.

Наш небольшой отряд в 15 человек (из дружины при штабе революционной охраны) с одним тяжелым и двумя

легкими пулеметами был брошен на грузовике в сторону Самарки в четыре часа утра. Мы еще не знали, что чехи вступили в город. Нам сообщили по телефону, что одна из милицейских частей (не помню какая) кем-то обстреливается. На перекрестке улиц Льва Толстого и Самарской мы столкнулись совершенно неожиданно для себя с наступающими цепями чехов, продвигавшихся по Самарской улице. Мы спешились и, укрываясь за выступами домов, установили наши пулеметы и вступили в перестрелку. Через несколько минут, после небольшого ощущения толчка, я вдруг почувствовал, что винтовка, бывшая у меня в правой руке, произвольно выпала из нее, а сама рука бессильно опустилась книзу. Потребовалось, вероятно, не менее одной минуты для того, чтобы я сообразил, что ранен. Как выяснилось уже позже, ранила меня не чешская, а какая-то другая предательская пуля, летевшая откуда-то сбоку. Я стоял прямо лицом к наступающим чехам; пуля же, ударившая прямо в грудь против сердца, пошла наискосок и вышла сбоку, пройдя еще через правую руку.

В тот момент в нашем маленьком отряде уже было несколько раненых и был убит пулеметчик. Видя невозможность сдержать значительно превосходившие нас силы противника и будучи обстреливаемы зашевелившимся белым офицерством с флангов (из окон и с крыш), наш отряд стал отступать к Волге. Я же, чувствуя подступающую слабость, вошел в калитку ближайшего двора на Самарской улице для того, чтобы там где-нибудь, если удастся, укрыться и получить первую помощь. Это был очень большой двор с множеством деревянных флигелей. Мне помнится, что я стучался в несколько дверей, но везде меня отказывались впустить. В самом конце большущего двора меня впустили в небольшую хибарку, где к моему счастью оказалась знавшая меня коммунистка тов. Сосновская. Муж тов. Соснов-

ской, недавно вместе с нею приехавший в Самару, коммунист-поляк, в это время был в другом нашем отряде, прикрывавшем нашу артиллерию, которая стояла на Хлебной площади. Сосновская быстро втащила меня в какой-то подвал и полотенцами забинтовала мою руку. Силы в этот момент меня уже совершенно покинули. Несколько часов до первой медицинской помощи провел я в этом подвале, временами в полном беспамятстве, иногда в полубезыбытии. Как мне потом передавали, врач, перевязавший меня, был д-р Клячкин.

Спустя много часов, уже к вечеру этого дня, меня на носилках потащили в Шихобаловскую больницу. Товарищи, взявшие на себя заботу о моей особе, действовали совершенно правильно, ибо навряд ли можно было пронести любого раненого по улицам за пару часов до этого, когда по улицам Самары убивали рабочих и красноармейцев, когда пьяная от бешеной злобы к большевикам и обезумевшая от крови толпа лавочников, домовладельцев и белых офицеров убила самосудом многих и многих наших товарищей. Сознание только отдельными моментами возвращалось ко мне; один из этих моментов глубоко запечатлелся в моей памяти. Чешский солдат, отвернув простыню, которой было закрыто мое лицо, со злобой и ненавистью разглядывая меня, кричит: «мадьяр», перемешивая это слово с русскими и чешскими ругательствами и прикладывая острие своего штыка к моей груди. Я уже ощущал холод этого штыка и сейчас удивляюсь тому безразличию и спокойной апатии, с которой мое сознание воспринимало грозящую в ближайшее мгновение смерть. Очевидно не презрение к смерти и большая сила воли, а упадок сил, ослабление энергии и воли к жизни, вызванные громадной потерей крови, были тому причиной. Несшие меня на носилках и сопровождавшие меня в больницу молодые девушки

или женщины (к сожалению, я до сих пор не знаю, кто же тогда спас меня от такой близкой смерти) подняли крик и визг на всю улицу. Они уверяли солдата, что я их родственник, раненый случайно шальной пулей. Вцепившись в руку, уже собравшуюся нажать на штык, они сумели меня отстоять.

Около полутора недель был я в Шихобаловской больнице. Оставшиеся в подпольи товарищи, заранее узнав, что белые власти собираются учинить облаву в больницах на раненых коммунистов и красноармейцев для отправления их в тюрьму, сумели накануне этой чистки больниц изъять меня оттуда и перевести в... родильный приют.

В этой больнице для рожениц, содержанием которой был доктор Шарогородский, я оставался около 2 месяцев. Врач-хирург, ныне умерший доктор Власов, посещал меня там аккуратно и при его помощи раны мои изрядно поправлялись. Проявленный ко мне интерес случайно увидевшим меня в окно со двора больницы чехо-словацким унтер-офицером, пришедшим в гости к одной из больничных сиделок, вынудил меня снова переменить убежище. Товарищи из подпольной организации, проявившие ко мне очень большое внимание, поместили меня временно, до приискания лучшего, на квартире некоего Гандурина, тогда жившего в Самаре. Жена его, не бывшая никогда большевиком и близким к нашей партии человеком, проявляла ко мне наилучшее чутко товарищеское отношение. Сам же Гандурин все время смотрел холодно и косо в мою сторону и не особенно старался скрыть свое недовольство и боязнь. Это вынудило меня на третий день пребывания на этой квартире покинуть ее, не дождавшись подыскания другого убежища для меня. Имея сведения, что на дачах скрывается много наших ребят, я решил направиться туда же и там где-нибудь устроиться. Я не опасался быть узна-

ным, ибо в Самаре до прихода чехов я жил не более 3 месяцев да и ранение и выросшая после ранения борода изрядно изменили мою внешность.

Сев для этой цели на трамвай, я на 3-й или 4-й остановке был арестован чешским унтер-офицером по указанию какого-то опознавшего меня обывателя. Это было 17 августа. Меня сначала повезли на извозчике в номера «Львов», по Самарской улице, где помещался чешский комендант города Ребенда.

Хотя в больнице я был записан под другой фамилией, но, будучи опознан, я при допросе сразу ответил утвердительно на заданный мне вопрос о моей фамилии и принадлежности к большевикам. Не желая подводить никого из помогавших мне укрываться, я совершенно отказался отвечать на вопрос о моем местопребывании за все это время. Рассвирепевшие допрашиватели подвергли меня жестокому избиению: долго колотили рукояткой нагана по лицу и по голове, засовывали дуло револьвера в рот и угрожали немедленно спустить курок, били каблуками по завязанной и забинтованной груди, где раны далеко не закрылись, но никаких ответов больше от меня не получили. Во время этого избиения я потерял сознание и очутился спустя несколько часов в арестном помещении при учредилловском штабе охраны. Очнулся я весь разбитый, в синяках и кровоподтеках, с запухшим лицом и глазами. Назавтра меня допрашивал уже без рукоприкладства следователь ведомства юстиции при Комитете членов Учредительного собрания и в тот же день вечером я был отправлен в тюрьму, откуда попал сразу в тюремную больницу. Вид у меня при этом был таков, что принимавший меня тюремный надзиратель сказал: «Ну, этот больше трех дней не протянет»...

В тюремном больничном бараке, значительно изолированном от главного тюремного корпуса, кроме меня было

еще 20—25 заключенных. В этом бараке я оставался немногим более полутора месяцев, вплоть до вступления в Самару Красной армии.

4 или 5 октября чехи и белоказаки производили эвакуацию тюрьмы, где находилось в этот момент до 4 тысяч заключенных. Из этих 4 тысяч и был составлен знаменитый «Поезд смерти», об ужасной судьбе всех попавших в который в печати уже сообщалось. Чехи производили эвакуацию очень торопливо, с большой спешкой и паникой. Выгнать больных из расположенных в отдалении больничных барачков и присоединить их к общей массе эвакуируемых, собравшихся на главном тюремном дворе, они поручили тюремным надзирателям, большинство которых оставалось, не уходило с белыми. Когда они пришли в наш больничный барак с предложением немедленно выходить, часть находившихся там стали было собирать свои вещи. Я же и еще некоторые товарищи заявили, что мы больные, двигаться не можем и никуда с места не тронемся. Я лично ожидал немедленной расправы с нами. Но считая гибель свою при эвакуации в железнодорожном эшелоне (при отсутствии перевязок и т. д.) неизбежной, я все же пришел к выводу, что больше шансов на спасение у нас останется, если мы не тронемся с места. Нашему примеру последовали остальные находившиеся в бараке арестованные. Нам грозили немедленной стрельбой в нас, угрожали сейчас же позвать чешский и казачий конвой и т. д., но мы все же не пошли и нас оставили в покое. Очевидно, чешско-казачий конвой торопился, — ему было не до нас.

После этого мы провели в тюремной больнице два жутких и вместе с тем радостных дня. Нам слышна была приближающаяся стрельба. По орудийному гулу мы определяли все более сокращающееся расстояние, отделяющее Красную армию от Самары.

6 октября вечером мы были освобождены из тюрьмы самарскими рабочими, восставшими и установившими советскую власть в Самаре еще до вступления в нее Красной армии.

М. Хатаевич

Провокация учредилловской охраны

Полней и полней набивает тюрьму обезумевшая от радости вернувшаяся буржуазия.

Чувствуя свою недолговечность, учредилка террором думала отсрочить свою гибель.

Учредилловские охранники знали, что при тех условиях варварского режима, шпионажа и т. п., которыми они опутали самарскую тюрьму,—восстание невозможно без «особой» посторонней силы.

И охранка сама задумала устроить восстание в тюрьме.

Эта провокация была нужна охране для того, чтобы иметь повод для поголовной ликвидации всех пленных большевиков.

Придуманно—сфабриковано.

Посылаются в тюрьму два (может быть и больше) провокатора.

Провокаторы дело делали быстро, подготавливая массу заключенных к «восстанию».

Связались с заключенными тт. Михальским, Паршиным, б. организатором Красной гвардии, и др. и организовали в тюрьме «штаб восстания».

Для нас, меня, Курулова, Акимова (Грачева) и др., ясно было, что затевается что-то неладное, что дело пахнет провокацией.

Всеми имевшимися силами мы разубеждали заключенных, доказывая всю провокационность готовящегося.

Через товарищей из города мы знали, что тюрьма попала под особое попечение контрразведки. В окнах верхнего этажа лебедевской бани, против тюрьмы, припрятаны пулеметы, в саду против выхода из тюрьмы, откуда масса могла бы «хлынуть», были таюже приготовлены пулеметы и отряд вооруженных чехов.

Заключенные узнали об этом, и провокация сорвалась.

Тогда контрразведка другим путем начала уничтожение большевиков. В первых числах августа было неожиданно выхвачено 13 товарищей и предано чрезвычайному военно-полевому суду.

«Организация штаба восстания в тюрьме в целях свержения власти Учредительного собрания»—вот обвинение, которое было выдвинуто против этих товарищей.

Обвинение—с начала и до конца выдуманное и сфабрикованное контрразведкой, жаждавшей крови большевиков.

И одиннадцати товарищам был вынесен смертный приговор.

Но об этом узнали многие рабочие организации. Дело начало выплывать наружу. Боясь скандала, власти заменили расстрел 12-летней каторгой.

Однако тт. Паршина, Михальского, Сазонова (матроса) и двух других (всего пятерых) все же расстреляли. Остальных отправили в уфимскую тюрьму. В числе последних шести были я, тт. Малашкевич (матрос), Юзвек (тоже), Деомидов (рабочий), Акимов и Сухоруков (матрос).

И уже из Уфы в эшелоне смерти мы были отправлены в глубь Сибири.

П. Андронов

В подвале контрразведки

Я был арестован по подозрению в большевизме на второй день по приходе в Оренбург дутовских отрядов. Пьяный станичник привел меня в штаб отряда, где комендант в новых подполковничьих погонах снял с меня допрос и приказал отвести в подвал. Под конвоем пьяного, едва державшегося на ногах казака я шел через двор в подвал, а кругом такие же пьяные, озверелые станичники кричали:

— Куда ты его ведешь? Пришиби его здесь.

Но вот и подвал, охраняемый кучкою казаков.

— Что, станичник, еще большевика привел?

— Да,—отвечает мой конвойный заплетаящимся языком.

— Ну, так запороть его нагайками! Заходи в подвал!

Я повинуюсь, и в подвале мне прежде всего бросается в глаза жуткая картина: на полу лужи крови, две женщины—полунагие и с растрепанными волосами—лежат в углу, обе исполосованы нагайками, нето до смерти, нето до бесчувствия, да так и брошены; кругом на нарах лежат и сидят несколько мужчин разного возраста и разных профессий, все избиты, у некоторых на теле страшные, рваные, никогда не виданные мною прежде, кровоточащие раны—следы нагаек.

Подвал заперли, и я спрашиваю своих товарищей по несчастью:

— За что сидите? Политические?

— Политические,—отвечают мне.

Минут через пять дверь открывается и в подвал вталкивают молодого казака в синих погонах, с лампасами и лихо зачесанным чубом. На лице следы побоев.

Дверь снова запирается, и молодой казак опускается в угол на изломанный ящик.

Я подхожу к нему:

— За что это тебя, станичник?

По лицу казака пробежала судорога.

— Какой я тебе станичник? Это те ироды—станичники, а я вольный казак—из каширинского отряда. Ваш товарищ.

И каширинец передает мне, что он вместе с несколькими другими товарищами по приказанию командира отряда остался в Оренбурге работать в тылу у Дутова и служить связью между Оренбургом и красными войсками. И вот, когда он под видом дутовского партизана разъезжал по городу, высматривая расположение и количество дутовских частей, его опознал один из казаков и выдал начальству.

Молодой казак удивляет меня своим спокойствием и выдержкой, хотя он, несомненно, знает о предстоящей ему участи: дутовцы не щадят каширинцев.

Наш разговор был прерван внезапно вошедшими тремя вооруженными казаками.

— Где тут новоприбывший?—спрашивает старший из них.

— Я,—отвечает каширинец.

— Нет, нам не тебя нужно. Ты еще подождешь.

«Ну,—думаю,—дошла очередь и до меня». Отзываюсь:

— Я новоприбывший.

— Ага, становись сюда.

Повинуюсь и становлюсь на указанное место у стенки. Казаки снимают с плеч винтовки.

— Поворотись лицом к стенке.

Я категорически отказываюсь. Если уж умереть, так лицом к лицу с врагом.

Но казаки насильно поворачивают меня лицом к стене. Щелкают затворы. Слышу, как один из казаков обнажает шашку.

Я невольно закрыл глаза и жду: рассекут ли мне голову шашкой или разmozжат пулей. Хорошо еще, что смерть приходит так скоро, без мучений и издевательств.

Несколько минут томительного ожидания.

— Погодите,—говорит, наконец, один из казаков,—его еще рано убивать. Пусть подождет.

Меня отталкивают от стены и грубо начинают обыскивать. Денег и оружия у меня не было.

Увидели на руке маленькие часики и, несмотря на мои протесты, отняли.

Минут через пять ушли.

Товарищи по заключению передали мне, что казаки нарочно приходили помучить меня. Они с каждым заключенным проделывают такие же вещи и по нескольку раз: придут, прикажут стать у стенки, замахнутся шашкой или возьмут на прицел. Человек совсем уже приготовился к смерти, а они, продержав его в таком состоянии несколько секунд, уйдут. Заключенный таким образом, получив приказание стать у стенки, никогда не знает, хотят ли приколоть его на самом деле или это только «шутка» палачей.

Только что успела закрыться дверь за теми тремя казаками, как с шумом вваливаются семеро новых. Все пьяны и у всех в руках нагайки. Подходят прямо к каширинцу.

— Ты кто?

— Казак,—смело отвечает каширинец.

— Каширинец?

— Да.

— Ну, держись.

И на каширинца посыпался град нагаечных ударов. Уже после пятого удара несчастный лежал на полу, а через

минуту вся одежда на нем была разорвана и из страшных рубцов на спине ручьями лилась кровь. Однако палачи, не смущаясь, спокойно повернули свою жертву на спину, и снова посыпались удары. Избиваемый давно уже был без сознания.

Я не мог смотреть дальше на дикую расправу. Мне сделалось дурно.

Очнулся я от звука выстрелов.

Казачи тащили мертвого каширинца за ноги из подвала по каменной лестнице и один из них стрелял из револьвера в труп.

Во дворе открыли люк выгребной ямы и бросили туда труп. При этом старший из палачей, потирая руки, с видимым удовольствием сказал:

— Сегодня это я уже седьмого отправляю в штаб Цвиллинга.

И так до самого вечера в подвал приходили группами пьяные казаки, стегали нагайками заключенных, всячески издевались над ними. Одна группа палачей, натешившись вдоволь, уходила и тотчас же появлялась другая.

Число заключенных с каждым часом увеличивалось. К шести часам вечера нас в подвале скопилось уже за 40 человек.

Вечером явился комендант, выстроил нас шеренгами по четверо в ряд, вызвал взвод казаков в 50 человек и приказал отвести нас «куда приказано».

— Да только долго с ними не возись.

С шашками наголо погнали нас конвойные вниз по Водяной улице к Уралу.

Мы были в полной уверенности, что нас ведут за Урал, где прикончат с нами.

Но неожиданно конвойные поворачивают к зданию центральной тюрьмы. Тяжелые тюремные ворота растворяются и нас вгоняют во двор.

Вздых облегчения невольно вырывается у всех. Повидимому, нас было еще рано убивать и мы должны были «подождать».

В тюремной конторе нас всех переписали и рассадили по камерам.

М. Абрамса

В уфимской тюрьме

Много большевиков, красноармейцев, рабочих и советских работников было арестовано в Самаре во время господства здесь учредилки. В дальнейшем, по мере приближения Красной армии, учредиловцы эвакуировали заключенных из Самары, Бугуруслана и других городов и знаменитыми по своим ужасам «поездами смерти» отправляли заключенных на восток.

Однако в Сибири в это время царил еще более жестокий белый террор и все тюрьмы были переполнены заключенными. Поэтому многие эшелоны не были приняты ни в Омске, ни в Новониколаевске, ни в Иркутске, ни во Владивостоке и вынуждены были повернуть обратно.

Но не все тюрьмы белогвардейцы эвакуировали. Например, они не успели эвакуировать всех политзаключенных из уфимской тюрьмы, поэтому часть самарских товарищей, томившихся там, была освобождена с приходом туда Красной армии в конце декабря 1918 года.

Печатаемые ниже строки принадлежат бывшим заключенным уфимской тюрьмы, самарцам, тт. Н. Шахову и М. Мартынову, которые только случайно не были увезены при эвакуации.

Отрывки нами взяты из газеты «Коммуна» № 27 за 11 января 1919 года.

24 октября 1918 года нас с партией в 22 человека привезли из бугурусланской тюрьмы в уфимскую. В дороге от Бугуруслана до Уфы мы пробыли 16 суток.

На другой день, 25 октября, из уфимской тюрьмы вывезли на восток 1056 человек, из них 300 человек большевиков и советских работников (среди них тов. Серафима Дерябина), 300 человек крестьян, арестованных за противодействие власти Комуча, и остальные—пленные красноармейцы. Мы не попали в эту партию потому, что на нас не успели заготовить документов. Нас поместили всех в тифозный барак.

В первых числах декабря была набрана и отправлена на восток новая партия заключенных в количестве 350 человек. Сначала и нас хотели отправить с этой группой, но, так как мы жили в тифозном бараке, нас снова оставили.

Примерно за неделю до занятия Уфы Красной армией стало известно, что белые собираются эвакуировать всех заключенных. Через пару дней выяснилось, что все награбленное белыми имущество не может быть вывезено из Уфы: нехватало транспорта. Заключенных начали разделять по категориям: политических, пленных красноармейцев, мобилизованных и бежавших с фронта солдат Народной армии и т. п.

Оказалось, что белые собираются гнать заключенных пешком. Стояли 20-градусные морозы, у большинства заключенных не было не только теплой верхней одежды, но многие не имели даже крепких рубах и ходили в лаптях на босу ногу.

Первыми погнали партию красноармейцев в количестве 170 человек, привезенных из Бирска. Их отправили в ночь на 29 декабря.

На утро мы узнали, что кроме бирских из тюрьмы угнали разными партиями более 200 человек. Погнали их пешком по реке Белой, по тракту, по которому отступали белогвардейцы. А когда город и окрестности были заняты Красной армией, то по дороге недалеко за Уфой были найдены трупы тех красноармейцев, которых выгнали пер-

выми. А на реке Белой обнаружены 21 труп изрубленных и расстрелянных политзаключенных из других партий.

Мы остались в тюрьме, так как сидели вместе с уголовными и в суматохе белые, повидимому, забыли о нас.

30 декабря вечером передовой отряд Красной армии вошел в Уфу. В камерах тюрьмы заключенные, разумеется, не знали о приходе Красной армии и ожидали эвакуации.

Вдруг вбегает в коридор кавалерист с красной лентой на шапке и громко кричит:

— Товарищи, вы свободны! Сейчас принесут ключи, а кто не хочет ждать—ломайте двери.

Тут же принесли ключи и все выскочили из камер при буйных криках радости.

Но тут среди политзаключенных начались сомнения: а вдруг это провокация и белые во дворе приготовили пулеметы, чтобы избавиться от заключенных?

Но когда мы увидели у ворот толпу родственников и знакомых заключенных, наши сомнения кончились. Мы снова оказались на свободе.

Н. Шахов и М. Мартынов

Во власти карательных отрядов

„Закон, покой и порядок“

«Закон, покой и порядок!» Эти слова мы читаем в первом приказе Комуча от 8 июня 1918 года. Все это Комуч обещал предоставить населению. Особенно широкие размеры приняла эсеровская демагогия на эту тему в деревне.

Мы поэтому даем место в нашем сборнике специальному отделу, посвященному хозяйничанию учредилки в деревне.

В чем же состояли те «закон, покой и порядок» в деревне, которые обещал ввести Комуч?

Из нашей вводной статьи читателю известно уже о восстановлении в правах бывших помещиков, которым помогали карательные отряды Комуча.

Эти карательные отряды были созданы Комучем для расправы с призывниками рождения 1897—98 гг., которые не желали идти в армию учредилки. Для того чтобы придать кровавым расправам некоторые «законные» основания, при отрядах были сформированы полевые суды.

Деревни были наводнены карательными отрядами, которые в самых широких размерах применяли порку крестьян. Пороли новобранцев и их родственников за неявку на призывные пункты, пороли крестьян тех сел, в которых были разгромлены помещичьи имения, пороли вообще всех, кто так или иначе выражал свое недовольство учредилкой.

Но карательные отряды не ограничивались только поркой крестьян. Небывалые размеры приняли убийства и расстрелы наиболее активной части бедняцко-средняцкого

крестьянства, причем, перед тем как покончить со своими жертвами, каратели подвергали их жестоким пыткам.

Учредилковские «закон, покой и порядок» остались памятными трудящейся части крестьянства. А печатаемые нами материалы о «деятельности» учредилки в деревне познакомят с этой «деятельностью» и тех, кто не был свидетелем ее.

Отношение инспектора артиллерии учредилковской армии ген.-майора Ключкова на имя начальника полевого штаба армии заслуживает особого внимания. Из этого отношения видно, что мобилизованные крестьяне не желали воевать против Красной армии, вследствие чего дезертирство из Народной армии приняло колоссальные размеры. Чтобы прекратить это, учредилковцы изобрели «простой» способ: расстрел деревень артиллерийским огнем.

«Изобретение» ген.-майора Ключкова немедленно было пущено в ход. Об этом свидетельствует ультиматум, который был предъявлен Лобазинской волости и который мы здесь воспроизводим. В Лобазинской волости, судя по заметке из «Вестника Комуча», до артиллерийского огня по деревням дело не дошло, так как крестьяне под угрозой расстрела вынуждены были дать новобранцев. Однако не везде крестьяне подчинялись Комучу даже и под угрозой артиллерийского огня. Об этом говорит печатаемая нами заметка из официального органа Комуча под характерным заголовком «Что посеешь, то пожнешь».

Не менее характерен и следующий документ—письмо в редакцию «Вечерней зари» некоего В. Шемякина. Большевикская газета, активно поддерживавшая режим Комуча, не опубликовала присланного ей письма: оно было найдено в архиве одного из бежавших с учредилкой сотрудников «Вечерней зари». Письмо очень ярко рисует положение в деревнях, которые были «осчастливлены» присылкой карательных отрядов.

Заметка под названием «Демократические истязатели» взята из статьи Алексея Дорогойченко. Сообщаемые факты передал Дорогойченко один крестьянин из с. Б. Каменка, сидевший при учредилке вместе с Дорогойченко в самарской тюрьме. Так же как и другие материалы, эта заметка достаточно убедительно говорит о «законе, покое и порядке», которые были установлены в деревне.

Материал под названием «Новые «порядки» в деревне» взят из учредилоческих газет. Это выдержки из сообщений с мест делегатов на самарском губернском крестьянском съезде, состоявшемся при учредилке. Этот съезд созывался эсерами, его состав был соответствующим образом подобран, но тем не менее представители с мест не могли смолчать о том произволе, который творился учредилкой в деревне.

Статья т. Кузнецова «Союз креста и белогвардейской нагайки» рисует жуткие расправы, которые учинял в деревнях особоуполномоченный Комуча атаман Дутов. Ценность статьи т. Кузнецова заключается в том, что он весьма ярко показывает роль духовенства в борьбе с советской властью и активную помощь духовенства белогвардейцам.

Генеральское „изобретение“ о методах борьбы с дезертирством

Начальнику полевого штаба армии
Из поступающих от подведомственных мне частей донесений видно, что дезертирство солдат не прекращается.

Считая, что к участию в борьбе с этим злом можно и должно привлечь и само население, с своей стороны предложил бы на ваше усмотрение такой способ: население сел, деревень и прочих местностей, из коих берутся по набору солдаты в ряды Народной армии, должно быть заинтересовано, чтобы их односельчане не дезертирствовали. Для этого надо, чтобы бежавшие и разыскиваемые были бы пополняемы вновь теми же местностями, но из более старых годов (так как 1897 и 1898 гг. уже будут взяты), в данном случае 1895 и 1896 гг. Если где это требование выполнено не будет, посылать на место небольшие отряды с одним орудием, которые в ультимативной форме предъявляли бы свои требования сельским властям.

В случае нежелания со стороны населения выполнять таковые следует выпустить по деревне один снаряд и опять предъявить свое требование; не исполнили—2 снаряда и вновь требовать, не исполнили—4 снаряда. И в случае упорства расстрелять артиллерийским огнем означенную деревню. После одной такой карательной экспедиции об этом узнают и дезертиров не будет.

Инспектор арт. армии Поволж. фронта ген.-майор Ключков.

Ультиматум

(Напечатано в официозе Комуча 17/IX—1918 г.)

В виду того что Лобазинская волость не дала и не даёт на военную службу требуемых солдат, высшими властями ей предъявлен следующий ультиматум: «В трехдневный срок, начиная с 9 сентября, представить в воинское присутствие требуемых солдат, а в случае неисполнения против Лобазинской волости будут открыты военные действия, причем за артиллерийские снаряды и причиненные убытки деньги будут взысканы со всего населения волости, а ослушники будут преданы военно-полевому суду».

Граждане волости послали солдат на службу, не дожидаясь конца срока, поставленного им в ультиматуме.

Что посеешь, то пожнешь

(Заметка из официоза Комуча от 5/IX—1918 г.)

Бузулукский уполномоченный Комитета членов Учредительного собрания доводит до сведения губернского уполномоченного, что при объявлении набора в Бузулукском уезде некоторые из волостей не пожелали дать новобранцев, вследствие чего по отношению к последним были применены репрессивные меры. При стрельбе карательного отряда произошли пожары и причинены убытки некоторым крестьянам, быть может невинным.

Последние обратились к уполномоченному с просьбой о покрытии расходов по восстановлению их разоренных хозяйств и построек.

Признавая всецело виновными в этом сельские общества, оказавшие сопротивление существующей власти Учредительного собрания, бузулукский уполномоченный предлагает возмещение расходов пострадавшим отнести за счет тех сельских обществ, которые вынесли постановления о невысылке новобранцев.

В редакцию газеты „Вечерняя заря“

М. г.! Нижеследующее сообщаю вам как материал, который, если найдете возможным и нужным, прошу использовать для газетной заметки.

19 сего августа на сахарный завод при с. Богатом, Бузулукского уезда, прибыл отряд солдат Народной армии, под начальством штабс-капитана Белькина.

Из расклеенных перед этим объявлений военного ведомства можно было видеть, что назначение подобных отрядов—исключительно поимка уклоняющихся от военной службы дезертиров и предание их военно-полевому суду, учрежденному при этих же отрядах. Суд происходит на месте стоянки отряда. Не касаясь полномочий самого отряда, а тем более учрежденного при нем суда, сообщаю только как факт, наводящий на некоторые, не совсем отрядные размышления,—факт применения этим отрядом телесного наказания по отношению к арестованным. Было ли это наказание следствием судебного приговора, или нет—неизвестно, только 19 вечером и в особенности 20 утром на глазах многочисленной публики арестованных клали вниз лицом на специально разостланный для этой цели брезент и... «вкладывали» 20—25 ударов нагайкой. Били так, что некоторые из наказанных после этого не могли сразу встать, а встав, шли качаясь, как пьяные. Били молодых парней, били пожилых рабочих и крестьян, года которых еще не призваны, и били женщин, которые уже,

кажется, не могли бы иметь какого бы то ни было отношения к призыву новобранцев.

Вся экзекуция произвела удручающее впечатление на жителей и у многих невольно напрашивался вопрос: неужели опять нагайка санкционирована людьми, стоящими у власти? Неужели нет иного выхода? Или это последнее средство для вразумления гражданского самосознания?

В. Шешякин

„Демократические“ истязатели

«В начале июля,—рассказал крестьянин,—к нам в Большую Каменку приехал из села Красный Яр начальник милиции с шестью чехами, арестовали нас семерых советчиков и хотели увезти. Были уже поданы подводы, чтобы везти нас. Но бабы ударили в колокол. Сбежалось все село. Нас крестьяне освободили из арестантки и сказали, чтобы мы шли по домам.

Чехов обезоружили, потом возвратили им оружие и сказали, чтобы убирались подобру-поздорову.

Мобилизованные ворвались в здание волостной управы и порвали списки призывных. Тут же объявили сход, на котором вынесли приговор, что все село, как один человек, ручается за нас семерых, как за лучших и честных людей, и послали его в Самару.

Чехи и милиционеры уехали в село Хорошенку. Там им удалось арестовать врасплох троих и увезти в Красный Яр. Но вскоре все село с женщинами, детьми и стариками, вооружившись кто чем попало, двинулось к Красному Яру, чтобы выручить арестованных товарищей. Они освободили арестованных, но старший милиционер сделал выстрел в толпу, началась стрельба—милиционера ранили. Через неделю уполномоченный Комуца Курсков выслал отряд казаков в 100 человек для усмирения наших сел.

Казачи заехали сначала в Хорошенку. Многих выпоролы. Троих снова арестовали и увезли с собой. Ночевали

казаки в Раковском женском монастыре, где было гнездо контрреволюции. Из монастыря они утром явились к нам в Каменку. Арестовали и высекли до полусмерти солдатку Варвару Козину.

Арестовали нас 5 человек и повезли в Красный Яр. Остальной отряд в 90 человек направился в Елховскую волость, захватив с собой нашего каменского красноармейца Ивана Батаева. Как только выехали из села, то за каменским лесом расстреляли нашего Батаева и троих хорошенских—двух братьев Цикиных и В. Соколова. Расстрелянных бросили в овраг.

В Елховской волости тоже секли и расстреливали крестьян. Потом казаки переехали в Петропавловскую волость. Секли и расстреляли уездного комиссара Федорова и еще многих, а 14 крестьян Петропавловской волости арестовали и привезли в Красный Яр, где мы с ними встретились в арестном доме.

Мы валялись на полу чуть живые. От Тухловки до Красного Яра (12 верст) нас безостанову били нагайками.

Утром на другой день пришли казаки, вывели петропавловских крестьян и начали бить нагайками в здании волостной управы. Некоторым выбили глаза, проломили носы. Поднялся крик, стон. Сбежались красноярские мужики и стали просить прекратить убийство. Тогда казаки посадили петропавловских в автомобиль и увезли в Самару. По дороге от Семейкина до Самары в оврагах их расстреливали; не могу сказать—всех расстреляли или нет.

Нас начальник милиции не дал казакам и на следующий день отпустил. Нас отвезли в каменскую больницу, где мы пролежали больше недели. Когда мы выписались из больницы, нас снова арестовали и привезли вот сюда, в самарскую тюрьму».

Когда пишущему эти строки удалось бежать из тюрьмы, он заинтересовался проверить рассказ своего односельчанина-крестьянина. Он установил, что все рассказанные факты действительно имели место. Расстреляны: в селе Хорошенке трое, в селе Б. Каменке один, в Петропавловской волости семеро.

Всего казацким карательным отрядом было расстреляно в этот раз 27 крестьян.

А. Дорогойченко

Новые „порядки“ в деревне

(Из сообщений делегатов крестьянского съезда, состоявшегося в Самаре при учредилке)

Поповская волость. «После переворота «новая власть» стала пускать в ход нагайки, что крайне озлобляет крестьянство».

Емонтаевская волость. «Мобилизация почти не прошла: крестьяне не хотят воевать друг с другом и просят во что бы то ни стало прекратить эту братоубийственную войну... Большое недовольство вызывает... то, что теперь нельзя стало свободно говорить, в деревне развивается шпионаж, доносы и аресты по доносам».

Натальинская волость. «Мобилизованные, несмотря на постановление сельских сходов, не пошли. Приехал вооруженный отряд, произошло кровавое столкновение, в результате—две жертвы: одна со стороны отряда, другая со стороны населения. После этого у нас остался какой-то офицер, который обращался жестоко, порол, заставлял стариков маршировать.

Наконец один крестьянин не вытерпел и убил этого изверга».

Троицкая волость. «Мобилизация не прошла. Трое, было, ушли, но двое из них вскоре вернулись. Крестьяне не хотят вести партийную войну...»

Докладчика прерывает учредилковский деятель Шаров и спрашивает: «Как смотрят ваши крестьяне на Брестский мир с немцами?»

Докладчик: «У нас о нем не знают... Мы знаем только то, что видим, а видим только то, что у нас производятся беспощадные аресты, арестовывают за одно слово».

Характерно, что этот ответ вызвал шумные аплодисменты со стороны делегатов.

Село Обрышкино. «Некоторые призывники,— по выражению докладчика,—задержались», просрочили. Приехал карательный отряд и всех перепорол, не исключая и матерей. Были массовые аресты».

Ключевская волость. «Был отряд казаков в 200 человек, оцепил село и до вечера, до возвращения всех с поля, никого из села не выпускал; послушников стегали нагайками. Вечером были аресты, 18 человек арестовали. Новобранцы от страха скрылись, пороли их отцов и матерей...

На утро, арестованных вывели на площадь, заставили раздеться, постелить под себя одежду—и всех перепороли. Двух человек вывели на задворки и расстреляли».

Пронькинская волость. «Казакі делали три набега, искали большевиков, не нашли только потому, что население считает тех, за которыми приезжают казаки, честными крестьянами. Наднях казаки приехали 4-й раз. Были аресты. И куда арестованных отправили—неизвестно».

Делегат Филатов. «Мне волость наказала спросить здесь стоящих у власти социалистов-революционеров, по чьему распоряжению производятся в нашей волости экзекуции над крестьянами?»

Никому не было пощады

В начале июля 1918 года в село Утевку приехали представители учредилловской власти с целью провести мобилизацию молодежи рождения 1897—98 гг. Однако мобилизацию им провести не удалось: молодежь не шла в Народную армию.

Для того чтобы провести агитацию среди крестьян, представители власти собрали сход, на котором уговорами и угрозами пытались добиться решения о посылке новобранцев. Но крестьяне данного села не побоялись выступить с резким отпором против мобилизации, и учредилловцы уехали ни с чем.

Через несколько дней после этого в село приехал карательный отряд. Рассыпавшись по селу, солдаты отряда начали вылавливать большевистски настроенных крестьян и тех, кто на собрании выступал против мобилизации. Штаб отряда решил шестерых «зачинщиков» расстрелять, а 30 человек выпороть плетью. Двоих из приговоренных к расстрелу, а именно: Пудовкина В. С. и Проживина С. М.—отряду удалось поймать. Их расстреляли, а остальные скрылись. Из приговоренных к порке выпороли 27 человек, при этом один из них, Мокеев Илья, не выдержал и вскоре умер. Выпорол также жену одного из скрывшихся за то, что она не сказала, где муж. Эта женщина была беременна и после 25 ударов плетью у нее начались роды.

Г. Петров

Союз креста и Белогвардейской нагайки

(Село Дмитриевка, б. Оренбургской губернии,
во время господства белогвардейщины)

18 июля из города привезли весть: в городе белые и чехословаки. Хмурятся лица бедняков, приуныли середняки, робкой поступью они сходятся к руководителю красногвардейского отряда Чашкину.

Неужели вправду белые? Неужели опять придется гнуть спину перед офицерами и приставами?

Через два дня в селе красовался манифест оренбургского «победителя» Дутова. В этом манифесте Дутов призывал к борьбе с большевиками, обещая «дать» народу Учредительное собрание и правопорядок.

Вскоре этот «правопорядок» начался.

Белобандиты из карательного отряда взялись за «работу», а кулаки, местное офицерство, поп—их верные и активнейшие помощники—ночей не спят, охотятся по гумнам и оврагам, отыскивая красногвардейцев и активистов-бедняков.

Особо активно действует поп Унгвицкий. Кровью налились его глаза. Он вынюхивает красногвардейцев. Он настоятельно требует от главаря карательного отряда не церемониться. На поиски красногвардейцев мобилизует монашек, кулацких женок, набожных старух. Через них выпытывает, где скрываются красногвардейцы и местные активисты. Горохом рассыпались соратники пола по пашням,

дорогам, оврагам, баням. Успехи есть. Одного за другим вылавливают скрывшихся.

Унгвицкий решает судьбу бедняков. Он указывает карателям, с кем как поступить, определяет, кому сколько плеток всыпать.

Секли, избивали прикладами не только красногвардейцев, не только бедняков-активистов,—не забывали матерей и детей.

С утра до поздней ночи в одиночку и группами гнали белобандиты крестьян в дом попа, где был штаб. Там привязывали их к скамейкам или просто на полу... Пытали, зверски издеваясь, приговаривая: «Вот вам земля, вот вам свобода, сукины сыны». Из дома полуживыми, истекающими кровью выбрасывали на двор.

За две недели перепороли 100 человек. Это неполный подсчет тех, которых знает село. А сколько засеченных в волости, сколько засеченных в степях, не возвратившихся домой!

На глазах «святых пастырей» творились эти зверства. Унгвицкий, по словам очевидцев, стоял над головой истязаемых, насупив брови, и вторил нагайке: «Так и надо вам. Смирнее будете». Унгвицкий отказался хоронить замученных бедняков, он выгонял из квартиры убитых горем матерей и отцов, приходивших с просьбой воздействовать на белобандитов, уменьшить пытки.

Зверства творились по его указке. По его благословению и совету его друг, кулак Марков, прикинулся защитником батраков, взялся провести красногвардейцев через фронт и на пути отдал их в руки бандитов.

Вот как об этом рассказывают матери и жены замученных:

«Белые под Оренбургом. Заметались ребята, ищут места, куда бы укрыться. Одни бежали в лес, другие на гум-

на, в соседние села, а наши ребята решили перебраться к красным. Карательные отряды снуют без конца, а в селе свои кулаки да поп рыщут. Марков, кулак, предлагает свои услуги,—отвести красногвардейцев. «На меня надейтесь, сумею провести, от всякого глаза скрою». Поверили ребята—согласились. Подъезжают к поселку Каргала. На встречу казачий разъезд. Марков подвез красногвардейцев к казакам и отдал на расправу. На гумне их зарубили.

Как ни в чем не бывало Марков приехал домой, в Дмитриевку. Дома ни слова не сказал об убийстве. Через чужих людей узнали, но долго не догадывались, что дело это Маркова. Спасибо, бедняки-татары каргалинские рассказали.

С несчастьем ходили к попу Унгвицкому, от него хотели услышать доброе слово... обиду рассказать на Маркова.

Морду отворотил поп, только и буркнул: «Меньше треплите языками, что их предали. Сами себе смерть нашли, свободной жизни искали, вот и нашли».

Полтора десятка лет прошло, еще столько пройдет, но не забудем этого предательства, детям передадим о нем, пусть знают—не легко досталась свобода, не легко добились права на жизнь, кровью оно завоевано».

Таких матерей—тысячи, пролитых слез—море.

Ночь. Молчит избитая Дмитриевка. На улицах не журкнет, только слышен глухой стук сапог, это кулаки сползаются к попу.

Унгвицкий и кулаки требуют от главаря белобандитов разыскать Чашкина: «Никуда он не делся, в селе спасается, подлец. Страху наводит».

Местный кулак З. Кузнецов и торговец В. Хрулев клянутся разыскать Чашкина, обещают помочь отряду.

Разлетелись дутовские соколы по оврагам, гумнам мужицким, обыскали кустарники чахлые, заглянули в

каждый кусток. Кулацкие сынки тоже не спят, борзыми псами бегают по ометам, сараям, запускают глаза в избы бедняцкие: нет ли Чашкина?

Долго искали, но наконец—удача: в избушке матери захватили его. Чашкин пытался вырваться. Оглушили прикладами. Штык влез в плечо, брызнула кровь. Чашкин покачнулся.

Связали руки и прикладами погнали в волостное правление, там исполосовали нагайками, клинками избородили лицо.

Приползла очередная ночь. Улеглась Дмитриевка, спит, затаив тревогу. И снова кулаки, словно змеи в осеннюю пору, сползаются в трущобу—в дом попа.

Совещание.

— Ну, граждане,—начал Унгвицкий,—я думаю, выражу общую волю и желание: в расход Чашкина,—вредная птица. А в оправдание отряду приговор от общества сочиним.

Возражений нет. Унгвицкий чертит приговор «общества» о казни. Кулаки прикладывают свои косматые лапы. Судьба комиссара решена. Приговор передан главарию карательного отряда.

Ночью Чашкина привели в штаб. Его не узнать, весь опух, изрезан, в черных кудрях кусками запеклась кровь. Но бодр, так же твердо стоит на ногах, как и прежде.

— Ну, Чашкин, молодец ты, иди с нами—хороший из тебя офицер выйдет,—предлагает поручик.

— Нет!

Штык вонзился в спину. Чашкин упал.

— Убивайте! Вам не впервые... Нас много... Я знаю, за что умираю, только скорее бейте!..

Повели к приготовленной яме на гумне...

Не расстреляли, а замучили медленной казнью, штыками, саблями, прикладами. Полуживым зарыли в яму.

Ночью белобандиты покинули село. На другой день крестьяне разыскали место казни Чашкина.

Обиженные, избитые, изнасилованные, осиротевшие ищут помощи у церкви. На коленях ползают перед Унгвицким религиозные старики и старухи:

— Батюшка, скажи им—пусть пощадят, зачем мучают, за какие преступления несем наказания. Ну, дети—они воюют, а мы что?

Словно волк смотрит Унгвицкий в сторону:

— Никаких страданий не вижу, спокойно живут люди, не то что у большевиков. Карают изменников, плохих родителей, укрывающих этих изменников. Выдавайте сыновей, заставьте их служить верой и правдой—пальцем вас не тронут. Не желаете—пеняйте на себя и не распускайте слез—не разжалобят они. Будете упрямитесь—власть не помилует.

«Скорее бы красные пришли»—все крепче бродило в Умах.

Детей из села—на фронт, к красным.

Красные упорно подвигаются, все больше оттесняя белых. Полковник Богданов решает провести мобилизацию. На улицах—строгий приказ о мобилизации унтер-офицеров. Но... мобилизовать некого—все поскрывались.

Волостная земская управа и полковник облепили заборы, ворота села этим приказом. «Народная охрана» вынюхивает дезертиров. Десятник и сотские то и дело вызывают отцов. В штабе грозят лишить всего имущества, грозят расстрелом.

Унгвицкий снова использует исповедь. Рождественский пост он объявляет днями покаяния верующих. С трепетом и благоговением приходят верующие к пастырю, чтобы «очиститься» от грехов вольных и невольных.

— Ну, кайтесь, в чем грешны. Обижали людей? Завидовали? А как к власти настоящей относитесь? Не утаиваете ли шпионов? Если не сами, то знаете кто... Все должны выложить перед своим пастырем... Дезертиров знаете?

Не устояли некоторые, особенно запуганные и забитые женщины, все выложили духовному отцу—«ведь это будет знать он да бог». На другой день покаявшихся таскают по Богдановым, приставам да следователям. О сказанных «на духу» дезертирах знает штаб, некоторых уже разыскали, «крамольников» угощают плетками, имущество забирают.

Крестьяне увидели, что дальше убересть скрывающихся детей нельзя, и помогли им перейти через фронт к красным. В январе в селе начали отдаваться раскаты пушек. Недалеко красные. Заерзал Богданов, засуетились его подручные, обнаглели, забирают последний скот. Как мухи осенью, озлело офицерье. Офицеры сами пошли по домам вылавливать дезертиров. «Подозрительных» отцов лупцовали на месте. Многих приводили в канцелярию пристава и там чинили расправу. После загоняли в холодный амбар. Леденели провинившиеся отцы, примерзала кровь к волосам, одежде.

Обнаруженных в соседних деревнях дезертиров раздетыми гнали в Дмитриевку, прикладами ускоряли ход.

Унгвицкий снова приходит на подмогу Богданову и его офицерам. Письмом к попам волости Унгвицкий предлагает, чтобы они не только пастырским авторитетом боролись с «большевистской заразой», но и своим непосредственным участием в вылавливании дезертиров и сочувствующих красным.

Унгвицкий созывает в Дмитриевку всех подведомственных ему попов, их семнадцать. Унгвицкий инструктирует своих помощников: «Не в стороне от великих событий должны стоять пастыри, а итти во главе. Ежечасно, ежеминутно евангельской проповедью бичевать предавшихся

злым большевистским наветам. Борьтесь с неверными сынами—дезертирами—не только словом, но и делом, личным участием. Каждый пастырь пусть на время забудет, что его дело только глаголом внушать, а помнит, что он сын родины и ему дороги судьбы родины. Не только верой угрожают богу, но и подвигом. Дезертир—враг родины, с дезертиром расправа как с врагом, изменником. Не внимайте слезам, ибо они большевистские. На месте свяжитесь с Народной армией и властью».

Не остались пустыми словами указания Унвицкого. Попы усилили свою противобольшевистскую деятельность.

Но напрасны старания Богданова и попов, мобилизация провалилась. Армия убывает, каждый день десятки подвод привозят убитых, раненых. Каждый день вести мрачнее—красные теснят, захватывают село за селом. Для подкрепления прибыл отряд офицеров.

17 января на заходе солнца село услышало залпы орудий, трескотню пулеметов. Не выдержала белая и казацкая рать, в беспорядке покинула Дмитриевку, уводя сотни лошадей, саней, увозя хлеб. Не остались и кулаки.

... Вступили красные. Радостно встретило село освободителей. Как гора с плеч свалилась. Ночью собрание. Создали совет. Крестьяне навсегда освободились от гнусной атаманщины, которая шесть месяцев гнидой сидела на теле нашего Оренбургского края.

Другой стала деревня. На площади стук копыт красной кавалерии, лягание орудий по промерзшей земле. Песни, задорные крики. Красные герои собираются преследовать наймитов капитала. «Неверные» сыны дутовской родины—бывшие дезертиры—тоже суетятся. Они снаряжаются в поход вместе с красными ротами против Дутова, против врагов революции...

Поезд смерти

Петрясающие документы

Несмотря на то, что учредилковские охранники с большим рвением занимались «ликвидацией» большевиков и всех революционно настроенных людей, все же тюрьмы учредилки оставались переполненными и заключенных с каждым днем становилось все больше и больше.

Для того чтобы разгрузить тюрьмы и освободить там место для новых заключенных, учредилка начала отправлять арестованных в Сибирь.

Таких поездов было отправлено на восток несколько и все они вошли в историю под названием «поездов смерти». Название это привилось не случайно. Это были подлинные «поезда смерти», обитатели которых находились в таких условиях и подвергались таким издевательствам, о которых нельзя вспоминать без содрогания.

Особую известность приобрел поезд смерти, отправленный с заключенными из Самары за день до бегства учредилки. В этом поезде было увезено около 3 тысяч человек, из них свыше 800 человек погибло дорогой от голода, холода, эпидемии и от рук конвойных офицеров.

Дневник врача Л. Зальцман-Адельсон знакомит нас как раз с этим поездом, в котором она в качестве заключенной проехала весь путь от Самары до берегов Японского моря. Дневник коротко, день за днем фиксирует события, имевшие место в поезде смерти, и производит на читателя колоссальное впечатление.

Об этом же поезде говорится в отрывке из дневника одного из сотрудников американской миссии Красного креста, фамилию которого нам, к сожалению, установить не удалось.

Автор этого дневника, потрясенный ужасами поезда смерти, говорит, что виновником этих ужасов является «русская система», скрывая истинных виновников—белогвардейцев и иностранных интервентов. Он с гордостью рассказывает о тех «благодеяниях», которые американский Красный крест оказал заключенным. В дальнейшей части дневника, которую мы опустили, автор скорбит о том, что, по дошедшим до него слухам, союзники собираются удалиться из Сибири и «предоставят России самой заботиться о собственном спасении». «Если они это сделают,—воскликает автор,—не позаботясь о военнопленных... они не будут иметь права произнести таких слов, как гуманность и цивилизация!»

Таким образом автор видел в лице иностранных интервентов в Сибири, стремившихся задушить Советскую республику, носителей «цивилизации», выполняющих в России высокую миссию культуры.

Нет нужды подчеркивать полное совпадение подобных заявлений с заявлениями самых ярких выразителей идеологии империалистских кругов Америки и Европы.

Автор не хочет понять, что истинным виновником всех этих ужасов, о которых он рассказывает, являются как раз союзники, при помощи которых возникла и самарская учредилка, а позже Колчак. Кстати, не лишне вспомнить, что глава американского Красного креста в Сибири д-р Теуслер и его ближайшее окружение являлись яркими сторонниками Колчака.

Филантропическая же деятельность американского Красного креста в Сибири служила интересам тех же империалистов, ибо она способствовала затемнению сознания трудящихся масс.

Возможно, что автор дневника искренне ужаснулся, увидя кошмары поезда смерти, и делал все зависящее от него, чтобы облегчить участь заключенных. Но он не сделал надлежащих политических выводов из этих кошмаров ни в отношении союзников, ни в отношении их ставленников—учредилки и Колчака.

Мы печатаем этот дневник как свидетельство невероятных кошмаров поезда смерти, кошмаров, о которых не смели умолчать даже фактические вдохновители учредилки и Колчака.

Воспоминания тов. Батурина рисуют обстановку в уфимской тюрьме и рассказывают о другом поезде, который был отправлен вскоре после самарского поезда. В режиме, установленном в обоих поездах, нет никакой разницы. Поэтому дневник тов. Зальцман и воспоминания гг. Батурина и Андропова, взаимно дополняя друг друга, восстанавливают картину «путешествия» заключенных в поездах смерти учредилки.

Следующий отрывок принадлежит тов. Козлову. Он был взят чехо-словаками в качестве политического заложника. Тов. Козлов был председателем пензенской губЧК. После захвата Пензы чехо-словаки, уезжая на восток, взяли заложниками гг. Козлова и Либерсона. Тов. Либерсон был расстрелян около Самары, а тов. Козлову удалось вырваться из рук чехо-словаков уже в Сибири.

Чехо-словацкое командование очень много кричало о своей гуманности. Какова была эта «гуманность» в действительности, ярко рисуют печатаемые здесь воспоминания.

От Самары до Владивостока в поезде смерти

Как я попала в поезд смерти

Только успели ликвидировать выступление анархо-максималистов. Я в первый раз ушла домой ночевать. В два часа ночи звонок. Нужно явиться в клуб, или, вернее, в штаб большевиков: чехо-словаки заняли Пензу, Сызрань и приближаются к Самаре... И вот после десятидневной борьбы Самара пала.

Рано утром 8 июня чехо-словаки заняли часть города. Дольше всех держался клуб коммунистов-большевиков. Его долго обстреливали, но отряд не сдавался. Число героев становилось все меньше и меньше... А враг прибавлял огня все больше и больше.

Пал последний пулеметчик... Осталось всего человек 20, держаться дольше было невозможно.

Решили вывесить белый флаг...

Тихо стало кругом... Всех охватила одна мысль, одно чувство—что будет дальше?

Некоторые прощаются, некоторые выходят незаметно... Впереди всех, с поднятой головой и белым флагом в руке—незабвенный товарищ Масленников. Желая спасти своих товарищей, он героически шел почти на верную смерть, не дрогнув ни одним мускулом.

В клубе осталось всего несколько человек санитарного отряда (Минкин, Саблива, Козлова, Зарецкий, Бешенков-

ская и я) и тяжело раненые. Мы все знали, что нам предстоит. Но мы решили не покидать своего поста.

Готовились к встрече победившего врага. Заняли места около раненых товарищей, готовые защищать их до последней минуты.

Послышался шум. Враг приближается... Вошли солдаты и бросились со штыками на раненых. Мы заявили, что только через наши трупы они доберутся до раненых товарищей. Бросились на нас, но в конце концов отступили и стали грабить клуб.

Около клуба тем временем собралась толпа. Крик, шум, гам...

От самого большого до самого маленького спекулянта,—все они собрались здесь, чтобы выразить свой восторг по поводу падения советской власти. Все самое худшее, самое низменное, которое пряталось во время советской власти в темных норах, вылезло наружу, чтобы встретить эсеро-чехо-учредилловскую белогвардейщину.

... Вот каким образом я попала в плен к чехо-учредилловцам. И с того времени начинается новый период моей жизни, период нечеловеческих страданий, тюрем и т. п.

Должна добавить, что в этот день, 8 июня, мне удалось бежать из плена. Дней 10 я скрывалась. А затем я переоделась «барышней» с вуалью и начала работать подпольно...

Таким образом я прожила до 7 августа, когда в 10 часов вечера я была арестована на углу Соборной и Льва Толстого, недалеко от своей квартиры.

В самарской тюрьме я сидела около двух месяцев. Мне было предъявлено обвинение в том, что я будто бы расстреливала медицинских работников, не желавших отправляться на фронт.

В сентябре наши дела на фронте стали поправляться. Поэтому и настроение заключенных было хорошее. Вместе

с тт. Дерябиной, Авейдэ, Адамской читали книги, разбирали различные вопросы.

В последних числах сентября в городе разнесся слух об эвакуации всей тюрьмы. Перспектива для нас не из приятных...

В четверг 3 октября в городе стало очень тревожно. Красная армия взяла Сызрань и двигалась к Самаре.

Настроение города почувствовалось и в тюрьме. Служащие были расстроены, некоторые женщины (надзирательницы) плакали.

Утром 5 октября мы получили известие, что наши должны завтра занять Самару. Настроение было повышенное, целый день сердце разрывалось от напряженного ожидания. Минута казалась часом... Уже пять часов... Большая часть дня прошла. Вдруг послышался шум... Во двор вошел большой отряд конвоя. Стали выводить заключенных, перекликать и обыскивать их.

Вывели всех, даже некоторых больных, которые еле держались на ногах. Погода была сырая, холодная. Многие в летней одежде, грязные и с почерневшими лицами, истомленные, измученные.

Построили всех в ряды и комендант Новак (чех) дал приказ конвою: в случае попытки бежать—стрелять без предупреждения. Часов в семь вечера вывели мужчин и велели готовиться женщинам.

Когда мы вышли во двор, уже было темно. Кругом была жуткая тишина, нарушаемая лишь канонадой... Нас всех построили в ряды и окружили густым конвоем. Вели не городом, а окольными путями. Людей почти не было видно, как будто все попрятались.

Было темно и дождливо. Конвой подгонял нас, я часто вынуждена была останавливаться, чтобы переводить дыхание (в моем узле были книги и он мне был не по силам),

но конвоиры своими приказами заставляли меня идти дальше.

На вокзальной платформе мы простояли до двух часов ночи под дождем. При нас же был расстрелян один заключенный, который пытался бежать...

Наконец нас погнали дальше по полотну железной дороги. Шли верст пять. Дорога была тяжелая, на каждом шагу спотыкались, падали. Но нас энергично подгоняли.

Наконец дошли до товарного поезда, в который всех нас загнали. 70 женщин загнали в один вагон. У некоторых были маленькие дети. Раздались крики, стоны, плач детей. Темнота. Где найти угол, чтобы положить свою голову? Наконец нас разделили на два вагона. Без сил я упала на свой узел.

Ночь была кошмарная; все же я уснула. Что было дальше с нами, изложено в моем дневнике, который я вела с первого дня, как попала в поезд.

В вагоне. По пути из Самары... куда?

6 октября 1918 года. Утро. Страшное чувство отчаяния охватило меня вчера, когда нас ввели в товарный вагон. Казалось, конец жизни, конец всему. С одной стороны—так близко была свобода. Красные—в воротах города. А нас в последний час увозят. Вернется ли кто-нибудь из нас обратно?..

Холодный, темный и грязный вагон. Теснота—даже сесть негде. Изломанная, скрюченная я улеглась на свой узел. На сердце холод и отчаяние...

Когда я проснулась, наступил уже день, но в вагоне было темно, так как открывать люки не разрешено. Все же лучи солнца проникали через щели, которые мы проделали ножом в стене вагона.

Два часа дня. Настроение улучшается, сидим запертые и запломбированные. В вагонах скандалят, требуют, чтобы выпустили для отправления естественных потребностей. В женском вагоне всего 35 человек, а в мужском по 70 человек, так что стоять даже негде и тут же приходится устраиваться с уборной.

Едем очень медленно, поезд часто останавливается.

Что происходит на белом свете—не знаем, отрезаны от всего мира.

7 октября. Уже третий день безвыходно в вагоне. Запасы наши кончились. Начинаем голодать. То же самое происходит и в остальных вагонах. Даже те, у которых имеются деньги, ничего не могут сделать с ними, так как из вагонов никого не пускают и никому не разрешают подойти к вагонам.

В соседнем вагоне мужчины стали требовать хлеба (они три дня не ели), стучали, кричали, звали коменданта. Но-вак, комендант, эшелона пришел с револьвером и со словами: «Вот тебе хлеба» выстрелил в вагон. В результате один убитый и несколько раненых. Трудно описать, что творилось в женском вагоне: плач и рыдания женщин и детей.

8 октября. Бугуруслан. Пережита страшная ночь. Поезд ночью вдруг остановился в чистом поле. Послышалась какая-то возня, что-то происходило страшное. Мы стали всматриваться через щели вагона. Из какого-то вагона вывели человек 15, отвели немного в сторону, и прапорщик Озолин, конвойный офицер, расстрелял их собственноручно.

Впечатление осталось кошмарное. Я была уверена, что вот-вот нас всех перестреляют. Хочется только, чтобы остался какой-нибудь след, хоть маленькое воспоминание о нас, мучениках этого поезда, и об этих разбойниках, конвойных офицерах, именующих себя «социалистами».

От нечего делать эти «социалисты» придумали развлечение для себя. Чтобы наказать за побег одного заключенного, они решили расстрелять каждого десятого из оставшихся в вагоне.

Что же еще предстоит нам впереди?

9 октября. По дороге из Бугуруслана. Новое развлечение конвойных офицеров—стреляют в вагоны. Сегодня ранили несколько человек. Как хочется помочь товарищам, перевязать им раны. Тяжело от такой пассивности, тяжело.

10 октября. Уфа. Сегодня прибыли в Уфу. Все страшно измучились, изголодались. Все обовшивели в грязи и в тесноте. Мест всем нехватает. Когда нужно лечь спать, ложимся в два ряда на полу вагона, головой к стене, а ногами... ногам места нет. Но когда засыпаешь, ноги сами находят себе место. Просыпающийся сосед, почувствовав чьи-то ноги на своем теле, начинает скандалить. И это происходит каждую минуту. Лежим мы, тесно прижавшись друг к другу, но это имеет и положительную сторону—мы согреваемся.

Страшно голодны. Обещают накормить обедом сегодня или завтра. До сих пор нас не кормили. Конвой не допускает и других, желающих поднести нам провизию. Сегодня, не доезжая до Уфы, женщины выпустили на несколько минут из вагона. Рабочие железнодорожники дали нам провизию и деньги.

11 октября. Уфа. Ночью бежало несколько человек из вагона. Молодцы, товарищи! Сегодня нам раздавали хлеб, первый раз за все время. Обещали накормить обедом. Трудно сказать, в чем мы больше нуждаемся,—в еде или в санитарии. Грязь неопикуемая, воды нет, ватера нет,—все делается в вагоне. Сидеть приходится на грязном полу.

Я чувствую, что мои мысли все больше и больше занимаются моими физическими неудобствами. Начинаю убеждаться в верности мысли: «В здоровом теле—здоровый дух». Я не тоскую, не скучаю даже о самых близких мне. Мысль всегда занята одним: как бы хорошо помыться, поесть досыта, выспаться на чистой постели и т. п. И хоть бы один час в день быть предоставленной самой себе. У меня даже нет сил стремиться к освобождению.

12 октября. Уфа. Сегодня мы обедали на продовольственном пункте. Погода была великолепная. Когда нас вывели из вагона на свежий воздух, влилась волна силы и энергии, я забыла обо всем том, что было пережито за последнее время. Все, что конвоиры проделали с нами, когда нас вывели, мне казалось шуткой, баловством. нас поставили по два в ряд, кругом густой конвой. Впереди шел конвойный офицер с револьвером в руке (пьяный) и разгонял публику.

Кажется, еще никогда я не испытывала такого удовольствия от прогулки, как в этот раз. Я забыла об всем, о прошлом, о будущем—передо мною было лишь настоящее: земля, ясное небо, люди, свободно гуляющие... и мне так легко дышится.

На продовольственном пункте встретила много знакомых из мужских вагонов. У всех веселое настроение. Очевидно, влияние принятой горячей пищи после недельного голодания. Кроме того мы получили известия, что наша Красная армия приближается к Уфе. Когда мы шли обратно, нам навстречу бежал офицер, который приказал идти быстрее, потому что эшелон сейчас отправляют (Уфа начала эвакуироваться).

По возвращении в вагон меня охватила такая тоска, что я расплакалась, как ребенок.

Пока мы ходили обедать, в вагоне оставалась одна из женщин. Прапорщик Озолин за это время успел свести ее

к себе... Это произвело на всех нас тяжелое впечатление. Начинается!..

13 октября. По пути из Уфы. Пережили кошмарную ночь. Всю ночь стреляли в вагоны. Конвой, сидящий на крышах вагонов, получил приказ, вместо того чтобы стрелять в воздух, стрелять с крыши в вагон, чтобы не тратить напрасно пуль. Все же много бежало в эту ночь из вагонов на ходу поезда.

Ночью вдруг постучали к нам в вагон и сообщили жене арестованного чеха Рушавы, что ее муж, в числе других, ранен пулей конвоира, стрелявшего в вагон с крыши.

Оказывается, что в эшелоне нет ни медпомощи, ни перевязочных средств, и это в поезде, где содержится 2700 человек. Раны перевязываются грязными тряпками самими же ранеными.

Сегодня тоже собираются расстреливать многих по прежней системе—каждого десятого. Таким образом добиваются круговой поруки за бегство арестованного.

Очевидно, конвой состоит целиком из больших «героев». Ведь они так героически борются с нами... И действительно, разве они не герои? 25 офицеров и около двухсот солдат, все молодые, полные сил, ушли с фронта, чтобы сопроводить эшелон «великих» преступников. Оружия и патронов у них имеется в большом количестве, стрелять есть в кого.

Разбойники получают еще награду от тех, кто их послал... А кто послал? «Демократическая власть», Самарский комитет членов Учредительного собрания, который состоит целиком из эсеров и с которым рука об руку работают меньшевики.

Вечер. Опять стрельба. Крики... Поезд остановился. Я пробую открыть окно, чтобы узнать, что случилось. Конвойному показалось, что в вагоне слишком шумно, и он

выстрелил в вагон. Нет слов, чтобы передать наши переживания.

15 октября. Челябинск. Вчера не писала. Лежала целый день измученная, голодная. Сегодня прибыли в Челябинск. Трудовое население относится к нам весьма сочувственно. Крестьяне приносят хлеба, колбасы, соленых огурцов и т. п., но редко удается передать в вагоны, конвой не пускает. Женский вагон в лучших условиях в этом отношении, и мы сегодня поели. Но наши товарищи в других вагонах голодные. Есть слухи, что нас оставят в Челябинске. Какое счастье! Я знаю, что меня не освободят, посадят в тюрьму, но тюрьма кажется мне раем по сравнению с вагоном. Но как бы дождаться завтрашнего дня.

16 октября. Челябинск. Здесь кормили нас на продовольственном пункте. Подкормили, чтобы опять попытать. Сегодня уезжаем в Омск.

Полночь. Что-то невероятное. Начинается то, чего мы, женщины, больше всего боялись...

Вечером, когда все улеглись спать, вдруг раздается стук в дверь. Сняли пломбу и дверь открывается.

— На допрос сестру Мадиссон!

Мы все вскочили.

— Как так? Ночью на допрос? Она не пойдет, мы ее не пустим.

На нас были направлены дула винтовок и револьверы. Мадиссон завернулась в свою большую черную шаль и пошла. Через полчаса ее доставил обратно в вагон поручик Колотухин.

Оказывается, Мадиссон понравилась начальнику эшелона Иванову и поручику Колотухину. Когда последний заметил, что Иванов ведет ее в свой вагон, он подошел к ней, взял ее под руку и увел обратно в женский вагон. (благо Иванов был пьян).

Между тем около вагона собрались конвойные офицеры и началась ругань между Ивановым и Колотухиным. Первый грозил перестрелять всех женщин, весь эшелон превратить в груды пепла: «Я не какой-нибудь прохвост,— кричал он,— у меня погоны». Перебранка усиливалась. Каждую минуту казалось, что вот-вот они нас перестреляют. Но вдруг заговорили тихо. Кто-то подошел к вагону с известиями о Самаре, что будто бы она опять взята учредилловцами. Кажется, что это сообщение спасло нас на этот раз.

По Сибирской дороге...

17 октября. Петропавловск. Едем быстро. Остановок мало. Мы уже в Петропавловске. Я никогда не была в Сибири. Хочется осмотреть города, которые проезжаю, но...я за пломбой. Горы, долины, леса... Настроения, воспоминания... Я узнала, что активных большевиков отобрали в отдельный вагон, человек 50, их собираются расстреливать. Там и все наши самарцы.

Вечер. Едем дальше. Ночь светлая. Выпал снег. Проехав несколько времени, поезд остановился на дороге. Мы услышали возню, потом залп. Несколько десятков товарищей были расстреляны. И поручик Озолин добивал их из револьвера.

18 октября. Омск. Вечер. Прибыли в Омск. Нет больше сил. Настроение отчаянное. Не хочется жить. Я не в состоянии больше переживать ужасные сцены расстрелов. Со вчерашнего дня кажется, что моя жизнь кончилась.

19 октября. По пути из Омска. Утро. Три дня голодали. Ночью разбудили обедать. В два часа ночи! У меня было такое чувство, как будто бы мне плюнули в лицо. Такое унижение, такое издевательство. Отвращение охватило меня, и я не могла есть. Мне хотелось сломать,

уничтожить все и всех, особенно себя. Сначала подали хлеб и щи, а через несколько часов, когда все уже улеглись спать, принесли кашу. Этот обед я никогда не забуду. Опричники как будто боялись, что мы получим удовольствие от обеда; но жизнь нашу они почему-то должны поддерживать, будят ночью обедать: на: давить...

Мы находимся по дороге в Новониколаевск. Едем довольно быстро. Куда?..

Наступила зима. Страшно холодно. Лежим на полу. Печки нет. Нет и нар. Ночью не особенно холодно благодаря тесноте. Это хотя и не гигиенично, но о гигиене пора забыть. Многие из арестованных отдали свои вещи за кусок хлеба и теперь почти голые.

День. Поручик Кунак стрелял сегодня в вагон и ранил несколько человек. Это один из самых больших мерзавцев-офицеров.

20 октября. Новониколаевск. Велись переговоры об оставлении нас здесь. Но напрасно. Никто нас не принимает. Никому не нужны. Лишние на свете...

Кормили обедом. В первый раз сегодня выпустили из вагонов часть арестованных, которые разносили обед по вагонам. У них ужасный вид: исхудалые, обросшие, с всклокоченными волосами, грязные черные лица, оборванная одежда. Дрожь охватывает, глядя на них.

Ночь. Не спится. Читала газету. Ни одного слова правды... Сколько грязи они бросают на большевиков. По сведениям газеты, Самара занята белыми. Я не верю, однако меня это сильно тревожит. Железнодорожники в Сибири бастуют. Они выставили экономические и политические требования. Выйдет ли из этого что-нибудь?

Вечером вызвали «на допрос» трех женщин. Какая мерзость!.. Мы их отправили в сопровождении старшей вагона. Таким образом мерзавцы были вынуждены отправить

их обратно в вагон. Нехватило нахальства оставить их у себя...

22 октября. Станция Тайга. Два дня не писала. Не было просто физической возможности. За эти два дня пережила много жуткого.

20-го весь конвой шатался пьяный. Целый день стреляли в вагоны. Несколько человек было убито, много ранено. Целый день мы жили в смертельном страхе. Не хочется умереть от пули пьяного негодяя.

Вчера, 21 октября, поезд долго стоял на середине дороги. Падал снег и поднялась метель. Мы сидели в вагоне, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Вдруг—снимают пломбу и открывают дверь. Появился Колотухин, испуганный, возбужденный. Просит меня возможно скорее пойти в офицерский вагон: ранен офицер. Я подскочила от радости и прямо пошла с ним.

В офицерском вагоне я увидела такую картину: человек шесть офицеров—все молодые, все пьяные и несколько денщиков, тоже пьяные. Посередине вагона сильно натопленная печка. Некоторые офицеры уже заснули пьяные, некоторые сидят с бутылками водки в руках. Раненый лежит на нарах, испуганный, бледный. Я осмотрела рану. Весьма серьезная рана в животе. Пуля осталась там. Перевязав рану, я заявила, что на ближайшей станции нужно достать санитарный вагон и отправить раненого в Томск, на операцию.

Целый день мне пришлось пробыть в вагоне около раненого белогвардейца. Поезд остановился на первой станции, 80 верст от станции Тайги. Я пошла в сопровождении конвойного офицера в аптеку. Мой конвоир ушел, а я осталась в аптеке ждать лекарства... Это было вечером, очень темно, сильный мороз и метель, место совершенно незнакомое, и без копейки денег, без паспорта, без пальто. Все-таки я хотела бежать, не возвращаться в вагон.

Боролись два чувства: стремление избавиться от эшелона и сознание, что за меня пострадают другие, оставшиеся в вагоне. Второе победило—и я вернулась обратно.

До станции Тайга я проехала в санитарном вагоне. Я там великолепно отдохнула, помылась, сидела на скамейке и т. д.

Интересно, каким образом был ранен белогвардеец: офицер Иванов по ошибке (весьма полезная и счастливая ошибка) выстрелил в офицерский вагон вместо вагона арестованных (был, видимо, порядком пьян) и пуля попала Кунаку в живот.

Конвой поджал немножко хвост после этого случая. Стараются быть любезными с доктором. Постараюсь использовать этот случай. Попрошу разрешения посещать товарищей.

На станции Тайга должны были произойти важные события. Железнодорожники собирались нас освободить. Конвой приготовился к нападению: выставил свои пулеметы и вооружился до зубов. Тогда рабочие потребовали, чтобы были поставлены печки и сделаны нары в вагонах. Иначе поезд не пропускают.

23 октября. Станция Тайга. Сегодня поставили печки, но не во всех вагонах. Обещают на следующей станции поставить в остальных.

Вечер. Мы едем дальше. Скоро уже Красноярск. Симпатии населения (рабочих и крестьян) очень велики к нам. Они делают, что могут, чтобы облегчить наше положение. Провизию несут со всех сторон. Очень часто конвоиры угощают их за это прикладами. Но они не останавливаются ни перед чем. Женщины-крестьянки обливаются слезами, видя, как мы сидим запертыми. Они плачут и причитают: «Миленькие, соколики несчастные». И мы сами начинаем себя жалеть.

На разъезде после станции Тайга, при попытке рабочих поднести провизию арестованным, по распоряжению дежурного офицера были произведены выстрелы, которыми ранено несколько рабочих.

24 октября. Красноярск. Сегодняшний день — один из удачных и вместе с тем самых тяжелых: много переживаний. После долгих переговоров с дежурным офицером Колотухиным я получила разрешение оказать медицинскую помощь больным и раненым товарищам. То, что я увидела в мужских вагонах, не поддается описанию. По 60 человек в вагоне, грязь ужасная, воздух удушливый. На нарах полно больных тифом и раненых пулями конвойных офицеров, стрелявших в вагоны. Лица грязные, осунувшиеся. Все полуголые и в лохмотьях. Они просят у меня помощи. Просят воды, тепла... Но что я могу сделать, кроме как перевязать их раны.

Режим стал несколько легче. Мне разрешили вместе с двумя женщинами из нашего вагона носить воду для товарищей мужчин. Целый день мы таскали воду; но запас невозможно сделать: у них нет посуды, за исключением маленьких банок из-под консервов, и то не у всех. Гажке допускают сегодня подавать провизию через окна вагонов.

26 октября. Иркутск. Говорят, что дальше нас не могут везти. Начальство поезда ушло в город вести переговоры с местной властью об оставлении нас здесь. Около нашего поезда стоит несколько поездов с «народоармейцами». Они очень сочувственно относятся к арестованным.

27 октября. Иркутск. Отношение к нам населения великолепное. Провизию носят со всех сторон. Приносят газеты, папиросы, деньги. Сочувствие окружающих вливает в меня струю жизни и энергии. Приносят передачи «для доктора» (для меня). Наш поезд переставляют

с одной линии на другую, чтобы отбиться от посетителей, но это не помогает.

Нас поставили на станцию Иннокентьевское, близ Иркутска. Рядом стоит санитарный поезд с надписью учредилки... Но я узнаю его: это один из моих поездов на Оренбургском фронте. Из поезда стали указывать пальцами на меня (я стояла у окна), они меня узнали. Завхоз поезда подошел, чтобы поговорить со мной. На него набросились стоявшие три казака и чуть не застрелили. Бандиты были так возбуждены, что я думала, что действительно дело не обойдется без эксцессов.

28 октября. Иркутск. Мы опять на станции Иркутск. Сегодня была у больных товарищей, число их увеличилось. Различные тифы, дизентерия и т. п. Один фельдшер из народоармейского эшелона (самарец) передал мне перевязочный материал и медикаменты (до сих пор у меня ничего не было).

К счастью, начинают заболевать также и конвоиры. Это обстоятельство дает мне возможность чаще посещать больных товарищей, так как начальство вынуждено относиться ко мне лучше: пользуются моими услугами. Целый день носила воду в мужские вагоны, передала газету товарищам, кое с кем разговаривала. В связи с заболеванием конвойных я пользуюсь некоторой свободой. Но все остальные сидят попрежнему запертые и запломбированные. Все, что в моих силах, стараюсь делать для облегчения участи товарищей.

29 октября. Иркутск. Надежда на то, что нас оставят здесь, слабеет. Здесь оставляют только уголовных, а нас отсылают в Читу, в распоряжение бандита Семенова. По местным газетам я успела познакомиться с деятельностью этого разбойника. В женском вагоне стало свободно: уголовных женщин высадили и нас осталось 10 человек. Одно

только меня беспокоит: офицеры стали слишком часто ходить к нам. Опять начинается «ухаживание».

31 октября. По пути из Иркутска. Вечера вечером выехали из Иркутска. Я собиралась смотреть Байкал. Женщины стали укладываться спать, а я пробралась потихоньку к окну, чтобы открыть его и смотреть. Вдруг поезд остановился. Слышен голос: «это вагон красных сестер». Несколько ударов в дверь, снимается пломба, и в вагон входит начальник эшелона, пьяный: «Я получил телеграмму, что в вагоне совершилось преступление, и остановил поезд. Все в вагоне?»

С этими словами он полез на нары с револьвером в руках. Он стал приставать к женщинам... Одной девушке лет 19-ти он вывихнул руку, приставая к ней. Несколько часов он проехал в нашем вагоне, все время грозя револьвером. Наконец, поезд остановился, и он, видя, что ничего не выходит в вагоне, приказал одной из женщин пойти с ним «на допрос»... Мы все кричали, что не пустим ее. Тогда он бросился стрелять в нас. Мы потушили свет и бросились под нары...

В царстве кровавых атаманов

2 ноября. Чита. Мы уже в руках разбойника Семенова. Сидим днем в темноте. Кругом жуткая тишина, нарушаемая криком истязаемых из дальних вагонов... Семеновские бандиты врываются в вагоны и бьют товарищей нагайками и шомполами.

Из нашего вагона пьяные офицеры не вылезают. Кошмар, ужас... Однако мои нервы так переутомились, что как будто перестали реагировать так, как это следовало бы.

Такие страшные, позорные насилия... Я пишу, кажется, совершенно хладнокровно... Но где-то глубоко в моей психике я чувствую боль, которую нельзя сравнить ни с какой физической болью. Офицеры говорят, что они сидят у нас,

чтобы охранять нас от нападений. Очень хорошо. Но слишком дорого обходится нам эта «охрана»...

3 ноября. Чита. Мы все еще в Чите. К поезду посторонних не пускают, за исключением казаков, которые делают с арестованными все, что им только вздумается. Часто слышны выстрелы и крики. Кто-то стал подходить к поезду, чтобы подать газету, и тут же был убит на месте. Ужасно... Наш поезд несет смерть не только своим обитателям, но и посторонним.

4 ноября. По пути из Читы. Нас отправили из Читы. Говорят, что повезут нас на Русский остров, за Владивостоком. Никто из нас не знает, что это за место, но мы очень довольны, что уехали из Читы. «Ухаживания» старших конвоиров переходят всякие границы...

5 ноября. По целым ночам нас не оставляют в покое...

Офицеры не выходят из вагона. Днем и ночью мертвецки пьяные они приходят в вагон, растягиваются на нарах, пристают. Жить не дают. Никакие протесты не помогают. У них теперь очень много свободного времени, ибо им уже не с кем воевать: почти все товарищи лежат—одни больные, другие раненые.

Я чувствую, что они меня считают большой помехой в вагоне. Они, вероятно, постараются избавиться от меня.

6 ноября. Число больных все увеличивается, как среди арестованных, так и среди конвоя. Поезд идет с небольшими задержками, так что у больных почти не приходится бывать.

8 ноября. Харбин. Сегодня санитарная комиссия осмотрела вагоны. Установлено наличие сыпного тифа. Умирает по нескольку человек в день. Их трупы выбрасывают по дороге. Товарищи погибают от тифа и ран. Их родные и близкие никогда не увидят, даже не узнают, где они погибли...

9 ноября. Вчера выехали из Харбина. Сегодня получила разрешение осмотреть всех больных. Но, к сожалению, я сама заболела при осмотре первых двух-трех вагонов: ибо самые здоровые люди, даже враги, с самыми крепкими нервами, не были бы в состоянии перенести те ужасы, которые мне пришлось видеть в некоторых из вагонов. Люди превратились буквально в животных, валяются на полу, в грязи, насекомые покрывают их полунагие тела... Посреди вагона нетопленная печь. Холодно. Больные лежат частью на нарах, частью на полу. Тесно прижавшись к печке, лежали четверо больных со слабыми признаками жизни: скелеты. Точно мухи осенью прилипают к теплomu месту и там же умирают, так и эти люди, ища последний луч тепла у печки, тут же выпускают свой последний вздох и умирают... Один скончался при мне. Остальные, собравшись с последними силами, просили у меня лекарства. В этом вагоне, очевидно, приходилось бороться за существование: более здоровые физически захватили лучшие места в вагоне, что дало им возможность получать подаваемую населением провизию. На всех нехватало провизии и, конечно, те, которые получали ее, в первую очередь кормили себя. Слабые же голодали, ослабевали, выталкивались с нар, ложились на полу и... больше уже никогда не встанут.

12 ноября. Я не в состоянии продолжать мой дневник. Но я постараюсь напрячь всю мою психику, чтобы записать то, что произошло со мной вчера. Ибо я уверена, что не миновать мне смерти в этом же вагоне: в лучшем случае я сама покончу с собой.

9-го почти всю ночь отбивалась от «ухаживания» пьяного офицера, пряталась по всем углам вагона. Он, наконец, дошел до такой ярости, что выхватил револьвер и хотел стрелять. Но я предупредила несчастье: еще когда он только что вошел в вагон, я с помощью двух женщин вытаскала

У него револьвер, вынула патроны и револьвер положила обратно. Так что ничего не вышло из его желания стрелять, он между тем отрезвился.

Вчера днем, часа в 2 поезд стоял на каком-то разъезде. В вагоне было тихо. Вдруг заходит считавший себя социалистом офицер Озолин и приказывает женщине, с которой у него давно были «интимные» дела, перейти в другой вагон. Она стала возражать, тогда он ее силой выбросил из вагона. Я не могла удержаться и крикнула: «Как это бесчеловечно!»—Он ушел. Через несколько минут вернулся и позвал меня. Когда я вышла, он мне заявил, что должен меня расстрелять за то, что я веду агитацию среди конвоя. Он велел мне стать у телеграфного столба, но затем открыл один из вагонов и, впустив меня туда, стал стрелять... Все в вагоне бросилось на пол. Он все стрелял. Затем от открыл двери и еще несколько раз выстрелил. Когда расстрелял все патроны, ушел за другими. Поезд между тем двинулся дальше. В вагоне оказалось трое убитых и несколько раненых. Перевязала им раны. Через час поезд остановился на разъезде. Я попросила часового позвать дежурного офицера. В это время из вагона, где находился караул, потребовали доктора: больному стало плохо, так что дежурный офицер был вынужден выпустить меня из вагона и повести к больному.

Вот так, благодаря случайности я осталась жива... Нервная система страшно пошатнулась. Мне кажется, что я сойду с ума.

13 ноября. Сегодня в сопровождении конвойного пошла доставать медикаменты в приемный покой. Достала 50 граммов опийной настойки, вполне достаточная доза, чтобы уснуть навсегда... На душе стало спокойнее.

15 ноября. Какое-то странное изменение отношений со стороны самых главных разбойников (социал-предате-

лей) офицеров Озолина и Иванова. Они стали заботиться об арестованных. Их заботливость дошла даже до того, что они сами достали перевязочный материал, чтобы наложить повязку одному товарищу, которому они же разбили кость бедра и голени. Когда я накладывала повязки, мерзавец Иванов осведомился у меня, будет ли он жив (это был один из активных сызранских товарищей, фамилии не помню). Кроме того он пошел со мной к коменданту станции хлопотать, чтобы товарища приняли в больницу, что и удалось.

Мне Иванов заявил, что я им очень нужна и являюсь самым полезным человеком и что меня он будет беречь, предоставив мне купэ в офицерском вагоне. От такой любезности, конечно, отказалась. Но дело не в этом. Будучи почти два месяца изолирована от внешнего мира, я не имею представления о том, что происходит в эсеровской директории. Мне все же кажется, что их песня спета... И вот эта сволочь—офицеры—струсили, а поэтому стали лебезить перед нами. Как я счастлива, даже при одном предположении, что эсеро-меньшевицкая власть свергнута.

16 ноября. Станция Пограничная. Здесь стоим целый день. Вечером несколько железнодорожных рабочих подошли к окну моего вагона и познакомили меня с положением. Ужасные репрессии. При малейшем подозрении в большевизме железнодорожников увольняют, сажают в тюрьму. Страшный калмыковский грабеж. Арестованных калмыковцы убивают без всякого суда. Крестьяне бегут в сопки, оставляя в деревне только женщин, детей и стариков. Казачий атаман Калмыков является самодержцем данной местности. Теперь я начинаю понимать, почему наш «демократически» настроенный конвой поджал хвост...

18 ноября. Никольск - Уссурийск. Ночь. Сегодня прибыли в Никольск-Уссурийск. Уже дальше нас;

кажется, не могут везти, ибо все в вагонах больны различными заразными болезнями. Режим довольно сносный: выпускают даже из вагонов и арестованные ходят по домам собирать подаяние.

20 ноября. Никольск - Уссурийск. Отношение рабочих трогает меня до слез. Они по целым дням и ночам носят провизию, одежду и все делят между нами. Одна девушка сняла с себя платье и отдала одной из арестованных. Что с нами собираются делать — неизвестно. Рядом с нашим поездом стоят еще два поезда пленных красноармейцев (в одном мадьяры), которые были отправлены из Тощкого лагеря еще раньше нас. С мадьярами обращаются ужасно жестоко, их калмыковские офицеры избивают нагайками и шашками.

21 ноября. Никольск - Уссурийск. Сегодня мне передали записку с адресом. У меня стало так тепло на душе. Представители американского Красного креста осматривают наши вагоны, фотографируют и, кажется, что-то хотят сделать для нас.

22 ноября. Никольск - Уссурийск. Вечер. Кошмарный день. Всех выгрузили из вагонов с тем, чтобы перевести в город. Больные весь день валялись на улице, потом их погнали куда-то, а нас, большевиков, собирались отправить на гауптвахту.

Мы уже отправились туда, но вдруг всех снова вернули обратно и снова поместили в поезд. Что они собираются делать с нами?..

24 ноября. Никольск - Уссурийск. Сегодня целый день отбирала больных для отправки в Никольский военный госпиталь. На 300 мест я отобрала 600 больных. Поместят ли их всех в госпитале? Я так рада, что больные товарищи наконец отдохнут и полекутся. Весь женский вагон вставила в список, чтобы сделать ко-

нец тем безобразиям, которые имели место в нем. Дежурный офицер Озолин, было, запротестовал, но потом согласился. Остальных пленных повезли обратно в Иркутск. Я пока еду с больными провожать их в госпиталь. Настроение у меня довольно хорошее. Думаю, что мне удастся здесь вырваться из лап палачей.

30 ноября. Никольск-Уссурийск. Все время не писала. Страшно нервничала. Когда я приехала в госпиталь, нашла всех наших женщин в прачечной госпиталя, на кухне. Надзирательница прачечной, относящаяся с большим сочувствием к большевикам, устроила меня у себя в коридоре на сундуках и дала чистую постель. Я, может быть, еще никогда не испытала такого огромного физического удовольствия, как в эту ночь. Мне казалось, что если мне разрешат жить в этом коридоре, я буду счастливым человеком. И то, что я не вижу больше тех женщин, которые были в вагоне, и то, что всю ночь находилась одна, сама с собой наедине, было для меня огромным счастьем. Ведь я уже почти четыре месяца не была одна, даже ночью, и вдруг целую ночь одна в коридоре. Каждая клетка, каждый атом моего организма впитывали в себя охватившее меня вдруг спокойствие.

Когда все улеглись спать и я осталась одна, я почти всю ночь не уснула от избытка приятных ощущений. Но утром я себя почувствовала совсем больной и не могла встать. А по моему коридорчику ходили люди. У меня было одно желание: никого не видеть и никогда не вставать. Никто и ничто меня не интересовало: словом, полнейший психоз. Я действительно думала, что начинается психическое расстройство. Но пришлось встать, заболела Юза, одна из наших политических, и нужно было посмотреть, что с ней, и заставить ее лечь в больницу. У нее оказалось воспаление легких, и через пять дней она скончалась. Заболела Мадис-

сон и еще одна девушка. Пришлось забыть о своих нервах и посещать товарищей в больнице, которые были очень рады моему приходу. Много уже умерло из перевезенных сюда из поезда. Сплю я все время в коридорчике, обедаю на кухне. Избегаю ложиться в больницу, чтобы иметь возможность связаться с городом: из больницы не выпускают, а тут нахожусь пока без надзора.

2 декабря. Никольск - Уссурийск. Мое положение ухудшилось: надзирательница прачечной заразилась от нас тифом и лежит в больнице. Приехали ее родные и мне пришлось переселиться из коридорчика в кухню. Дым, копоть, угар. Сегодня отправила письмо по данному мне адресу. Нужно что-нибудь предпринять.

10 декабря. Никольск - Уссурийск. Настроение лучше. Связалась с железнодорожными рабочими, приходили ко мне, приносили газеты. Познакомили меня с положением, обещали достать документы.

В госпитале меня страшно стесняют. Главврач ни за что не разрешает работать в госпитале, а я чувствую, что работа облегчила бы мои страдания. Заболели сыпным тифом две из лучших политических женщин, самарские большевички (латышки). Встречаюсь здесь с крестьянами. Калмыковские офицеры грабят и избивают их плетью при малейшем подозрении в большевизме и даже вообще без подозрения. Крестьяне бросают все и бегут в сопки к партизанам. Ночью некоторые пробираются в деревню, чтобы запастись хлебом и переменить белье. Калмыковцы отбирают у них скот и лошадей. Ужаснейший произвол, анархия.

12 декабря. Никольск - Уссурийск. Была в городе у Катушко. Познакомилась с председателем подпольного комитета большевиков. Как горячо меня товарищи приняли. Старики (муж и жена)—старые революционеры, рабочие. Он уволен со службы за большевизм,

каждую минуту ожидает ареста. Она совершенно безграмотная, но поразительно сознательная. Она меня пригрела, приласкала, как мать. Мне стало приятно до слез от ее нежного отношения. Все рабочие-железнодорожники наперерыв приглашают меня к себе, стараются пригреть, накормить, хотя сами и голодают. Стоило мне, кажется, так много страдать даже из-за того, чтобы заслужить такое отношение со стороны рабочих. Словом, со вчерашнего дня я, кажется, самый счастливый человек. Мне достанут паспорт и я уеду во Владивосток. Для меня открывается новая жизнь, новые горизонты—к партизанам!

20 декабря. Никольск - Уссурийск. За это время много произошло нового. Я часто бываю в больнице, беседую с больными, читаю и разъясняю им газеты, сообщаю им о политическом положении. Чувствую, что мои посещения вливают в них жизнь и энергию. Многие уже выздоровели и переведены в концентрационные лагеря. Здесь в окрестностях находится около пяти тысяч военнопленных германцев и австрийцев. Познакомилась со многими из них: все страшно враждебно настроены против колчаковской власти. Многие из пленных бежали к партизанам в сопки. Из Владивостока приехал прокурор снять с нас допрос. Оказывается, нас доставили сюда без «дел», так как за два дня до нашей эвакуации из самарской тюрьмы начальник тюрьмы эвакуировался со всеми «делами», документами, деньгами и со всем инвентарем тюрьмы. Наш эшелон должен был застать его в Уфе, но его там не оказалось. Итак, допрос прошел блестяще, и нас, женщин, освободят под надзор властей.

Я бываю часто в городе. Встречаюсь с рабочими фабрик и веду переговоры, чтобы поступить туда на работу. Со мной нет никаких документов и мне лучше жить нелегально. Мое материальное положение стало еще хуже: в кухне,

где живу, постоянно ужаснейший дым, просто задыхаюсь, глаза выедает. Хочется почитать, писать, но негде.

Слухи, что Колчак бежал, что партизаны заняли много деревень. Настроение среди рабочих приподнятое. Многие уходят в сопки к партизанам. Калмыковские бандиты творят нечто невероятное. Сегодня были похороны трех товарищей, изуродованные трупы которых были найдены близ города. Несмотря на ужасный террор, все рабочие бросили работу и были на похоронах. Негодяи забирают из тюрьмы большевиков, а потом их трупы находят ужасно искалеченными.

Снова за решеткой

30 января 1919 г. Никольско-Уссурийский арестный дом. Постараюсь записать все то, что произошло со мной за последний месяц. В начале января был почти решен вопрос об освобождении всех женщин под надзор милиции. Я часто бывала в городе, встречалась с товарищами и т. п.

Между тем ко мне стали доходить слухи, что старший врач госпиталя послал на меня донос о том, что я занималась пропагандой. Слухи стали все упорнее; нужно было что-нибудь предпринять. В субботу 23 января я ушла из госпиталя, чтобы не возвращаться. Ночью товарищ, помощник паровозного машиниста, должен был отвезти меня на паровозе во Владивосток. Но вечером того же дня я получила официальное известие, что освобождена под надзор милиции. В понедельник должна явиться за документами в милицию. Когда я зашла к начальнику милиции, ко мне был приставлен конвой и объявлено распоряжение начальника гарнизона об аресте еврейки Зальцман.

Я уже шесть дней в заключении. Была на допросе в контрразведке, мне предъявлено обвинение в большевистской пропаганде, которая карается по колчаковским законам.

повешением. Итак, я в лапах Колчака. Нахожусь пока в арестном доме, скоро переведут в тюрьму. Милиционеры относятся очень хорошо к большевикам.

7 февраля. Никольско-Уссурийская тюрьма. Сегодня начальником тюрьмы было вручено мне обвинение такого содержания: именуемая себя врачом еврейка Зальцман обвиняется в большевистской пропаганде и агитации среди больных и служащих военного госпиталя и среди военнопленных и т. д.

Настроение у меня бодрое. Низший надзор относится сочувственно, передает газеты и известия о действиях партизан. Получаю книги из тюремной библиотеки, читаю заповсем отрывки из старых, разорванных (без начала и конца) приложений «Нивы». Читаю газеты.

10 февраля. По рассказам надзора, партизаны подошли очень близко к Никольску. В городе очень тревожно, безумный белый террор. В Хабаровске было восстание в калмыковской армии. Многие, захватив пулеметы и оружие, перешли к партизанам. Остальные арестованы. Теперь мне не страшно умереть, но сильно хочется жить, чтобы видеть нашу победу.

11 февраля. Пишу в последний раз... Прощаюсь с жизнью и со всеми теми, которые были дороги мне. Сегодня ночью покончит со мной какой-нибудь колчаковский бандит. Странно, до революции при малейшей личной неудаче я была готова лишиться себя жизни. Совсем другое испытываю сейчас: жить хочется очень сильно. Хочется видеть нашу конечную победу. Она ведь близка. Я верю в нее всеми фибрами своей души. Узнает ли кто-нибудь из моих друзей, где я погибла?.. Мне было бы, кажется, совсем легко, если бы здесь был кто-нибудь близкий, родной...

Привет всем борцам. Проклятие всем эсерам—меньшевистско-колчаковским бандитам!..

20 февраля. Владивостокская тюрьма. Ура! Я вырвалась из лап колчаковских негодяев. Меня перевели во владивостокскую тюремную больницу. В тот день, когда меня собирались «вывести», со мной случился первый припадок. Явился врач и распорядился перевести меня во Владивосток. Через неделю было получено разрешение начальника гарнизона о переводе, и 19 февраля я прибыла сюда с этапом. Нахожусь в тюремной больнице, в чистенькой палате. Режим сравнительно не строгий. Надзор связал меня с политической коммуной заключенных. Передают записки, книги, газеты. Большевиков в тюрьме много.

15 апреля. Все время лежала больная. Сильное нервное расстройство. Полнейшая апатия. Начинаю поправляться. Выхожу уже на прогулку. За это время пришлось много пережить, в связи с побегом смертника, тов. Абрамова, за несколько часов до казни. С ним бежал тот самый надзиратель, который посещал меня. Кроме того мне пришлось быть в камере смертника (он лежал в больнице). Подозрение пало, что я способствовала побегу. У меня был строжайший обыск, вся контрразведка обыскивала. Конечно, ничего не нашли.

18 апреля. Пережила кошмарную ночь. Казнили ночью больного, который доживал последние дни (гнилостное заражение крови после тяжкого ранения). Его понесли к месту казни на носилках и на носилках его расстреляли. Какое варварство!

29 апреля. Наднях начала выходить на прогулки, после трехмесячного лежания в постели. Со мною в больничной камере находится тов. Шимановская, муж которой был расстрелян на ее глазах в Благовещенске (комиссар железной дороги). Она была выпущена на поруки по болезни и недавно снова арестована. Она меня познакомила с

происходившим в Благовещенске во время падения советской власти. Какие ужасы творили там белогвардейцы!

30 мая. Настроение у всех нас очень хорошее. Вести с красного фронта весьма утешительные. Отбито наступление Колчака на Самару и идет наступление наших. У нас в тюрьме имеется кухонное телеграфное агентство «Кухта». По этим сведениям мы ежедневно берем по несколько городов у Колчака.

На свободе

25 августа. Владивостокская городская больница. Уже давно не писала. Все время сильно болела, чуть на умерла. Благодаря ходатайству одной коммунистки, Мани, которая назвала себя моей близкой родственницей и достала деньги на залог и поручителя, меня перевели в больницу на операцию.

Выпущена из тюрьмы 19 августа. Нельзя сказать, чтобы меня особенно радовало мое освобождение: не было физических сил насладиться свободой. Хотелось бегать по городу, все осмотреть и т. д. и т. п. Но двигаться не в состоянии. Я только покаталась на лодке с товарищами, а потом слегла. Вчера легла в больницу. Необходима операция, но врачи боятся дать наркоз, ибо с сердцем очень плохо.

15 сентября. Через два дня будет операция. Были у меня тт. Груздев и Цепелевич. Приходят и многие другие меня проведать. Больница является продолжением тюрьмы. Когда же наконец буду на свободе!?

17 сентября. Через час операция. Настроение великолепное: ведь я приближаюсь к освобождению. Больные говорят, что я готовлюсь словно на бал. После операции обязательно проберусь в Самару. Я не умру, коль осталась жива до сих пор...

23 октября. Один из счастливых дней моих: начала работать в городской больнице. Я совсем не надеялась,

не имея с собой никаких документов вообще и о моем медицинском звании в частности, попасть в больницу врачом.

Очень много мытарств за последний месяц. Когда я должна была выписаться из больницы, условилась с товарищами, что будет комната и паспорт. К назначенному дню товарищ пришел за мной, но по дороге я узнала, что нет ни того, ни другого. Наконец меня поместили у одного рабочего в рабочей слободке. Жить было очень тяжело, далеко ото всех, квартирные условия тяжелые, питаться нечем. Вдобавок нет документов, чтобы прописаться. Я еще себя чувствовала так слабо, что ходить не могла. Меня спасло то, что обо мне узнали два самарских рабочих, которые помнили меня с Оренбургского фронта. Они проявляли чисто материнскую заботливость по отношению ко мне. Хозяева квартиры начали энергично требовать прописки. К концу второй недели ко мне явился агент уголовного розыска и просил предъявить документы. Убедившись, что я больна, он согласился не арестовывать меня с условием, чтобы в тот же день я пришла в уголрозыск. После его ухода я в сопровождении одного самарского товарища удрала в город. Был как раз вечер еврейской молодежи. Некоторые меня знали. После вечера пошла ночевать к курсистке. Так я вертелась около недели, пока достала очень скверную, холодную и маленькую комнату. Мое здоровье значительно поправилось.

Ю н о я б р я. Готовимся к перевороту. Я работаю в рабочем Красном кресте при подпольном комитете нашей партии, снабжающем партизан продовольствием, оружием, паспортами и медпомощью. Генерал Гайда со своим штабом прибыл во Владивосток. Союз грузчиков целиком готовится к восстанию. Организую санитарные отряды, заготавливаю необходимое.

25 ноября. Не удалось 18 ноября! Ужасное катастрофическое поражение. В течение всей ночи думали: вот-вот конец колчаковщине во Владивостоке... И вдруг в 8 часов утра прибегает товарищ из города и сообщает, что все потеряно и что нужно скорее уходить отсюда. Я считала невозможным уйти без распоряжения ревштаба. Но когда пришли еще некоторые товарищи с той же вестью, я ушла. Дело в том, что, когда действительно дело приближалось к благоприятному исходу, выступили японцы, вооруженные до зубов и, отрезав сражавшихся рабочих от воинских частей, совершили над ними свою кровавую расправу.

Погибло много рабочих, многие взяты в плен, и разбойники уничтожают их. На каждом шагу на окраинах города валяются изуродованные трупы, всюду кровь, разбитые черепа, выпущенные мозги. А главари восстания—Гайда, Якушев, Краковецкий—освобождены. Свои! Столковались между собой.

28 декабря. Весь декабрь работала в городской больнице и в железнодорожных мастерских на Первой речке врачом сыпнотифозного барака. Кроме того—в рабочем Красном кресте.

Посещаю нелегальных больных на дому. Некоторых больных, пробирающихся сюда из сопки, я кладу в больницу во время моего дежурства без документов. Мы готовимся усиленно к перевороту, который будет наднях. Настроение великолепное. Скоро конец бандитам... Я выбрана в пятерку действия рабочего Красного креста.

25 февраля. Все время была так занята, что не могла писать. Работала, как говорят, 25 часов в сутки. 31 января было то светлое утро, о котором мы мечтали в течение двух лет. Пала колчаковская власть во Владивостоке. В 7 часов утра мы уже вылезли из нашего подполья, повесили красный флаг. Ни одной капли крови не было

пролито. Военские части, как один человек, перешли на сторону ревштаба. Японцы искали придирки, чтобы выступить, но ни к чему не могли придраться. Когда я утром подъехала к тюрьме, там уже было много народа с красными знаменами.

В тюрьме было много больных товарищей, их всех нужно было разместить по больницам, которые были переполнены.

Затем поехала в Новокиевск, где находилось свыше 1000 товарищей в концентрационных лагерях, чтобы их эвакуировать.

10 апреля. Опять перешли на нелегальное положение. 3 апреля было первое заседание совета, а в ночь с 4-го на 5-е японцы выступили во всей Приморской области. Военсовет издал приказ не воевать с японцами. Часть наших войск ушла в сопки, часть была арестована японцами.

5 июня. Предполагается отправка из Владивостока поезда с инвалидами в Сибирь под флагом международного Красного креста. За Харбином и в Чите еще господствует бандит Семенов. Ехать очень опасно, особенно для меня, ибо все в поезде знают меня. Однако пробую устроиться, очень уж велик соблазн.

В Советскую Россию!

18 июня. Ура! Еду домой, в Советскую Россию. Как я счастлива!

19 июня. Санитарный поезд № 114. Сегодня выехала из Владивостока. Забыты все опасности. Я в самом восторженном настроении.

5 июля. Не доезжая Читы, нас встретили каппелевцы бронированным поездом и собрались нападать. Но так как наш поезд имел японскую охрану, то все кончилось благополучно. Пока ожидается обыск.

15 июля. Мы уже на нейтральной территории. Обсудили положение в поезде, выбрали 5 человек для захвата власти в поезде и обследования, какие элементы находятся в нем. Ждем, чтобы верхнеудинское правительство прислало паровоз для перевозки поезда на территорию ДВР.

В Чите мне пришлось здорово поволноваться: бандиты Семенова хотели меня снять с поезда. Миссия международного Красного креста отстояла меня.

3 августа. Самара. В Самару я приехала в 2 часа ночи 3 августа. Тут только я вспомнила, что не знаю, куда заехать. Я оставила вещи на вокзале и пошла по городу... Ночь была белая-белая... Настроение светлое, радостное...

Нашла клуб коммунистов. Там меня встретила неизменный страж клуба коммунистов-большевиков—тов. Бешенковская.

Л. Зальцман-Адельсон

Страшный поезд

(Из дневника сотрудника американской миссии
Красного креста в Сибири)

18 ноября 1918 года. Я в Никольск-Уссурийске в Сибири. То, что я видел в течение двух дней, достаточно на всю жизнь. Я попробую записать, как смогу, то, что я видел.

«Поезд смерти», известный под этим именем в Восточной Сибири, оставил Самару приблизительно недель шесть тому назад. Русские железнодорожные служащие подтверждают, что так далеко, как станция Манчжурия, т. е. 1200 миль к западу отсюда, этот поезд минул три недели тому назад. С того времени он прошел через станции Хайлар, Цицикар, Харбин, Мулаим. До того момента, когда мы нашли этот ужасный караван в Никольске, 800 человек из его пассажиров умерло от голода, грязи и болезней. В Сибири ужас и смерть на каждом шагу и в таком масштабе, что потрясли бы самое черствое сердце... Сейчас в поезде, насколько мы смогли сосчитать, 1325 мужчин, женщин и детей, запертых в этих страшных вагонах. Вчера с прошлой ночи умерло еще шесть человек. Понемногу они все вымрут, если поезд оставят пребывать в таком же состоянии. В каждом вагоне, размером 25×11 футов, было по 35—40 человек. Двери лишь изредка открывались, чтобы выбросить труп. Мне рассказывали, что в вагонах было по 60 человек, когда они отправлялись, но смерть позабо-

тилаась дать другим больше места... Я взбирался в вагоны ночью с моим электрическим фонариком. Я входил в них рано утром и осматривал их. Я видел мужчин с предсмертными хрипами в горле, полунагих, со вшами и червями, видимыми на них; я видел людей, от истощения лежащих в полубессознательном оцепенении.

Каких бы то ни было санитарных приспособлений этот поезд совершенно не имел, и количество грязи и общее состояние, в котором жил, живет и умирает этот народ, не поддается никакому описанию. Арестованных должны были на различных станциях вдоль всего пути снабжать горячей пищей. Но часто в течение нескольких дней ни один из них не получал даже хлеба... И если бы не доброта бедных крестьян, мужчин и женщин, одинаково дававших со слезами на щеках то маленькое подавание, какое они только могли, пленники оставались бы совершенно без питания.

Я разговаривал с женщиной-врачом, которая работала в отрядах Красного креста при Красной гвардии. Высокообразованная и интеллигентная женщина 40 лет, она была в течение этих недель в этом же поезде... Я говорил с молоденькой, лет восемнадцати, девушкой, красивой, хорошо воспитанной и интеллигентной. При большевиках она была машинисткой и конторщицей в одном из казенных учреждений в Самаре. Она была недели в этом поезде. Вся ее одежда состояла из грязной блузы и тряпки наподобие юбки, пары чулок и сапог. Без пальто в эту холодную зимнюю пору.

Я говорил с одним человеком, который не в состоянии был понять разницу между Красной армией и армией какого-либо другого цвета. Его жена поссорилась с какой-то женщиной, которая пошла, очевидно, жаловаться. Ночью он был арестован в своем доме, обвиненный в принадлежности к Красной гвардии. Он был в течение пяти недель в вагоне

Ему осталось жить около 48 часов. Я говорил с другим, который возвращался вечером со своей работы и остановился, чтобы узнать причину уличного беспорядка. Полиция арестовала многих в толпе и его наряду с другими. Он умрет в поезде. Следующий, с кем я говорил, бежал из деревни при слухах о приближающихся немцах. Приехав в приволжскую губернию, он был спустя несколько месяцев арестован в одной из деревень, как неимеющий необходимых документов.

Эти рассказы не могут быть все подтверждены, так как рассказывающие их умирают. Я видел их умирающими, а на следующее утро я видел их трупы, выброшенные из вагонов, как ненужный мусор. Оставшиеся в живых равнодушны... Они знают, что их очередь будет следующей. Может быть они завидуют тем, кто отошел в вечный покой...

Д-р Скудер и д-р Менджет прошлой ночью уехали во Владивосток и сделают все, что смогут.

Прошло два дня со времени нашего приезда сюда. К поезду прицепили вагон-кухню с большим железным котлом и вчера стража объявила, что пленникам дадут немного супа. Один котел для 1325 человек народу, и суп раздавался через окно, размером $1 \times 1\frac{1}{2}$ фута, в старом заржавленном ковше.

Вчера из вагона была взята одна из женщин русским офицером... Он вернет ее, когда поезд будет отправляться... В поезде есть бывший журналист. Его жена в этом же поезде. Ей осталось жить всего несколько дней.

Когда пленники встают, они совершенно заполняют весь вагон. На двух рядах нар, устроенных по сторонам, мертвые и живые располагаются столь хорошо, как только они могут. Сегодня в половине десятого утра стража нам рассказала, что из поезда выброшены три трупа умерших в течение последней ночи. Когда мы проходили вдоль

поезда, из одного вагона нас окликнули и стража сообщила, что в вагоне есть покойник. Мы настояли на том, чтобы открыли дверь, и вот что мы увидели:

У самой двери лежало тело юноши, которому было не более 18 или 19 лет. Никакой одежды, если не считать тонкую рубашку, которая была такой рваной, что его грудь и руки были обнажены, ни сапог, ни чулок—джутовый мешок, покрывавший его, дополнял его одеяние. Какие муки должен был испытывать этот юноша в сибирский холод, прежде чем умереть, от грязи, голода и позора. А еще «дипломатия» препятствует нам нести наши обязанности и давать помощь!

Мы влезли в вагон и нашли двух других мертвецов, лежащих на втором ярусе нар среди живых. Почти каждый человек в этом вагоне был со впалыми глазами, страшной худобой и полуголый. Они были измучены ужасным кашлем. На всех был отпечаток смерти. Если бы скоро не пришла помощь, они бы умерли. Мы заглянули только в несколько вагонов, но в одном из окон мы увидели маленькую девочку, быть может лет одиннадцати. Ее отец, сказала она, был мобилизован в Красную гвардию. Поэтому теперь отец, мать и ребенок находятся в этом поезде и умрут там...

Мы оставили вагон в 10 часов. Возможно, что наше вмешательство побудило или что другое случилось во Владивостоке—я не знаю,—но когда мы были за работой на станции, то слышали, что поезд пленников разгрузили. Мы поспешили и застали ужасную процессию, состоящую приблизительно из сорока пяти повозок, везущих каждая кладь из троих или четверых пленников под охраной казаков.

Мы немедленно наняли дрожки и попросили возницу держаться приблизительно середины линии, дабы он мог быть менее заметным и двигаться вместе с процессией.

Проехав около 4 миль, мы остановились у городских госпитальных барачков. Там пленники были сняты и положены на землю. В таком положении они пробыли, дрожа от холода, до 4 пополудни. Русская система подтвердилась. По восемь человек одновременно вызывались для стрижки волос и в горячую баню, а затем в легких туфлях и холщевых халатах они направлялись шатаясь, или с помощью кого-либо, к другому зданию, в нескольких стах ярдов отсюда, где были ржавые железные койки, каждая с грязным соломенным матрацем и такой же грязной подушкой.

Сегодня утром мы встали в 7 часов и отправились в госпиталь, где условились встретиться с доктором Селезневым, старшим военным врачом. Когда мы пришли, то застали все в ужасном состоянии: более чем на 400 больных было только три доктора и три сиделки. Двое больных умерло в продолжение ночи, и доктор обнаружил, что почти все оставшиеся в живых страдают различными болезнями, включая и тиф. Чтобы ясней представить себе эту картину, скажу, что на одеяле 21 фут длиной лежало 18 человек. В одной комнате, в которой могло бы поместиться 20 больных, лежало 52 человека. Вы можете лишь с трудом пройти, не наступив на кого-нибудь из них. Атмосфера в комнате была ужасная.

Д-р Селезнев официально сообщил нам об условиях, в которых прибыли пленники, во всем подтверждая все мне ранее рассказанное. «Неделями этот поезд двигался взад и вперед и пассажиры его умирали от различных недугов, как-то: тифа, дизентерии, инфлюэнцы и чаще всего от голода. Пленники оставались неделями без горячей пищи, кипятку и почти всегда даже без хлеба. Благодаря неудовлетворительному питанию и крайней скученности инфекционные болезни легко распространялись. К этому прибавились еще различные кожные заболевания. По удо-

стоверению офицеров, сопровождающих поезд, комендант станции имеет приказ отправить поезд обратно на запад, но я уверен, что среди пассажиров на поезде есть еще достаточное количество столь больных и истощенных, что сделает пребывание их в этих вагонах совершенно невозможным и роковым для них».

Мы все задерживаем поезд и договорились с русскими банями о мытье всех пленников завтра за 450 рублей. Они начнут мыться с 6 часов утра, отправляясь в баню партиями по 60 человек. Все это возьмет около 10 часов. Наш вагон прибыл и от каждого одежда будет отбираться для уничтожения, а взамен будет выдаваться платье, пара носков и нижнее белье. После этого они будут помещены в новые вагоны.

Завтра, когда этот поезд отправится, он будет иметь 925 памяток Красного креста, но я попрежнему должен буду называть его «Поездом смерти», ибо как только поезд отправится, старые условия вернутся опять и снова изо дня в день из каждого вагона будут выбрасываться трупы.

Предсказания г-на Бюкели, что «Поезд смерти» и останется таковым,—сбылись. Как только поезд отправился в сибирский путь с востока на запад, взад и вперед двигаясь от города к городу, ужасные вести стали доходить до Владивостока. Официальное донесение члена Красного креста гласит: «Нам сообщают, что поезд пленников был отведен около 10 миль от Никольска благодаря возмущению, вызванному его присутствием там, и будет держаться на этом расстоянии, на котором мы могли бы следить за его состоянием».

Однако 6 декабря полковник Эмерсон телеграфирует из Харбина, что поезд пленников, состоящий теперь из 38 вагонов, миновал Цицикар по дороге в Читу. Таким образом мы имели первое известие, что поезд смерти был снова

в дороге и был действительно на пути в Западную Сибирь. Другое сообщение от 5 декабря из Цицикара говорило, что с тех пор, как поезд оставил Никольск, после того как там американский Красный крест заботился о пленных, эти несчастные сделались опять жертвами болезни и лишений. 120 человек были опасно больны и 15 умерло со времени отъезда из Никольска. Положение в вагонах было неопишимо.

Таким образом является очевидным, что 38 вагонов с пленниками двигаются медленно от одного места к другому, а тем временем количество умирающих растет и растет... Этот факт наглядно иллюстрирует положение в Сибири.

Семь месяцев в руках белогвардейщины

Арест

Летом 1918 года, когда советские войска оставили город Белебей, власть в городе захватил так называемый военный штаб.

Штаб этот был образован офицерами, еще при советской власти составлявшими тайную белогвардейскую организацию. Во главе этой организации стоял бывший земский начальник Качалов и другие офицеры.

Правые эсеры рассчитывали тогда взять власть в свои руки, но это им не удалось, и вся власть перешла в руки черносотенного офицерства. Вскоре был оборудован «штаб обороны», начальником которого был назначен полковник Витковский, прибывший из Самары, адъютантом—прапорщик Невзоров (сын б. уфимского исправника), а заведующий следственной частью—прапорщик Манеков. Организовалась и контрразведка, начальником которой был прапорщик Садовский.

Начались гонения не только на видных советских деятелей, но и на рядовых служащих в советских учреждениях. Начались репрессии, обыски, аресты. Тюрьма быстро наполнялась арестованными: большевиками, активными советскими работниками и т. п.

Вскоре после нашего ареста, нас, более видных работников, в числе 35 человек отправили в уфимскую губернскую

тюрьму. Эта отправка была вызвана еще тем, что 1 августа нами был устроен в тюрьме бунт, который был вызван следующим обстоятельством:

Арестованной жене товарища Калинина, видного советского деятеля и старого партийца, пьяный начальник милиции сделал гнусные предложения, причем заявил, что судьба ее мужа (также арестованного) зависит от ее согласия на его гнусное предложение.

Это быстро дошло до нас в тюрьме, и мы потребовали для объяснений начальника тюрьмы прапорщика Блюмрейха. Он категорически отказался явиться в камеру.

Когда заключенные нашей камеры были выведены на прогулку, мы поставили в известность о случившемся всю тюрьму. Началось волнение. Мы с прогулки были загнаны в свою камеру. В ответ на это мы запели «Интернационал», поддержанный соседними камерами.

Заволновалась вся тюрьма. К воротам тюрьмы быстро прибыла рота местного полка, преимущественно из добровольцев и офицеров, вооруженная пулеметом. В камеру к нам явился чешский комендант, по коридорам бегал с винтовкой поручик Богоявленский. Коменданта окружили солдаты с винтовками.

Вся наша камера была переведена на карцерное положение, всех лишили передачи и свиданий.

Этот бунт ускорил наше отправление в Уфу.

В уфимской тюрьме

8 октября. «Имя... имя, сволочи, имя! Это вам не Совдепия!»—кричал помощник начальника уфимской тюрьмы прапорщик Селиверстов при приеме нас у ворот тюрьмы.

Тюрьма приняла нас в свои объятия. Ввели в следственный корпус. В камеру поместили нас 15 человек. Темно,

сыро и грязно. У кого-то из товарищей нашелся знакомый надзиратель, который и перевел нас в лучшую 6-ю камеру срочного корпуса. Камера № 6 считалась в тюрьме самой «аристократической», в ней преобладала интеллигенция. Здесь уже находилось до 20 человек арестованных, среди них Кадомцев Николай, Чаплыгин, доктор Владимирский, Калинин и др.

Ужин дают рано, около 4 часов дня, а вскоре производится и поверка.

10 октября. Нас в числе 6 человек, переведенных сюда из следственного корпуса (Михеев, Котенёв, Федоров, Злыдников, Волоцкий и я), вызвали в контору для справок. Мы с Федоровым, как военные, числились за контрразведкой. Я обратил внимание на особый список, составленный по распоряжению тюремного инспектора. В нем фигурировали все мы шестеро и другие, всего 68 человек.

11 октября. Сегодня из газет узнали об отходе Народной армии из Самары на Кинель.

На довольствии в тюрьме состоит 1248 человек.

14 октября. Сегодня у них праздник—Покров. Как нам передают, всюду идут массовые аресты, белые зверствуют. Буржуазия отчаливает на Сибирь; со стороны Самары проехать сюда невозможно. Поезда набиты удирающей буржуазией, войсками. Чехи также катят в Сибирь.

Наднях из Самары прибыл целый эшелон с арестованными товарищами. В поезде более 1000 человек. Из самарского эшелона высадили около 60 человек и посадили к нам в срочный корпус. Вчера четверых из этих товарищей ранили. Находились они в 1-м коридоре, подошли к окну. С улицы доносился шум. Взглянули на улицу. Караул открыл стрельбу по окнам.

Поезд с арестованными самарцами простоял на ст. Уфа несколько дней, а затем был направлен дальше. Это был

тот самый поезд смерти, о котором в своих воспоминаниях говорит тов. Зальцман-Адельсон.

15 октября. Только сегодня мы убедились окончательно, что Самара и Кинель взяты Красной армией. Разумеется, белогвардейцы утверждают, что оставление Самары и других городов вызвано необходимостью «выравнивания фронта» и «входило в планы высшего командования».

19 октября. Мимо тюрьмы проходит отряд кавалерии. Свистки... Нашлись любопытные взглянуть в окно. Караульные открыли стрельбу по окнам камеры.

Настроение у нас очень нервное и напряженное. Слухи об эвакуации тюрьмы в Сибирь.

21 октября. Сегодня узнали, что в первой одиночке сидят восемь человек, приговоренных к смерти. Все они — солдаты из Народной армии, заподозренные в большевизме. Прошла целая неделя со дня вынесения приговора военно-полевого суда. А принято держать не более суток. В одиночке мертвая тишина. Там отчетливо слышен каждый шорох, каждое движение надзирателя. Тяжело сидеть рядом со смертником. Жутко, когда выводят их ночью на расстрел.

Эвакуация тюрьмы

Хотя оставление Уфы «не входит в план высшего командования», но эвакуация города происходит усиленным темпом. Тюрьму решено также эвакуировать. Вечером 25 октября нас под усиленным конвоем отправили на вокзал и поместили в вагоны.

Это второй эшелон после самарского, отправившегося из Уфы за несколько дней вперед.

В этом нашем «эшелоне смерти» в числе примерно 1600 человек находились известные самарские товарищи: В. К. Адамская, М. О. Авейде-Бушэн, С. М. Дерябина, П. И. Андронов, Скубченко.

Разместили нас по 35—40 человек в вагон. Вагоны были холодные, без нар и частью без печей. А многие из товарищей имели только летнюю одежду.

Наш эшелон сопровождал помощник начальника тюрьмы прапорщик Селиверстов, конвоирами же были чехи под начальством чешского поручика.

Погрузка закончилась к 9 часам вечера. Ночью почти никто из нас не спал от холода. Поезд тронулся утром 26 октября, хлеб же нам был выдан только лишь на третий день, за Златоустом, и не более полфунта на человека в день.

Люди положительно замерзали от холода и голода. По несколько дней совершенно не давали кипятку и воды, в хлебе же все время ощущался острый недостаток. Сразу же начались массовые заболевания. Больным не оказывалось никакой помощи и они валялись на грязных нарах, сделанных уже в дороге.

Как рабочие, так и их семьи по пути следования нашего эшелона по Уралу, Сибири и Забайкалью относились к нам чрезвычайно сочувственно и помогали всем, чем только могли, стараясь облегчить наше положение. Это сочувствие вселяло в нас свежие силы и мы с бодростью переносили все наши лишения и страдания.

Почти весь путь следования из Уфы до Омска двери вагона и окна оставались запертыми. Двери открывались только по утрам минут на 15—20, чтобы дать возможность оправиться. В это время мы пользовались случаем запастись дровами, а за отсутствием таковых брали бревна, шпалы и пр. Вагоны, имевшие печки, не были приспособлены для отопления, не было труб, поэтому при топке печи вагон быстро наполнялся сажей и дымом, который застилал глаза. Все были грязные, закопченные, так как не умывались неделями и более. Но все же мы были в лучших условиях:

в нашем вагоне была печка, а в некоторых их совсем не было.

Станцию Миньяр поезд прошел поздно вечером. Здесь на ходу поезда некоторые из товарищей вылезли в окна и спрыгнули.

Вот и Курган. Здесь нас выгрузили из вагонов и повели на обед. Когда нас вели, из толпы нам бросали хлеб, баранки, папиросы и пр. Во время обеда мы узнали, что многие из наших товарищей уже на свободе: они сбежали в дороге. Особенно много уходило при проезде мимо заводов (Катаев-Ивановский, Симский и др.).

В Сибири

Но вот и Омск. Поезд прибыл рано утром. Из вагонов вынесли несколько трупов. Здесь мы простояли трое суток.

Внимание железнодорожных рабочих и их семей нас всех трогало до глубины души. Все три дня стоянки на ст. Омск около нашего эшелона толпились и бегали люди. Каждый старался внести свою лепту для облегчения нашей участи: приносили и раздавали в окна хлеб, картофель, папиросы, газеты, снабжали кипятком, даже снабдили наш вагон ведром для носки воды. Некоторые рабочие сообщали адреса, где можно на случай побега скрыться. В частности, сообщил свой адрес рабочий Заикин Ф. Г., у которого я и скрывался после побега из лагеря в 1919 году. Другие передавали арестованным документы.

Местные рабочие ознакомили нас с неудавшимся выступлением в городе, последствием которого явились расстрелы, порка и зверства, чинимые главным образом отрядом есаула Красильникова.

Вскоре по прибытии в Омск чешский конвой передал нас конвою из русских солдат. Мы думали, что нам будет легче ехать с русскими, но мы жестоко ошиблись. Началь-

ником конвоя был прапорщик, насколько помню, по фамилии Овсеенко, его помощником—прапорщик Тихомиров. При сдаче арестованных старым конвоем новому не досчитались около ста арестованных.

Новым конвоем мы были предупреждены, что при повторении побегов в дороге будут расстреляны соседи бежавшего и старший вагона, выбираемый самими же арестованными. Таким образом была введена круговая порука. Отношение конвоя к нам было зверское, а особенно со стороны офицеров. Среди солдат находились и сочувствующие нам, но они боялись зверя-офицера, начальника конвоя, прапорщика Овсеенко.

Из состава конвоя особенно выделялся один из солдат, призванный недавно в войска. Он был очень внимателен к нам и услужлив, сам приносил кипяток, хлеб. Только благодаря этому солдату положение наше было сносное, мы имели возможность получить за сутки по 1—2 кружки кипятку.

За эти услуги солдату приходилось каждый раз жестоко расплачиваться. Офицер давал ему по несколько нарядов вне очереди, и солдат выстаивал на площадке вагона на ходу поезда с винтовкой в руке, в дырявой шинели, в кожаных сапогах, при 30-градусном морозе.

На перегоне за Новониколаевском из нашего вагона бежали два товарища-белебеевца: Кичин и Николаев.

Прибыли в Красноярск. Опять из многих вагонов вынесли трупы.

Здесь мы встретили весьма радушный прием со стороны трудящихся. По всему эшелону раздавались хлеб, продукты, папиросы, газеты и даже одежда. Один из жертвователей передал для нас несколько пудов хлеба. По приказанию офицера хлеб был сдан конвойным солдатам. Через некоторое время хлеб был передан нам, но в значительно меньшем количестве. После солдаты предлагали нам купить

У них нам же пожертвованный хлеб. Было больно видеть это потому, что мы днями сидели голодные, без куска хлеба.

Наш эшелон окружали все время железнодорожные рабочие и их семьи, с корзинами, мешками, сумками и ведрами с продуктами. Несмотря на строгий приказ не разговаривать с арестованными и не передавать им ничего, каждый старался чем-нибудь помочь нам. Конвой не мог справиться с нахлынувшей волной жертвователей и вообще с обступающими вагон людьми, а в особенности с женщинами, которые смело подступали к вагонам и передавали продукты. На помощь русскому конвою для охраны нас на время стоянки на станции появились иностранцы, которых здесь называли канадцами. Эти поступали еще более сурово, чем русский конвой: к вагонам совершенно никого не подпускали, нахлынувшие толпы людей разгоняли прикладами. Когда одна старушка передавала в окно нашего вагона хлеб и картофель, то заметивший это часовой быстро подошел к старушке, толкнул ее в грудь, замахнулся прикладом, а хлеб вырвал и растоптал ногами на глазах у всех присутствующих.

Прибывший на вокзал начальник местного гарнизона, насколько помню, полковник Федосеев, давал указания начальнику нашего конвоя прапорщику Овсеенко—«не церемониться с этой сволочью» и расстреливать при первом же удобном случае. Вскоре последовал строгий приказ закрыть окна и люки наглухо. Мы опять в темноте. В знак протеста послышалось пение революционных песен. Но скоро и оно стихло; офицер предупредил нас, что за пение будет беспощадно расстреливать.

На ст. Красноярск поезд стоял долго. И рабочим мы послали записку, которая была наскоро составлена мною и передана в чайнике для воды. В ней описывался весь тот ужас и произвол, который царил всюду, и те невероятные

условия, в которых мы находились со дня отправления из Уфы. В заключение мы просили передать нашу искреннюю благодарность всем семьям рабочих гор. Красноярска и в частности женщинам, которые своими заботами и помощью облегчили наше положение.

Поезд тронулся. В вагонах запели «Интернационал». Раздались залпы из винтовок. Еще и еще. То конвой палил в вагоны... Пенье смолкло.

По прибытии на ст. Иннокентьевскую с эшелона снова сняли несколько трупов. Здесь мы стояли долго. В виду того, что при этой станции имеется депо и вообще много рабочих, нас держали особенно строго. Из вагонов совершенно не выпускали, не разрешалось открывать люков, даже на два-три пальца, чтобы освежить воздух в вагоне. На попытки открывать люк часовой стрелял.

Наконец нас перевели на ст. Иркутск. Здесь впервые за весь путь от Уфы мы имели возможность получить в достаточном количестве кипятку, по 4—5 кружек на каждого. Но стояли мы здесь всего несколько часов.

На маленькой и глухой станции Хузинга из вагона был выведен арестованный рабочий ст. Чишмы Михаил Молчанов и расстрелян в 2—3 шагах от эшелона. Молчанову ставилось в вину то, что он якобы не исполнил приказаний часового закрыть люк. В действительности же этот рабочий совершенно не был виновным. Он был просто взят из вагона, как попавшийся первым при открытии вагона.

Поезд тронулся дальше. Во всех вагонах была тягостная тишина. Эта кровавая расправа над невинным человеком произвела на всех тяжелое впечатление. После этого нас стали держать еще строже. Двери и люки окон не открывались совсем.

На ст. Слодянка были запрещены всякие передачи нам. К вагонам никого не подпускали. В помощь русскому кон-

вою пришли японцы, которые были очень грубы и вели себя вызывающе. Нахлынувшие толпы рабочих, женщин и детей они бесцеремонно разгоняли прикладами. Девочку, которая хотела передать кусок хлеба арестованному в окно вагона, солдат-японец сбил с ног под поезд. По приезде в Читу в эшелоне оказалось еще три трупа умерших от холода и голода.

Рабочие нам здесь таюке оказали помощь. Особенно большую помощь оказала нам одна молодая женщина, муж которой был расстрелян белогвардейцами. Она знакомила нас с настроением рабочих и воинских частей гарнизона, а таюке и с условиями, в которых находились арестованные, проследовавшие на восток ранее нас. Она ежедневно приходила к нам по два раза. Мы так привыкли к ней, что ее опоздание всегда волновало нас: нам казалось, что она тоже арестована.

Вечером она обещалась принести нам несколько паспортов, но наш эшелон неожиданно повернули обратно на Иркутск. Оказалось, что атаман Семенов отказался пропустить наш эшелон. Из Иркутска эшелон отодвинули на ст. Иннокентьевскую, а затем на разъезд Военный городок.

Здесь началась выгрузка арестованных. Трудно было узнать знакомых товарищей: грязные, оборванные, еле держащиеся на ногах. Казалось, что это не люди, а тени, призраки или дикари. И, по обыкновению, несколько трупов.

В лагере

Нас привели в лагерь в Военном городке (около ст. Иннокентьевская) и разместили по баракам, человек по 500 в каждом. Прибывших женщин в числе 23, вывезенных с нами из уфимской тюрьмы, поместили отдельно и вскоре перевели из лагерей в городскую тюрьму.

Все бараки были холодные, неприспособленные к жилью, в окна беспрерывно дул ветер, пазы в стенах просвечивали,

двери закрывались неплотно, в рамках нехватало стекол. Хотя условия были ужасные, но все же здесь мы себя чувствовали лучше, чем в вагонах. Здесь с первого же дня к нам на помощь пришли военнопленные, особенно мадьяры, которые в окна передавали нам хлеб, чай, сахар, табак.

Военнопленные свободно ходили в расположении барачков, нам же совершенно не разрешалось выходить из барачков под угрозой расстрела, палки и шомполов. Впрочем, с прибытием нашего эшелона и военнопленных стали держать строже, запретив всякие сношения с нами. Но эти меры не имели успеха.

С первых же дней над нами начались издевательства. Особенно рьяным в этом отношении был заведующий барачками военнопленных красноармейцев прапорщик Прорвич. Он ежедневно приходил в барачок, чтобы «наводить порядок». Визит его, по обыкновению, начинался с того, что он ругал нас площадной бранью, бил дежурных, дневальных и встреченных им на пути арестованных, постоянно грозил палками, арестом и расстрелами. Особенно ненавидел он бывших офицеров, служивших в Красной армии, которых было среди арестованных до 15 человек. Прапорщик Прорвич назначил наказание за проступки: за неповиновение начальству—25 ударов палкой или 30 суток строгого ареста, а за отлучку из барачка—расстрел.

Более чем месячное пребывание в вагонах подорвало окончательно у всех силы. Вскоре по прибытии начались массовые заболевания. В каждом барачке лежало по 100—150 больных тифом и прочими болезнями. Больные лежали на грязных нарах в своем рваном и грязном платье, в холодных барачках без всякой помощи. Наши просьбы о бане, не говоря уж о белье и одежде, оставались без всякого ответа.

И люди ежедневно умирали. Многие от непрерывных страданий лишались рассудка.

Ночи проходили кошмарно. В бараках попрежнему стоял адский холод, замерзала вода. Не имеющие более или менее сносной одежды целыми ночами простаивали у печей и спать не ложились, боясь заоченеть.

Через несколько дней для больных отвели половину одного из барakov. Но положение больных от этого не улучшилось. Наоборот, они лишались ухода тех из товарищей, которые еще могли держаться на ногах. В бараке для больных картина была поистине потрясающая. Люди валялись на грязном полу и на не менее грязных нарах без всякого присмотра и без всякой помощи.

Смерть беспощадно косила заключенных. Трупы целыми днями лежали среди больных, а если выносились, то складывались в другой половине этого же барака и здесь лежали по нескольку дней.

Несмотря на то, что половина арестованных были не военные и совершенно не служили в Красной армии, всех арестованных начальство считало красногвардейцами и ко всем применялись дисциплинарные взыскания, которые существовали в бывшей старой армии. Например, за то, что прошение было подано не по команде, т. е. не через ротного командира, заведующего бараками прапорщика Прорвича, виновный арестовывался на 10 суток строгим арестом. За другие проступки, как например за неисполнение приказа своего отделенного, взводного или фельдфебеля, давали по 15—20 суток строгого ареста.

В первые дни у наших барakov стоял караул из мобилизованных солдат Сибирской армии. Было сравнительно свободней и легче. Арестованные, пользуясь этим, выходили под различными предлогами из барakov и уходили в соседние деревни, в поселок Иннокентьевский и в город, там собирали подаяние, рассказывали про свою горькую долю и узнавали про настроение рабочих. Таких арестованных

прозвали «стрелками». Они всегда возвращались с мешками, наполненными хлебом и прочими продуктами, приносили обувь и даже одежду, газеты и все новости города. Только благодаря этим «стрелкам» сохранились жизни многих товарищей и мы имели возможность читать ежедневные газеты и знать, что творится на воле.

Но жестоко расплачивались «стрелки», когда во время своих отлучек из барачных они попадались на глаза кому-либо из начальства, а особенно прапорщику Прорвичу. После возвращения в бараки их били кулаками и шомполами, затем отправляли на гауптвахту, сажали в одиночные холодные камеры, с нарами у окон, в которые дул ветер и проходил снег.

Но, не взирая на все это, отлучки продолжались. Наши «стрелки» не останавливались ни перед чем. Некоторые, уйдя, более не возвращались.

Связь с деревней и рабочими была налажена. После месячного нашего пребывания в бараках, к январю 1919 года, ушло более 100 человек самовольно, а некоторых отпустили на поруки, под поручительство крестьян и рабочих. Характерно, что рабочие поселка Иннокентьевского и крестьяне соседних селений хлопотали о взятии на поруки таких товарищей, которых никогда не знали, не видели в лицо.

Происходило это таким образом. Была организована небольшая группа наиболее развитых и энергичных товарищей, которые и проводили подготовку к освобождению из лагерей, в первую очередь более видных товарищей. Группа передавала список намеченных к освобождению рабочих, которые хлопотали об освобождении лиц, помещенных в списке. Вышедшие товарищи намечали в свою очередь следующую группу и т. д. Другие же уходили по деревням и просили крестьян взять кого-либо из арестованных на поруки, с условием, что арестованный будет у него работать.

Нас в числе 8 человек взял на поруки рабочий Черепанов. У него имелась и бумажка о нашем освобождении, но внезапно отрядом Красильникова у него был произведен обыск, бумага при обыске Черепановым была уничтожена и мы продолжали оставаться в бараках.

В виду значительного числа побегов из лагерей, в декабре вместо русских солдат был поставлен караул из румын, которые совершенно не выпускали из бараков. Отлучки и связь с населением прекратились. Румыны были настолько рьяны, что не пропускали вечером даже и по делам службы. Стоявший часовой, завидев идущего человека, быстро брал винтовку на изготовку, приставлял к груди острие штыка.

Приходилось искать иного выхода. В этом помогло то обстоятельство, что я состоял старшим всех бараков и поэтому как «командир роты» не только имел право, но и обязан был производить по баракам проверку. Люди, назначенные к освобождению, мною брались в барак, в котором находилась канцелярия, якобы по делам службы—для составления списков и т. п., а отсюда было легче уйти. Связь благодаря этому наладилась снова. Многие из числа бежавших товарищей благодаря содействию железнодорожных рабочих устроились на службу. Эти товарищи помогали только что освобожденным, брали на поруки следующих.

Однако в январе 1919 года освобождение на поруки совершенно прекратилось. Это вызвано было тем, что находившиеся на поруках и переданные под надзор местной власти уезжали; кто старался пробраться через фронт на родину, а кто присоединялся к оперирующим вблизи Иркутска красным партизанским отрядам.

Я не мог дальше надеяться на освобождение легальным путем и бежал из лагеря.

Это не забудется

1918 год. Глубокая осень. Октябрь. Из тюрем учредилки эшелон за эшелоном отправляли в глубь Сибири тысячи пленных красноармейцев, большевиков, советских работников, среди которых были молодые, старые, женщины и дети.

Подхлестываемая наступавшей Красной армией, учредилка спешила вывезти своих пленников.

Наглухо забитые товарные вагоны, без печей, без нар. Мороз крепчал, ветер свистел в широкие щели.

Полуголые, в рваной летней одежде или покрытые серыми вшивыми арестантскими одеялами, которые сумели тайком утащить из камер, арестованные жались друг к другу; но тепла не было.

Здоровые, кровь с молоком, офицеры, начисто выбритые, выхоленные капитаны, поручики громко подают команду, и конвой вскакивает на станциях то в один вагон, то в другой и выбрасывает на полотно под откос с ходу замерзших и умерших от голода заключенных.

...Четвертые сутки ни хлеба, ни снегу (воды не проси).

Не высунь головы из окна вагона: выстрел с тормоза — и раздробят череп. В нашем вагоне застрелили рабочего: не утерпел, приоткрыл окно, высунулся, глубоко вдохнул морозный воздух.

Группа товарищей: Малашкевич, Сухоруков, Серов и др. — решаются взломать дверь и выпрыгнуть.

Одному из них я отдаю свое пальто. Прыжок в темноту на полном ходу, и они уже там под откосом. Живы ли? (После я узнал, что тов. Сухоруков и другие спаслись.)

Выстрел... Другой...

На первой станции пересчет в каждом вагоне. Обязали круговой поручкой. За одного всех.

А поезд мчится, как будто красные за ним бегут по пятам. Тиф почти поголовно охватил всех. Уже не считая, выбрасывают трупы под откос.

На больших станциях отраднее.

Так тепло, так ласково рабочие встречают эшелон смерти, чтобы оказать нам посильную помощь.

Ни караул, ни наглые грубые окрики белого офицерства не смогут отогнать эту массу рабочих от вагонов.

Толпами они окружают вагоны, мы отворяем окна, и куски хлеба вместе с приветом вливают в нас бодрость и силу.

Рассказываем, как нас мучают.

Да зачем?—Наши иссохшие лица, наши горящие впа-
лые глаза говорят им все.

Омск, Красноярск, Иркутск...

В Чите атаман Семенов, глава забайкальского белого правительства, не принял эшелон: «тифозных и без того навезли много».

И снова повернули в Иркутск.

В полуразрушенные казармы, без окон, без дверей, «растеряв» дорогой человек 500, бросили больных, голодных, полузамерзших заключенных.

Это был военный концентрационный лагерь при станции Иннокентьевская, верстах в 12 от Иркутска.

Милая Сима Дерябина—она почти умирала, кровь шла из горла, нечеловеческие страдания и лишения в поезде окончательно подорвали здоровье старой подпольной работницы.

Отсюда мы с тов. Феоктистовым бежали.

Сима Дерябина дала мне явку, и рабочие депо станции Иннокентьевская отправили нас в Омск.

С тех пор прошли годы. А лица изможденных, измученных заключенных из поезда смерти, сотни горящих впалых глаз как будто смотрят на меня.

Тысячи товарищей, замученных эсеровской «демократией», встают в памяти.

Пусть же память о них навсегда сохранится в сердцах миллионов, продолжающих то дело, за которое самоотверженно погибали наши товарищи.

П. Андронов

В плену у чехов

... Итак Пенза оказалась в руках чехов. Наш отряд был окружен, с криком и ругательствами несколько человек чехов подошли ко мне, стали тормошить, толкать, не переставая ругаться. Затем приступили к обыску. Отобрали у меня часы, сняли шинель и ремень. Больше при мне ничего не оказалось. Здесь я увидел своего брата, Константина, который тоже был окружен чехами.

Толкая и ругаясь, нас повели по улице Поповке на Рязано-Уральский вокзал. Бой уже кончился, только кое-где изредка раздавались одиночные ружейные выстрелы.

По пути к вокзалу к нам присоединили новые группы пленных. Было несколько человек пленных, захваченных с пулеметами. Чехи заставляли их везти пулеметы на себе до вокзала. Мы с братом шли рядом, стараясь держаться в толпе. Лицо у меня было запачкано грязью, что я сделал намеренно, чтобы не быть узнанным кем-либо из обывателей и выданным чехам.

Когда нас подвели к вокзалу, к нашей партии присоединились еще новые группы арестованных, лица некоторых из них были в крови. Мешочники и спекулянты, находившиеся на вокзале, как безумные бросались на арестованных, колотя их мешками и обдавая горячей водой из чайников. Затем нас ввели в зал I класса и приставили усиленный караул. Там я увидел несколько человек товарищей из своего отряда.

Судя по той грубости, с которой обращались с нами во время плена, мы были уверены, что нас ждет расстрел, но все относились к этому безразлично: не было ни страха, ни жажды жизни, хотелось спать и только. Через несколько минут нас вызвали из вокзала и велели построиться в два ряда на перроне. Затем из вокзала вышел член Национального совета Медек и громко выкрикнул:

— Кто здесь Козлов?

Я молчал. Он повторил свой вопрос и какой-то неизвестный мне гражданин сказал:

— Я Козлов.

— Не тот,—ответил офицер,—есть еще Козлов среди вас.

— Я Козлов,—сказал мой брат, стоявший недалеко от меня.

— Не тот,—ответил Медек и стал обходить ряды. Я стоял во втором ряду. Подойдя ко мне, он проговорил:

— Чего же вы не отзываетесь? Идите за мной.

Меня привели в дежурную, где было несколько человек из чешского исполкома, которые вели переговоры с нами перед боем.

Мне сообщили, что я считаюсь их заложником и в Кузнецке, если благополучно доедут до него, меня освободят. Я не доверял им, но все то же безразличное состояние не покидало меня. Попросил разрешение на свидание с женой, которую заметил в толпе у вокзала. Меня отправили на Сороковой разъезд. Остальных же пленных отправили на ст. Пенза 2.

На Сороковом разъезде меня ввели в купэ штабного вагона, где я увидел тов. Либерсона. Он спал на полке, рука у него была перевязана. Очевидно, услышав шум, он проснулся, узнал меня и сообщил, что его объявили заложником и что, если благополучно доедут до Кузнецка, обещали освободить там. То же самое сказано было и мне. Я

не доверял чехам, но было совершенно безразлично. Крайне утомленный, я не в состоянии был продолжать разговор и лег спать.

Проснулись мы на другой день часов в 11 утра. Поезд стоял. К нам в вагон ввели какого-то человека, от которого мы узнали, что находимся в Сызрани. Вошедший оказался комиссаром труда г. Сызрани тов. Берлинским. Арестован он был чехами совершенно неожиданно для него, без всяких видимых причин.

Тов. Берлинский пытался протестовать, шумел, требовал немедленного своего освобождения. Приходили представители сызранского совета с требованием освобождения тов. Берлинского, но чехи отказались освободить его. Итак нас стало трое.

Невольно хочется остановиться на личности тов. Берлинского. Мало мне приходилось встречать подобного рода людей. Решительный, с неудержимым стремлением вперед, как ураган. Совсем еще молодой, но с задатками недюжинного человека, он одно время был в Сызрани председателем военно-революционного комитета. Сызранская буржуазия ненавидела его, что и явилось причиной его ареста. Арестован был тов. Берлинский на берегу р. Волги, куда он вышел с парохода, возвращаясь со съезда комиссаров труда из Москвы.

Потянулись долгие, томительные дни ожидания развязки. Жили мы только надеждой на побег, но рука тов. Либерсона болела, и мы решили подождать более удобного времени.

Луч надежды мелькнул было нам на время, когда эшелоны чехов стояли около Иващенкова и происходила борьба за обладание Самарой. Неожиданно в тылу со стороны Сызрани появились отряды советских войск, которыми, как мы впоследствии узнали, командовал тов. Кураев. Завязал-

ся бой. Видно было, что чехи растерялись, тем более снаряды из орудий долетали почти до завода.

Нам казалось, что за суетой чехи нас забыли, а вышло наоборот: караул был усилен. Отряд советских войск был оттеснен за Сызранский мост. Была минута ужасного напряжения. Паровоз эшелона штаба был под парами. То и дело мимо нашего вагона пробегали люди. Отдавались наспех приказания... И вдруг мы услышали знакомый гул аэроплана. Возникло предположение, что аэроплан чешский, но раздалась команда, а вслед за ней треск пулеметов, и мы увидели удаляющийся аэроплан.

... Помню, стояли мы недалеко от Самары (ст. Кряж). Шел бой за обладание Самарой. Чехи то и дело заглядывали в окна нашего вагона и злорадно посмеивались. Приходит Медек и сообщает, что Самара взята, а через некоторое время мы и сами убедились в этом. В здание вокзала привели пленных и среди них один с русой бородой и окровавленным лицом. Поезд тронулся, и мы, проезжая по железнодорожному мосту через реку Самарку, увидели трупы по берегу реки около моста. Картина эта вызвала в нас необычайное озлобление к врагам и жажду мести.

По приезде в Самару нас вывели из вагона и перевели в здание вокзала, где присоединилась к нам часть пленных, захваченных после взятия Самары. Между пленными оказались Масленников, Бакаев, Стыше, Рыбин и Вавилов. Тут мы узнали, что при взятии Самары чехи избивали пленных. В Масленникове мы узнали товарища, которого накануне видели на ближайшей остановке у Самары окровавленным.

По мере укрепления чехов в Самаре они все нахальнее вели себя по отношению к нам. Члены национального совета перестали навещать нас, что они делали до взятия Самары. Конвой обращался с нами очень грубо.

Буржуазия ликовала. Большевиков и сочувствующих им избивали. Первые дни к нам приводили арестованных партиями. Приводились люди, никакого отношения к большевикам не имевшие. Например, в первый день в числе многих был приведен мальчик-еврей 14 лет, учащийся. Он арестован был только потому, что кто-то на улице указал на него: «Вот комиссар!» и он был моментально арестован чехами. Несколько дней пришлось родственникам мальчика хлопотать и доказывать, что мальчик никакого отношения не имеет к большевикам: Наконец, нас отсортировали и оставили восемь человек: Козлова, Стыше, Масленникова, Вавилова, Бакаева, Берлинского, Либерсона и Рыбина.

Заветной нашей мечтой был побег. Нас водили гулять на русское кладбище с 3 конвоирами. Конвоиры иногда попадались довольно беспечные. Мы располагались на могилах. К нам подходили родственники арестованных, например жена Масленникова. Помню, несколько раз нам приносили фруктовой воды, а так как было довольно жарко, то и конвойные не отказывались пить ее. Мне всегда при этом приходила мысль отравить конвойных, подмешав в воду какого-нибудь яду. Своими соображениями я поделился с Масленниковым, который передал просьбу в город о присылке нам яду, но врач отказал в этом.

По возвращении из плена я узнал, что были попытки пензенских товарищей устроить мне побег. Тт. Цвангер и Раскин отправились в Самару, но попытка была неудачна, благодаря неопытности они провалились. Цвангеру удалось бежать, а Раскин остался в Самаре, вероятно, арестован и расстрелян, так как никакого слуху о нем после не было.

Продолжительность нашего пребывания в Самаре (дней 10) помогла более тесному сближению нашему с товарищами в Самаре. Приходивших на свидание товарищей мы старались использовать в подготовке к побегу. Масленников

получив несколько паспортов и бритву. К тов. Либерсону стали часто приходить на свидание отец его и брат. Стали поговаривать о возможности для тов. Либерсона освобождения из плена на поруки. Больше всех был уверен в этом сам Либерсон. Освобождение его было для всех нас очень важно, так как давало нам надежду на помощь в побеге.

Увезены мы были из Самары как-то неожиданно. Никто не думал, что нас так скоро отправят. Точно не помню какого числа, часов в 11 утра, нас всех вывели на перрон и посадили в арестантский вагон. Через несколько минут приходит чех и вызывает Либерсона. На наш вопрос, для чего требуют его, он ответил, что отец пришел на свидание, и тов. Либерсон без фуражки, в одном пиджаке, ничего не захватив с собой, пошел на свидание с отцом. Накануне отец Либерсона сказал ему, что по словам чехов, завтра решится его судьба. Прошло минут 20 томительного ожидания возвращения Либерсона. Поезд был готов к отходу. Раздается свисток паровоза, а Либерсона все нет. Наконец, отворяется дверь вагона и входит... не Либерсон, а чех и просит выдать вещи тов. Либерсона. Смутное предчувствие чего-то недоброго охватило нас, и мы все сразу спросили— Либерсон остается в Самаре?—Поднялся взволнованный общий говор. Желая увидеть Либерсона самого, мы отказались выдать его вещи. Но раздался последний свисток поезду. Некоторые вещи были собраны и выданы солдату. Все мы бросились к окнам вагона. Поезд тронулся. Тов. Либерсон стоял против вагонов с противоположной стороны от вокзала, бледный. По обеим сторонам его стояли солдаты с винтовками в руках и больше вокруг никого... Мы закричали, замахали руками. Либерсон что-то ответил, но голос был заглушен шумом отходившего поезда. Мы были уверены, что его освободят и не думали тогда, что это был его последний прощальный привет... Несколько товари-

щей посещавших нас, стремились к поезду, но было уже поздно.

Так кончилось наше пребывание в Самаре.

Первая наша остановка была на ст. Кинель и оставила у нас неизгладимое впечатление. Мы улеглись было спать, как дверь нашего вагона с шумом отворилась, к нам подошел солдат-чех и потребовал, чтобы Берлинский немедленно шел с ним. На наши вопросы, для чего понадобился Берлинский, солдат прикрикнул, чтобы мы не рассуждали. Берлинский поднялся с нар и вышел. Через минуту он, порывисто войдя к нам, проговорил:

— Меня уводят от вас, товарищи! Что делать?

Мы бросились к нему навстречу с вопросами: «Куда? зачем?» Но конвойные, подойдя к нам с винтовками в руках, заорали во всю глотку: «замолчать!»—и, взяв Берлинского за руки, повели к выходу. Тут же у входа его заковали в ножные кандалы, надели наручники и увели. Давно мы не слышали звона кандалов, а кто слышал, тот поймет, как действует он, какие думы будит...

В эту ночь никто из нас не спал. Каждый ушел в себя и думал о чем-то о своем. Для нас не было уже будущего, потому что мы были уверены, что каждого из нас ждет та же участь. А как только забрезжил рассвет и можно было писать, все занялись писанием прощальных писем родным, друзьям, товарищам...

Следующая ночь прошла благополучно. Нас осталось 6 человек: Стыше, Рыбин, Козлов, Масленников, Бакаев и Вавилов. Было решено, что нас может спасти только побег.

В вагоне мы были не одни. К нам то и дело подсаживали то крестьян, то красноармейцев, но это был текучий элемент. Кроме нашего вагона в эшелоне было еще несколько вагонов с пленными мадьярами и русскими. Были и аре-

стованные чехи. Во время стоянок их выводили группами и около опушек лесных расстреливали почти на виду у всех. Я помню одну стоянку. Всем нам разрешили выйти на волю. Впереди был разрушен путь и, пока наспех его ремонтировали, мы сидели около вагонов. Недалеко от нас виден лесок, окаймленный кустарником. Из одного вагона, шагах в 50 от нас, конвой вывел чеха и направился с ним к кустарнику. Вдруг произошло нечто неожиданное. Чех бросился вперед и растерявшийся конвой дал ему возможность пробежать шагов 25, но потом сразу раздался залп и чех, как-то странно подпрыгнув, упал. Конвойные подбежали к нему и один из них ткнул ему в спину штыком, очевидно, желая удостовериться, умер ли он.

Очень часто можно было видеть трупы убитых около полотна железной дороги. Это был путь смерти. Зрелища эти действовали на нас потрясающе и пробуждали чувство мести, которое вырывалось в форме протестов, криков и ругани по отношению к чехам.

Победы и неудачи чехов отзывались соответствующим их отношением к нам: то зверски настроенные, хмурые, готовые растерзать нас, то безразлично относящиеся к нам. Был такой случай при подъезде к Уфе. На эшелон с чехами, шедший впереди нас, был пущен встречный пустой поезд. Произошло ужасное столкновение поездов на самой середине моста. Мост провалился и два паровоза свисли над бездной, готовые каждую минуту сорваться вниз. Погибло много чешских солдат. Обгорелые вагоны, изуродованные тела, ужасный шум будили в нас безумный восторг. Но что делали чехи? Они готовы были растерзать нас. К нам в вагон ежеминутно вбегали чешские солдаты. Тыкали на нас пальцами, размахивали руками, слова «сволочь» и «собаки» не сходили у них с языка. Мы чувствовали себя как затравленные звери.

Каждый из нас теперь тщательно изучал привычки наших конвоиров, местность наших стоянок, осматривал прутья решеток и дверь. Я взялся сделать оттиск для ключа, чтобы в Уфе, где у Вавилова было много знакомых, заказать ключ для двери. За неимением воска я принялся месить хлеб, чтобы придать ему свойство воска, как это мы делали в бытность в тюрьме, приготовляя из хлеба шахматные фигуры. И мне удалось сделать оттиск.

Приближаемся к Уфе. Вавилов уверяет, что чехам плохо придется там. Уфа—естественная крепость и ее трудно взять. Но предположения его не сбылись. Уфа сдалась почти без боя.

В Уфе же случай чуть не вырвал из наших рядов тов. Вавилова. Однажды ему переданы были какие-то продукты с воли и в них вложено было письмо, которое было перехвачено чехами. Что в нем сообщалось, нам не удалось узнать. Передавший продукты успел скрыться и вся вина была взыскана на Вавилова. Его вывели из вагона, ругали, грозили расстрелять, но потом привели обратно и установили за нами усиленный надзор. Вавилов вывел заключение из отдельных фраз, что в письме говорилось о скором нашем освобождении.

В Уфе мы простояли недолго. Здесь же нам удалось узнать о расстреле тт. Либерсона и Берлинского. Однажды мы увидели проходившего мимо окон нашего вагона брата Либерсона. Через несколько минут после этого явились конвоиры и перевели всех товарищей в другой вагон, оставив меня одного. Всем это показалось очень подозрительным, и товарищи начали было протестовать, не желая оставлять меня одного, но пришлось подчиниться силе. Когда я остался один, неожиданно появляется в вагоне брат Либерсона и задает мне вопрос:

— Знаете, где Либерсон?

— Нет,—отвечаю ему я.

— Он расстрелян!

Меня так поразила эта неожиданность, что я потерял способность соображать и теперь не помню, как ушел от меня брат Либерсона.

Ведь мы все думали, что Либерсона отпустили. От брата Либерсона мы также узнали, что Берлинский расстрелян в Сызрани, куда был доставлен после высадки его на ст. Кинель.

Через несколько дней нас направили в Челябинск. Здесь мы по пути видели около лесочков сделанные наспех виселицы: мы вступали в места казацкого разгула. В Челябинске чехи сдавали казакам набранных по пути пленных. Мы слышали, что казаки, приняв пленных, не довели их до тюрьмы и по пути несколько десятков человек засекли шашками насмерть.

Из Челябинска нас отправили в Омск, где обосновался исполком чехо-словацких войск.

Хотя мы и сидели в арестантских вагонах, но все же связь с волей сумели наладить, так как на станциях вплоть до Златоуста у Вавилова было знакомство.

В Омске нас водили купаться на реку Иртыш. Там мы познакомились с латышами-беженцами, с которыми переговоры вел тов. Стыше. Обыкновенно мы уплывали на островок и беседовали вволю.

В детстве я не мог научиться плавать, так как провел его в безводной местности. В Омске мне пришлось серьезно взяться за эту науку и я успешно постиг ее при содействии тов. Бакаева, хотя не без труда, так как течение Иртыша очень быстрое.

Мы продолжали разрабатывать план побега, который состоял в следующем. Наши новые знакомые латыши должны были на противоположном берегу Иртыша приго-

готовить одежду, оружие и документы, а мы в заранее назначенный день должны были переплыть Иртыш и добраться до роши, которая находилась верстах в 10 от места купания. Конечно, побег мог кончиться для нас печально, потому что конвойные не упустили нас из виду, но все равно без надежды на побег нельзя было жить. Всем хотелось, чтобы кто-нибудь из нас добрался до стана своих и сделал попытку организовать побег остальных. Нам казалось тогда немыслимым, чтобы помощь к побегу не была оказана. Мы судили по прежним временам подпольной борьбы и совершенно упустили из виду, что нас, пленных, было слишком много.

Н. И. Козлов

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
Ф. Попов, — Учредилловщина	5
Кровавые дни	
«Спасители» цивилизации и культуры	56
На улицах Самары (из рассказов очевидцев)	59
Гонимый.— Учредилловское (воспоминания работницы)	62
И. Трайнин — Из пережитого	66
Беспартийная.— В те дни	73
Террор чехо-учредилловцев в Мелкесе	75
И. О. Коновалов.— Живыми закапывали в землю	77
„Демократия“ на практике	
«Свобода и изродовластие»	79
Заявление правления кооперативной столовой	85
Ф. Дор.— Учредилловские расправы в Иващенкове	87
Учреждение чрезвычайного суда. Из приказа Комуча № 281	92
Бат.— Зверства дутовских палачей	94
Из приказа оренбургских уполномоченных Комуча	98
М. Хатаевич.— Из недавнего прошлого	100
П. Андронов.— Провокация учредилловской охраны	107
А. Абрамов.— В подвале контрразведки	109
Н. Шахов и М. Мартынов.— В уфимской тюрьме	114
Во власти карательных отрядов	
«Закон, покой и порядок»	117
Генеральское «изобретение» о методах борьбы с дезертирством	120
Ультиматум Комуча Лобазинской волости	121
Что посеешь, то пожнешь	122
В. Шемякин.— Письмо в редакцию газеты «Вечерняя заря»	123
А. Дорогойченко.— «Демократические» истязатели	125
Новые «порядки» в деревне	128
Г. Перов.— Никому не было пощады	130
Г. Кузнецов.— Союз креста и белогвардейской нагайки	131
Поезд смерти	
Потрясающие документы	138
Л. Зальцман-Адельсон.— От Самары до Владивостока в поезде смерти	141
Страшный поезд (из дневника американца)	173
В. Батурий.— Семь месяцев в руках белогвардейщины	180
П. Андронов.— Это не забудется	194
Н. И. Козлов.— В плену у чехов	197